

**СИБИРЬ
И
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
АЗИЯ:
Проблемы
региональных связей
XVIII – XX вв.**

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И
ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

СИБИРЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ.

XVIII–XX вв.

ТОМСК – 1999

Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII–XX вв. Сборник статей и материалов / Под. ред. профессора В.П. Зиновьева: Издание Томского университета. Томск, 1999. 156 с.

Сборник посвящен малоизученным проблемам региональных связей Сибири и стран Центральной Азии в XVIII–XX вв. в сферах экономики, политики и демографии от падения последней империи кочевников Джунгарии до наших дней.

Сборник рассчитан на историков, экономистов, специалистов в области международных отношений.

Редакционная коллегия:

директор гос. архива Томской области А.В. Большакова,
доктор исторических наук В.П. Зиновьев (отв. ред.),
кандидат исторических наук А.Г. Тимошенко

Сборник подготовлен при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда
Код проекта: 98-01-00330

© В.А. Бармин
В.П. Бойко
Государственный архив
Томской области
В.П. Зиновьев
Е.Ю. Лицарева
С.Н. Мирошников
Е.Ю. Романова
А.В. Старцев
Е.Ю. Тышкевич

Томский государственный университет

Заказ № 140. Тираж 200 экз. УОП ИПО (ул. Никитина, 4)

От редактора

Предлагаемый читателю сборник включает статьи и материалы касающиеся малоизученных, но актуальных вопросов истории отношений регионов Сибири и стран Центральной Азии в XVIII–XX вв. Сборник открывается первой в историографии публикацией части труда известного сибирского историка Иннокентия Тъжнова “Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий”. Из обширного сочинения для публикации выбрана последняя, десятая глава “Падение Джунгарии”. В ней анализируются последствия распада Джунгарии для южных окраин Сибири. Именно тогда были в основном установлены контуры современных границ Западного Китая, юго-восточных границ России и восточных границ Средней Азии. Далее публикуется совершенно неиспользуемый ранее историками труд исследователя Сибири и Центральной Азии сотрудника Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества Н. Балкашина о становлении торгового обмена и торговых путей Сибири, Средней Азии и Китая в XVI–XIX вв. Тем самым статья вновь вводится в научный оборот.

Статьи доцентов В.П. Бойко (Томский гос. пед. ун-т), А.В. Старцева (Барнаульский филиал Рязанского ин-та экономики и права МВД РФ) и профессора В.П. Зиновьева посвящены анализу внешней торговли Западной Сибири со странами Средней Азии, Монголией и Китаем через границы Томской губернии, Семипалатинской и Семиреченской областей, торгового обмена Западной Сибири и казахской степи в XIX–начале XX вв.

Складыванию дипломатических и экономических отношений регионов Сибири, Средней Азии с Синьцзяном в первые годы советской власти посвящена статья доцента Барнаульского гос. пед. ун-та В.А. Бармина. Дипломатическая борьба вокруг Тибета в 50-е гг. XX в. рассматривается в статье к.и.н. С.Н. Мирошникова (ТГУ). Вопросы выработки США политики в отношении Китая касается в своей статье доцент Е.Ю. Лицарева.

Современный миграционный обмен между сибирскими регионами и Казахстаном анализируется в статье студентки IV курса высшей школы бизнеса ТГУ Е.Ю. Романовой. Статья подготовлена по итогам ее работы в спецсеминаре профессора В.П. Зиновьева на кафедре Теории международных отношений и организации внешнеполитической деятельности ТГУ. Аспирантка Е.Ю. Тышкевич представила краткий обзор состояния финансов стран постсоюзного пространства после кризиса августа 1998 г. в России.

Изданием сборника, осуществленного при финансовой поддержке РГНФ, авторский коллектив и редакционная коллегия надеются привлечь внимание ученых и специалистов к исследованию внешнеполитических проблем России в Центральной Азии, в том числе и их региональных аспектов. Приглашаем к сотрудничеству всех изучающих историю и современность международных связей Сибири и стран Центральной Азии.

Тыжнов И.И.

Падение Чжунгарии*

Мы подходим теперь к последнему акту той великой трагедии, которая тянулась целое столетие и которая закончилась падением Чжунгарии как самостоятельного государства, гибелью Ойротского союза и значительной части самих ойротов. С Галдан Цэреном сошел со сцены последний чжунгарский правитель, который, собрав разрозненные части государства, потрясенного внутренними смутами и внешними вой-

нами, сумел снова объединить ойротов, успешно боролся с маньчжурами и казахами и с железной твердостью держал в повиновении калмыцких владельцев, всегда склонных к интригам и мятежам. Чжунгарские правители, следовавшие за Цэваном, представляют собою уже политические ничтожества, приносившие интересы государства в угоду своему честолюбию и личным выгодам. Это были случайные люди, которых обстоятельства выдвигали на верхи тогдашней политической жизни или, правильнее, на верхи политических смут. Ни один из них не мог собрать около себя достаточно сил ни для того, чтобы восстановить единый государственный центр, ни для того, чтобы только отстоять свою независимость от Китая, который давно уже ожидал благоприятного случая сокрушить своего старого врага. Никто из этих последних правителей и не задавался этой целью; напротив, они даже помогали этому врагу, и в конце Чжунгария пала, а вместе с разрушением государственного строя погибла и большая часть ее населения.

Одна черта проходит чрез всю историю Чжунгарии, как и всех других государств с кочевым населением. Все более или менее крупные события, будет ли то война или внутренняя смута, вызывали в них передвижение народностей или поколений иногда в пределах государства, иногда же и за пределами его. Такое явление можно наблюдать в истории Халхи, в истории любого азиатского государства, подданные которого были номадами; то же явление произошло и при падении Чжунгарии. Внутренние междоусобия, а затем война с маньчжурами привели в движение население не только

в самой Чжунгарии, но и в соседних с нею странах, в Халхе и среди урянхав. Вот это именно явление, передвижение населения Чжунгарии, и связывает историю ее в последние годы ее существования с историей Сибири; оно отразилось на соседних с Чжунгарией областях Сибири, а исчезновение Чжунгарии из строя самостоятельных государств имело свое влияние на поступательное движение русских в Азии.

Появление чжунгарских беженцев на границе Сибири относится к 1756 и 1757 гг., особенно же сильно было бегство калмыков в 1758 г., когда командующие китайским армиями Чжао-хой и Фудэ занимались в долине Или поголовным истреблением калмыков. Все население этой области в ужасе бежало кто куда мог, бежали к своим врагам казакам, бежали в города Восточного Туркестана, в Тибет, в Россию. Пограничная полоса Сибири была наводнена беглецами, на линии выбегали люди и родовыми группами, единственно уцелевшими организациями после разрушения центральной власти, и случайно составившимися уже во время бегства группами из разных родов, и в одиночку. Выбегали и калмыки, и представители других народностей, мингаты, урянхайцы и проч. Прежде чем добраться до русских пределов, этим беженцам приходилось претерпевать крайние лишения, подвергаться нападениям и грабежам со стороны других. Выбитые из колеи, они не имели никаких средств к существованию, и сами жили грабежом. Они проникали иногда за линию крепостей, увлекали за собою двоedanцев, живших внутри границы, и производили здесь беспорядок. Это было настоящее переселение народов, в миниатюре. Трудно было разобраться в этом хаосе и смешении. Приведем несколько примеров этого беженства.

В 1757 г. на линию выбегали люди, назвавшие себя мингатами. Они, по их собственным показаниям, ранее жили на р. Таласе, в ведении зайсана Еркету, имевшего 2700 кибиток. По разорении зюнгорской землицы на них поочередно нападали китайцы, киргиз-казаки и буруты; многие из них разбежались и были побиты, а часть двинулась на Алтай. Во время пути на них напали китайцы, некоторым удалось уйти в Россию, а мингаты попали в плен к монголам, в составе 100 кибиток. Монголы держали их в одном урочище, на р. Нарыме; отсюда они были переведены в урочище Хсмыцк, где и зимовали с монголами. Весною 1757 г. часть их с урочища Хемьцк, отстоящего от Устькаменогрска на расстоянии месяца езды, бежали в числе 37 человек до урочища Башкуша, где и кочевали до осени, а осенью пошли в русские пределы. По ту сторону Бухтармы на них напали урянхайцы и отбили всех лошадей. Пешком отправились они их отыскивать; шли пять суток и нашли тех урянхайцев на реке Тус. Лошадей отбили, а урянхайцы бежали, оставив своих жен и детей. Из расспросов они узнали, что эти урянхайцы находятся под управлением племянника Анжина Хоохоя, а места их кочевков не удалось установить, так как это они скрывают. Те из них,

которые не имеют лошадей, бродят по разным местам, выкапывая себе на пищу сарану и марьины коренья, а имеющие скот располагаются отдельными кибитками там, где есть звероловные угодья и корм для скота. Когда же они увидят людей, то дают друг другу знать, собираются в одно место, а затем нападают на них, если те идут небольшими партиями и грабят. Отыскав здесь своих лошадей, мингаты пошли на р. Салкиту; здесь на них опять напали урянхайцы и отняли лошадей. С Салкиту они шли пешком до урочища Печей, где и встретились с русскими. По словам других беженцев, мингаты были “жюнгурского владения”, а по разорении Жюнгории ни в каком “ведомстве” не состоят и живут “сами собою”¹.

Падение власти в Чжунгарии уничтожило все бывшие там общественные связи, и бежали люди не только свободного состояния, но и холопы. В 1759 г. в одну из иртышских крепостей выбежал бухарец, старик 64 лет. Он сказал, что еще в малолетстве был взят в плен калмыками и жил у Шарасина, который отдал его затем ламе Лаврыню, от него он перешел в холопство к ламе Зундую и прожил у него 34 года. Потом они были разбиты нойоном Шерином и скрывались восемь месяцев в горах. Пошли в Россию, но по дороге были разгромлены Хоохоем; один из них был убит, а трое взяты в плен и привезены на реку Укыр-Усун. Там он жил в холопстве у урянхайца Убана; от него убежал “по худому у них житью, а паче опасаясь, что они варят в котлах под скрытом человеечьи тела”. На такое подозрение навело его исчезновение двух живших у них женщин, платья которых он видел после их исчезновения, хотя хозяева утверждали, что те женщины бежали. Опасаясь также быть убитым и съеденным, он бежал, захватив с собою лошадь и немного сушеного мяса. Мяса хватило ему на два дня. Дорогой лошадь пала, он отрезал у трупа ногу, высушил ее и таким образом питался в остальное время пути. Через десять дней после бегства он пришел в крайнюю иртышскую крепость.

Так как выбегавшие на границу люди были прежде всего люди голодные, то перед администрацией встал вопрос о продовольствии их, и начальство пограничных крепостей взяло на себя заботу о прокормлении этих выходцев, из которых многие не имели ничего, даже сносной одежды. Тарскому воеводе было приказано выдавать крещеным калмыкам по три деньги в день и по четверику муки в месяц. В Устькаменогорской крепости выдавали взрослым крещеным по четверику муки в месяц, малолетним половину, а во время пути по три копейки в день. В некоторых крепостях беженцам выдавалось, кроме провианта, на мясо взрослым некрещеным, по одной копейке, малым от 10 лет по одной деньге, крещеным взрослым и детям по три деньги в день. Старшины получали более. Так, нойон Шерин получал 20 коп., другие нойоны по 10 коп., зайсаны по 5 коп., ламы — от 5 до 10 коп. в день. Деничи Уржин докладывал начальству, что хотя его людям и выдан

ячмень, но за неимением мяса, молока, а особенно соли они терпят большую нужду, оттого опухли и впали в болезнь; купить или обменять не на что, да и ячменю недостает, от голода люди оправиться не могут. Он просил о прибавке провианта и о выдаче соли и мяса. Кроме того, он указывал на то, что не желающим креститься ничего не выдается. О недостаточности провианта свидетельствовало и само начальство. Калмычка, холопка одного старшины, донесла, что калмыки для какой-то цели копят провиант. По этому доносу был сделан у калмыков обыск по всем крепостям колыванской и иртышской линий. Начальство подозревало, что калмыки хотят уйти к Амурсане. Произведенный обыск показал, что не только не было излишних запасов, но и выдаваемого провианта было недостаточно. Капитан Сумароков, производивший обыск в Семипалатной крепости и в ближайших к ней форпостах, доносил, что если в некоторых кибитках он находил по четверику, то это количество принадлежало человекам двенадцати – пятнадцати, следовательно “тут не только лишку нет, но и до термину достать неуповательно”. Калмыки, по его словам, питаются у кого есть дичининым мясом, иные ходят по близости в крепость, собирают по миру милостыню, работают у русских по своему умению, и так пробавляются до выдачи провианта. Никаких признаков намерения калмыков уйти к Амурсане Сумароков не обнаружил².

Между тем беженское движение росло и приняло массовый характер. Калмыки толпами выбегали в пограничные крепости и форпосты, и на очередь стал вопрос, что же делать с ними дальше. Разместить их внутри линии оказалось невозможным, так как не было места. По условиям кочевого быта, для них требовались значительные пространства и звероловные угодья, при том же, было бы опасно поселить в пограничной области, где и без того происходили неурядицы, такое количество людей, подданство которых было весьма сомнительно. Кроме того, могли протестовать китайцы. Известно, что этот вопрос был разрешен в том смысле, чтобы калмыков, принявших подданство, переправить на Волгу к их сородичам. Это и было выполнено, а самое переселение было поручено военному начальству пограничных линий. В 1758 г. против выходцев уже были приняты некоторые ограничительные меры. Начальник линии Фрауэндорф распорядился не принимать выбегающих в крепости калмыков, если они не изъявят желания креститься, принимать только желающих креститься, “какой бы нации кто ни был”. Так как крещение давало калмыкам некоторые льготы, то желающих креститься было довольно значительное количество. В Колыванском заводе было крещено 109 чел., в Устькаменогорской крепости до августа 1757 г. – 237 челов. После крещения некоторые обвенчались со своими женами, некоторые же повенчались с другими, оставив прежних жен “по молодости их”; несколько калмычек вышли замуж за казаков и крестьян.

Отправление калмыков на Волгу началось с апреля 1757 г., когда из Коркиной (Ишимской) слободы была доставлена партия 54 чел. И из креп. Омской в Орскую 40 чел. В конце июня того же года была сформирована партия, в которую вошли все беженцы с Кузнецкой и Колыванской линий; она была отправлена из Бийской крепости под начальством майора фон Эдена. С ним шли 566 семей, в них 1106 мужчин и 1178 женщин, всего 2284 чел. На пути от Бийской кр. до Семипалатной к этой партии было присоединено еще 895 чел., так что всего набралось 3179 чел. За людьми следовал их скarb и скот, 76 верблюдов, 3656 лошадей, 157 коров и некоторое количество мелкого скота. Сопровождавший партию конвой состоял из 305 человек с двумя орудиями. 26 июля из Омска вновь было отправлено 107 калмыков, а к началу августа после выхода Эдена в Семипалатную было уже 194 чел. новых беженцев. В сентябре 1757 г. поруч. Келер конвоировал от кр. Лебяжьей до Ямышевой 260 чел. В ноябре в Устькаменогорскую кр. прибыло 67 чел., в том числе один дурбетский нойон. Беженцы прибывали, так что к 1 января 1758 г. в Омской крепости у секунд-майора Челюкина находилось 747 человек. В этом году в сентябре из Ямышевой кр. в Омскую было отправлено 69 калмыков. Но самой крупной партией оказался кош нойона Шерина, у него было 1156 кибиток, в них 3038 душ м.п., 2185 д.ж.п., всего 5223 д.об.п. Кроме того, скота было 12300 голов, в том числе 7800 лошадей, 3124 верблюда, 536 голов крупного рогатого и 850 голов мелкого скота.

Военным чинам, сопровождавшим калмыков, были даны инструкции, в которых были изложены правила передвижения. Так, подпрапорщику Горлову, сопровождавшему партию из Коркиной слободы в Оренбург, предписывалось смотреть, "чтобы калмыки утки не сделали, на верховых лошадях не сажать, оружия и лошадей в руки не давать и избегать встреч с киргизами, а если встретятся, то говорить, что то не пленные, а тобольские старожилы и идут по своему желанию в Оренбург на поселение вместе с родственниками". У калмыков отбирали оружие, какое у них было, ружья, луки, стрелы, копыя, кольчуги, а также военные припасы, порох, свинец, селитру и проч. Но калмыки иногда оружия не отдавали. У партии, отправленной 26 июля 1757 г. под начальством Шестакова, хотели отобрать ружья под тем предлогом, что они неисправны и их нужно починить, что и сделают им даром. Калмыки заявили, что ружья у них в исправности, а затем, что они теперь уже верноподданные, так как приняли подданство, и ружей не отдадут. Ружья им были оставлены. Нойон Шерин также отказался выдать оружие, говоря, что в его торгутах сомневаться нечего, что они давние подданные ее величества и зашли в Чжунгарии только затем, чтобы помолиться великому бурхану³.

Таким образом был разрешен вопрос о беженцах, прибывших из Чжунгарии; всех их, кои пожелали принять русское подданство, переселили на Волгу к их соотечественникам, подданным хана Аюки, находившегося в фактическом подчинении России. Но за всем тем оставался еще другой вопрос о тех двоеданцах, которые жили в пограничной полосе на Алтае, в непосредственном соседстве с военной линией. В 1757 г. начальнику линии де Вильневу было предложено послать чиновников осмотреть близ Кузнецка внутри границы места, удобные для поселения двоеданцев. Таких мест не было найдено. Поэтому де Вильнев полагал, что двоеданцев переселять не следует, а оставить их на прежних местах, построив для защиты их крепость. Переселять же их он находил невозможным по следующим причинам. Двоеданцы, по своему старинному обычаю, сена для своего скота к зиме не заготавливают, без сена же весь скот погибнет. Затем, угодий для звериного промысла, которым двоеданцы занимаются, внутри границы нет; при том же эти люди на своих местах обжились. Такого же мнения держался и полковн. Де Гаррига, а именно, что двоеданцев держать при крепостях не следует. Это было одно мнение, но другие из пограничных начальников думали иначе; двоеданцев должно переселить внутрь линии, чтобы избежать их от вторжения иноземцев.

Для решения этого вопроса около 1757 г. был устроен совет из представителей высшей местной власти. Прежде всего, совет занялся выяснением числа двоеданцев. Было установлено, что телецкие порубежные инородцы платят вольный ясак по четыре сорока 26 соболей в год, число же их неизвестно; они были приведены в подданство в 1625 г. и тогда их считалось 200 чел. Верхние саянцы, жившие по р. Катунь, платили тогда же ясаку 7 пластин соболей. По последним переписям д.б. Ал. Бутринова и Ив. Максюкова, тех телецких двоеданцев 339 чел.; Таутелеутских, Канских и Каракольских 541 чел. м.п. да в десяти кондомских волостях старолатенных и подростков до 1400 чел. м.п., а всего по старым и новым переписям имеется до 2200 чел. Далее, совет отметил, что в местах их жительства нет ни крепостей, ни форпостов, так что они как пограничные жители остаются беззащитными. Они живут звероловством, платят в казну ясак и нуждаются в звероловных угодьях, а лучшие такие угодья расположены близ канских волостей. Отыскать для них такие угодья в других местах невозможно, а потому переселение этих двоеданцев куда либо в иное место было бы равносильно их разорению, от чего потерпела бы убыток казна. На основании этих соображений совет пришел к окончательному решению оставить двоеданцев на тех местах, где они раньше жили. А для защиты их и для предупреждения набегов построить в удобном месте крепость и снабдить ее достаточным гарнизоном. К этому своему мнению совет приложил план предлагаемой крепости и представил на усмотрение высшего начальства¹.

Выше мы упоминали, что на Алтае было два чжунгарских владения, зайсанов Омбо и Боохол, подданных кантайши. О судьбе их сохранились некоторые известия. Омбо в 1756 г. вышел со своими людьми в крепость и принял русское подданство. Китайское правительство потребовало выдачи его самого и сына его Болота, так как до самого своего вступления в русское подданство они оба приняли китайское и были пожалованы богдоханом. Русское правительство решило их не выдавать, на том основании, что там их подвергнут "тиранским мучениям". Они изъявили желание переселиться на Волгу и были отправлены туда в составе одной партии переселяемых калмыков. Но во время пути они оба умерли в Таре. При матери вдове остался младший сын Тюро.

Другой зайсан Боохол в 1757 г. заявил с.б. Максюкову, служившему при Кузнецкой воеводской канцелярии, о своем желании принять русское подданство и затем прислал письмо, в котором подтверждал о своем желании и объявлял себя и своих подвластных людей в вечном подданстве русскому правительству, сообщая, что желает жить вместе с татарами двоеданцами и наравне с ними платить ясак. Он объяснял почему теперь скрывается в горах; он был вынужден бежать из страха пред торгоутским зайсаном Наугатом, живущим в Бийской крепости, и регистратором Деветияровским, которые всячески его притесняют, угрожают заковать в железо, разбить голову, отправить на Волгу и т.д. переселяться же на Волгу он не желает, так как они привыкли жить здесь. Он давно принял бы подданство, тем более, что полков. де Гаррига, человек добрый и к ним благожелательный, приглашал его сделать это, но их удержали жестокость и насилия Наугата и Деветияровского. Боохол просил защитить его от этих людей и дать ему обнадеживание для выхода из гор. К своему письму Боохол приложил реестр награбленного у двоеданцев скота и разного имущества, всего на сумму 764 руб. 30 коп. В числе грабителей показан толмач Петр, а в числе награбленного — девка 8 лет и парень 17 лет. Максюкову было предложено привлечь Боохолу кроткими мерами в Бийскую крепость. Удалось ли Максюкову сделать это, об этом сведений нет; но он затем доносил, что Боохол напал на собрание двоеданцев в урочище Каярлык и отнял привезенный ими ясак. В 1759 г. в Устьенининский форпост вышел из-за р. Бии, татарин Таутелеутской волости Чалаку от зайсана Намки и демичей Тарды и Ереддея с письмом на калмыцком языке. В письме они просили защитить их от монголов и от Боохолы. Они же сообщали, что к зайсану Намки прислан саянский татарин с известием, что Боохол с монгольским войском идет по двум дорогам, чтобы забрать в плен живущих в таутелеутской волости ясанных татар.

Какова была дальнейшая судьба Боохолы точно не известно. По одним известиям, он в 1758 г. ушел со своим улусом в Монголию в подданство Богдохана, по другим, — умер, и монгол разыскивали бежавшего его сына,

который скрывался где-то в Каракольских урочищах¹. Таким образом, с падением Чжунгарии оба эти контайшины владения на Алтае, как надо полагать, исчезли.

Обратимся теперь к тем двоеданцам, которые оставались в пограничной полосе за линией крепостей. С уничтожением чжунгарской власти они как бы переходили в единственное владение России, но на них немедленно же заявили притязания новые господа, их победители китайцы. По праву завоевания, они начали хозяйничать в пограничных областях, и этот переход власти от чжунгаров к китайцам сопровождался насилиями, грабежами и всякими беспорядками, так что в этих областях еще долгое время происходили смуты, увеличиваемые вторжениями других народностей, например казаков. Если ранее, как мы видели, здесь шел спор между Чжунгарией и Россией, то теперь этот спор по наследству перешел от Чжунгарии к Китаю. Россия теперь была поставлена в непосредственное соседство с Китаем, своим давним соседом и соперником в Восточной Сибири. Этот спор проходит через всю вторую половину XVIII столетия и в 90-х годах китайцы делают попытку овладеть Южным Алтаем, но встречают решительный отпор со стороны русского правительства.

Появление китайцев и монголов, правильное маньчжуров, на Алтае относится к последним годам существования Чжунгарии, когда там происходили междоусобия и когда центральная власть если не была совершенно парализована, то, по крайней мере, уже была ослаблена настолько, что не могла сдерживать действия центробежных сил. Прежде всего, это сказалось на окраинах, где началось брожение среди малых народностей, перешедшее затем в анархию. Понятно, что китайцы воспользовались этими смутами и старались подчинить себе эти народности и раздвинуть границы своих владений за счет России.

В 1756 г. в канскую волость приезжали китайские посланцы и объявили, что за ними идет войско, чтобы взять в китайское подданство телеутские и саянские волости. В том же году по заречной стороне Бии в Комляжскую и Кузенскую волости пришел отряд монголов и взял в плен ясачных татар тех волостей. Эта было совсем недалеко от пограничной линии; всего в двух днях езды от русского форпоста Устьенинского. Один урянхаец, вышедший на кузнецкую линию, показал, что он, будучи на Караколе, был захвачен монголами, бежал, на той же реке снова подвергся нападению монголов и снова спасся бегством. Всего было их восемь кибиток с десятником Манхулаем. Сначала они скрылись по р. Караколу, затем по р. Чемке, а теперь живут на р. Челюле. Манкулай ездил на р. Чарыш к русским жилищам и угнал 20 лошадей. В Устькаменогорской крепости калмычка Шюля сказала, что она жила в урянхайских улусах при урочище Уймон, там было у них 120 кибиток. По разорении Зентории и по уходе зайсана Намкула в

Россию, осталось восемь кибиток. Весною на них на р. Бирюле напали киргиз-кайсаки, мужчин перебили, а женщин угнали в плен. В том же 1758 г. зайсан Кукшин, кочевавший около озера Кеньги, поехал в Катунскую крепость, но за 50 верст от крепости на его напал монгольский военный отряд и воротил его обратно в улус. Зайсан Намки ездил на разведки и розыски двоеданских татар до р. Маймы вверх по Бии, по заречной стороне по р. Сара-кокше Комляжской волости, и встретил там есаула Чоко Килунчакова, который сообщил ему, что у них было 50 монголов за поисками калмыков; войско их идет по р. Катунь вниз. Тот же Кукшин рассказывал, что около 300 монголов, возвращаясь с верхнего Иртыша, захватили его с семьей (семь кибиток, десять чел.), но через два дня Кукшин бежал и, собрав своих людей и людей брата Толдая, погнался за монголами вверх по р. Семе. В верховьях Семы, в лесной каменистой теснине, они напали на монголов, когда те спали, и отбили у них жену, детей Кукшина и двух женщин, несколько лошадей и скота. Брат Кукшина Ивель был на промысле на р. Юло, и некоторые из его товарищей были также взяты в плен монголами.

В 1759 г. к живущим около Телецкого озера старшинам ясачной Комляжской волости Сарбачке Ивакову, Икышу и Коярту явился монгол, посланным китайским сборщиком Кахты, который собирал дань с телесских волостей. Этот монгол передал старшинам приказ Кахты, чтобы они выдали ему пришлых зенгорцев, которых набралось юрт 50. На это старшины ответили, что они над этими зенгорцами не властны, что они живут "сами собою", а если они монголам надобны, то пусть те сами и возьмут их. Монгол возразил на это: "Коли вы их отдаете, то отдайте руками ваших старшин". Получив отказ, монгол потребовал, чтобы они заготовили алману 30 лошадей, и прибавил, что если они этого не сделают, то будут все забраны к китайцам. Несколько ранее прошел слух, сто за Телецким озером якобы стоит 70 тысяч китайского войска. Когда пришедшие к телесам китайцы потребовали от них подчинения, те заявили, что они русские, а не зенгорские подданные; тогда китайцы предложили телесам послать с этим заявлением послов к богдохану, который и решит, как с ними поступить. Но телесы на это не согласились, а послали одного кергешского татарина в Кузнецк просить о защите от китайцев.

Алтай представлял собою в то время оригинальное зрелище. Это была стоянка или лагерь разнообразных народностей, сбежавшихся сюда от бойни, которую устроили маньчжуры в Чжунгарии. Здесь были и чжунгарские калмыки, и мингаты, и урянхайцы, бывшие подданные контайши. За ними явились китайцы и монголы, чтобы подчинить их власти богдохана или выдворить на старые места. Сюда же набегали и киргиз-казаки, чтобы пограбить. Все они, в большинстве разоренные и лишенные средств к существованию, по большей части живут грабежом. Но вскоре между ними и

местными туземцами начинают налаживаться мирные сношения, прежде всего торговые. Саянские урянхайцы, нашедшие временное пристанище на Катуні около Кеньгинского озера и по р. Кунрюк, выходили на летние стойбища на Ябаган и на Кан. У этих урянхайцев начался меновой торг с таутелутами зайсана Кукшина, но иногда они были не прочь и пограбить русские селения, не боясь приближаться к крепостям. Так, урянхаец Чаобо со старшиной Додоем подбегали под Чакырскую крепость, убили одного крестьянина и захватили на покосе двух женщин, над которыми надругались, затем отбили лошадей. Увидев за собою погоню, они скрылись в горы. В 1760 г. против грабителей, “яко сущих неприятелей”, была отправлена уже целая экспедиция, Из Чакырской крепости был послан вверх по Чарышу отряд в 150 чел. с прапорщиком Ширяевым. На устье Коргона он встретил две кибитки, в которых было девять человек. Под плетями они показали, что позади осталось 16 человек, но команда нашла троих, остальные убежали на лыжах. Ширяев с 24 чел. пошел за ушедшими, но те поднялись на сопку, где укрылись за сделанной ранее из камней защитой. Ширяев выбил их оттуда, при чем четверо были убиты и 22 чел. взяты в плен.

Итак, Чжунгария оставила Китаю в наследство спор с Россией о границах; спор это осложнялся теперь тем, что отношения на пограничной полосе были крайне запутаны. Практически вопрос был решен в том смысле, что старый принцип двоеданства был сохранен; но вопрос о границах между обоими государствами остался нерешенным. Можно было ожидать, что под впечатлением успеха китайцы поведут решительное наступление, но внимание их направилось в сторону Восточного Туркестана, где у них были старые счеты. Но во всяком случае завоевание китайцами Чжунгарии, а затем Кашгарии внесло значительные изменения в политическую систему среднеазиатских государств, и усиление Китая заставило русское правительство определить точнее отношение к своему соседу и на западе Сибири.

В 1760 г., т.е. через 2–3 года после падения Чжунгарии, вопрос этот рассматривался русским правительством во всем его объеме. Тогдашнее положение вещей наиболее полно изображено коллегией иностранных дел в донесении ее Сенату от 1 сентября 1760 г. Оно сводилось к следующему.

По истреблении зенгорского народа, писала коллегия, китайцы не выводят своих войск из тамошних мест и основывают там свои поселения, мало того, они стремятся овладеть Большой Бухарией, для чего заготовили в Малой Бухарии, особенно в Иркени много провианта и военного снаряжения. Они завели частые сношения с киргиз-казацкой Средней ордой, кочующей около сибирской и оренбургской линий, преимущественно же с Аблай Султаном, и, вступив с нею в торговые сношения, склоняют казаков к переселению на опустевшие зенгорские места, иногда прибегая к угрозам. Но те колеблются “из страха известного китайского тиранского владыч-

ства". Если же Средняя орда действительно переселится на зенгорские земли, то она увлечет за собою орду, кочующую за Оренбургом, и тогда для России возникнет серьезная опасность. Будучи магометанскими, эти орды войдут в сношение с магометанскими народами Восточного Туркестана и другими таковыми же народностями, обитающими в Сибири. Образуется настолько сильный враждебный России союз, что всегда надобно будет находиться "в крайнем сумнении и о всех живущих при границах здешних подданных магометанах, которых в Сибири и Оренбургской губернии, причитая к тому и башкирцев, находится множественное число".

Овладев Чжунгарией, продолжает коллегия, китайцы делаются грубее и заносчивее и в корреспонденции, которую они ведут с местными Сибирскими властями.

Что же касается границ, то все бывшие зенгорские владельцы, в своих притязаниях указывали на то, что граница между телеутами, им подчиненными, и Россией шла якобы вдоль Иртыша по р. Омь, где и была засека, а под Кузнецким уездом за границу была положена р. Уень или Черная Омь (Иня), впадающая в Обь, и что русские эту границу переступили и построили города Томск, Кузнецк, Красноярск, крепости по Иртышу и заводы.

Каковы же должны быть действия России? Этот вопрос коллегия разрешает так.

Сколько бы ни усиливалось китайское государство, Россия ничего предпринять не может, как только занять удобные для поселения и хлебопашества места, построить там крепости, чтобы их оградить и, что самое главное, предупредить занятие тех мест китайцами и тем самым отнять у них возможность прежних чжунгарских притязаний на те места.

Если же китайцы будут возражать, то им можно будет дать такой же ответ, какой был дан зенгорским посланцам в 1735 г., т.е. что по Черной Оми никогда никакой границы не было; если бы граница была, то об этом был бы составлен письменный акт или договор, но к тому никакого повода не было, так как те места исстари принадлежат русским. Точно также все места по сю сторону Иртыша до самого озера Зайсана всегда считались принадлежащими России и, если они до настоящего времени лежали впус-те, то лишь потому, что в них не было нужды, а ныне селения увеличились настолько, что уже не могут вмещать всех жителей и явилась необходимость заводить новые жилища.

Таким образом, программа коллегии иностранных дел сводилась к двум ясно и точно выраженным положениям: во-первых, к постройке новых и к усилению старых пограничных крепостей и, во-вторых, к скорейшему заселению пограничной полосы, с целью предупредить занятие ее китайцами.

Первый пункт этой программы, как мы уже знаем, был выполнен в ближайшее же время путем усиления прежних иртышских крепостей, устрой-

ством укреплений между ними и проведением колыванской и кузнецкой линий, где к старым крепостям были прибавлены новые. Для выполнения же второго пункта программы правительство предприняло переселение крестьян на границу из внутренних округов Сибири⁶.

17 октября 1760 г. Сенат дал на имя сибирского губернатора Соймонова указ о заселении русскими людьми местности по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по другим, впадающим в Иртыш. Предлагалось переселить две тысячи семей. В этом указе были изложены и правила переселения. Так как переселить такое число людей, сказано в указе, из тобольских крестьян и разночинцев оказывается невозможным без крайнего отягощения местного населения, потому что из Сибирской губернии и без того уже переселено на нерчинскую и селенгинскую линии немалое число людей, то предписывается переселить только тех обывателей, которые сами того пожелают, по примеру 1752 г., когда для поселения при линии строящихся крепостей были называемы только желающие; принудительное же переселение не должно быть допускаемо. Чтобы привлечь к переселению достаточное число людей, переселенцам была обещана льгота от податей в течение трех лет; уплата же их возлагалась на казну, а не на оставшихся на местах. Те государственные крестьяне Архангелогородской губернии Устюжской и Вятской провинций, которые временно находились в Сибири для своих промыслов, по паспортам, также получали право на переселение и льготу. Но чтобы не обезлюдить некоторые местности, число переселяемых было строго ограничено двумя тысячами семей. Помещичьи крестьяне своевольно не могли переселяться, также не принимались в число переселенцев и беглые. Селить велено было не на самой границе, а отступая от нее внутрь верст на 40–50, чтобы не подвергать поселенцев постоянной опасности.

Соймонов сообщил этот указ командующему войсками Веймарну и просил его прислать об удобных для земледелия местах: 1) от Бийской крепости до Колыванского завода для поселения шестисот семей из енисейского и красноярского уездов; 2) по Бухтарме около Устькаменогрской крепости и от нее по внутренней линии до Колыванского же завода – для восьмисот семей и 3) около крепости Семипалатной вниз по правому берегу Иртыша хотя бы и на 50 верст от него, для расселения там шестисот семей из подгородних крестьян ялutorовского, ишимского и краснолуцкого дистриктов.

Должно заметить, что добровольное переселение на южные окраины началось ранее шестидесятых годов; имеются указания, что такое переселение было уже в сороковых годах, когда с устройством иртышской линии можно было рассчитывать на относительную безопасность в этих местах. В 1746 г. четыре семьи Малышевской слободы пожелали переселиться на р. Кулунду, за 150 верст от этой слободы, на дороге, ведущей от Томска и Ча-

усского острога к Ямышеву озеру; они обязывались содержать зимовье на устье р. Чюмака, впадающего в Кулунду. По этой дороге не было никаких деревень, ни зимовий, нигде было остановиться на ночлег; по дороге же от Кулунды на Обь тогда начали селиться заводские крестьяне Белоярской слободы. В 1743 г. крестьяне Белоярской слободы, Бердского и Чаусского острогов, в количестве 29 семей, просили разрешения переселиться на жительство около Устькаменогорской крепости. В 1746 г. они возобновили свою просьбу. Вместе с тем, заводское и военное начальство принимало меры к выявлению мест, удобных для поселения и хлебопашества и производило обследования. В 1758 г. инженер-поручик Паутов был послан для топографического описания земель, находящихся в четырехугольнике между Омской крепостью, озером Чаны, озером Карасук и Железинской крепостью. Здесь земли предполагались для поселения крестьян, отставных солдат и казаков⁷. В 1748 г. геодезии прапорщик Пимен Старцев обследовал местности по рр. Локтевке, Алею, Малой Белой, Чарышу, Ине, Белой и Убе. Им были проектированы 62 селения с 1398 дворами. К октябрю 1760 г. из них было заселено 28 селений с 751 двором и оставалось в проекте 34 селения с 647 двором. И заводское, и военное начальство усиленно занималось переселением крестьян, первое для работ на заводах и рудниках, а второе для производства хлеба для войск. Мы не можем входить здесь в подробности этого переселения, скажем только, что в желающих переселиться недостатка не было. Переселенцы шли из внутренних округов Сибири; в числе их видим жителей Татмыцкой слободы, Бельского и Маковского острогов, были переселенцы с Кети. Переселенцев привлекало в эти местности плодородие почвы, обилие земель и звероловных угодий, а также возможность вести торговлю с пограничными кочевниками.

Таким образом, путем принудительной и вольной колонизации край начал заселяться, и это заселение, под защитой ряда крепостей, было для русских самым надежным средством удержать за собою всю пограничную область.

Но китайцы не переставали считать эту область своею собственностью; они делают попытку овладеть если не всем Алтаем, то хотя бы его частью.

В январе 1791 г. Государственный Совет рассматривал рапорт командующего войсками Сибирского корпуса генерал-майора Штрандмана, от 11 декабря 1790 г., в котором он докладывал, что китайцы сделали нападение на ясачных калмыков, кочующих по рекам песчаной и Семе, в 200 верстах от линии крепости. Они потребовали, чтобы калмыки выселились из своих стойбищ, и заявили претензии на их земли. В марте Штрандман прислал второй рапорт; он писал, что к калмыкам приезжали два амбаны с отрядом войска и что они выгоняют калмыков из их кочевий, вследствие чего часть калмыков ушла и приблизилась к линии. Штрандман просил указаний, как

ему поступить, если китайцы будут продолжать насильственные действия, и посылать ли туда войска для защиты калмыков. В этом последнем случае необходимо будет доставлять туда провиант, между тем дорог там нет; местность гористая и пересеченная речками. Необходимо будет сделать легкие повозки и покупать лошадей. Совет пришел к такому заключению, что если позволить китайцам на этот раз вытеснить калмыков, то они в своих притязаниях пойдут еще дальше, и тогда создастся угроза для всей горной промышленности на Алтае. Совет предложил Штрандману объявить калмыкам, что они не останутся без защиты, а китайцам объяснить, что требования их не основательны, во-первых потому, что они не протестовали со времени поселения этих калмыков на алтайских землях, а, во-вторых, потому, что бывший еще в 1831 г. китайский посол вошел с русскими в соглашение о том, что богдохан не будет требовать тех чжунгаров, которые уйдут к русским, и обещал даже уступить России часть чжунгарских земель. Вместе с тем Совет дал Штрандману полномочия действовать по усмотрению сообразно с обстоятельствами и употребить военную силу, если китайцы не перестанут притеснять калмыков. Свои действия он должен был согласовать с генерал-губернатором Пилем, на которого Совет возложил ведение переговоров с китайцами. Для приобретения перевозочных средств, добавочных лошадей и на другие расходы по упомянутой экспедиции Совет отпустил в распоряжение Штрандмана десять тысяч рублей.

Для успокоения калмыков к ним был отправлен капитан бийского гарнизона Гренинг, который оставил в калмыцких стойбищах воинскую команду под начальством прапорщика Иркутского полка Волкова для наблюдения за действиями китайцев и на случай их нападения на калмыков⁸.

Между тем русские продолжали укреплять занятые ими места, успели даже продвинуться, хотя и на небольшое расстояние, вверх по Иртышу. В 1791 году начальник Колывано-Воскресенских заводов ст. сов. Качка доносил в Кабинет е. и. в. о необходимости построить крепость для прикрытия работающих на Бухтарминском медном руднике. Совет полагал дать Пилю повеление выбрать, по соглашению с линейным командиром и начальством заводов, для этого место и построить там редут или иное укрепление. В следующем году Пиль писал, что начальник Колыванской области Меллер, Штрандман и Качка наметили к постройке три редута, при устье р. Черемшанки, около устья Малой Нарымки и вблизи устья р. Бухтармы. Но постройку второго редута (около речки так называемой Малинной Нарымки) они откладывают до более благоприятного времени, так как этот редут оказался бы в ближайшем соседстве с китайской границей. Пиль приказал строить пока один редут при устье Бухтармы, на остатки от сумм, отпущенной на экспедицию к ясачным калмыкам, в двух же других местах поставить лишь пикеты. Совет согласился с мнением Пили.

В январе 1794 г. Штрандман снова доносит, что вследствие старого намерения построить на Бухтарме крепость и установить там торг с среднеазиатскими государствами он без всяких издержек со стороны казны провел от Устькаменогорской крепости до р. Бухтармы, на протяжении 120 верст, дорогу, по которой можно провозить тяжелые фуры и пушки. Кроме того, на линии, на расстоянии 2300 верст, он построил 52 новых редута, а старые привел в лучшее оборонительное состояние, этим прекратил покушения китайцев расширить свои владения и успокоил встревоженных калмыков. Штрандман просил одобрить эти меры. Совет выразил ему одобрение.

Действительно, до этого времени китайцы не высказывали никакого недовольства по поводу всех этих действий, но летом 1794 г., явившись на Малонарымский пикет, заявили бывшему там Штрандману свои прежние притязания на прииртышские земли и с угрозами потребовали отодвинуть пикет на 50 верст. То же требование они повторили в сентябре капитану Лубянову и выразили желание, чтобы дело было разобрано в Кяхте, объяснив при этом, что против постановки других пикетов, устроенных для защиты рудников, они не возражают, хотя и считают эти земли принадлежащими Китаю. Чтобы не раздражать китайцев, Штрандман отодвинул пикет на две версты по той же речке. После этого китайцы более не появлялись и никаких новых требований не предъявляли. Совет предложил Штрандману в случае дальнейших заявлений китайцев убеждать их "с пристойною скромностью" и разъяснять, для чего поставлена вся эта стража, а если будут настаивать, то перенести пикет еще на некоторое расстояние, однако без ущерба для рудника.

Построением укрепления на устье Бухтармы была закончена оборонительная линия, защищающая занятые русскими земли. Начинаясь Бухтарминской крепостью, эта линия шла по Алтайским горам до Кузнецка и до форпоста Кузедеевского. Здесь она прерывалась, так как к востоку шли мало доступные хребты гор, которые служили естественной защитой, до форпоста Таштыпского, лежащего уже в системе р. Енисея. От Таштыпского и Арбатского форпостов линия направлялась к караулам Кабанскому и Шадатскому. Таким образом, к концу XVIII века область, ограниченная этою чертой, находилась во владении русских, и к этому времени борьбу за Среднюю Сибирь должно считать оконченной. За этим следует уже постепенное заселение страны, начавшееся еще задолго до ее полного умиротворения. В тридцатых годах XVIII века по Енисею было уже значительное количество рудников, заводов и русских поселений, доходивших до Тубы и Он. Еще быстрее заселялся Алтай, чему способствовало здесь развитие горной промышленности⁹.

Установление границ с Китаем в восточной части произошло ранее, чем в западной. На основании так называемого Буринского трактата от 20 ав-

густа 1727 г., были поставлены в натуре пограничные межевые знаки от р. Аргунь до Шабина-Дабага, т.е. до тогдашней границы с Чжунгарией. К западу от хребта Шабина-Дабага до перевала Хабар-асу в Тарбагатайском хребте граница была установлена лишь в 1869–1870 гг. С проведением этой формальной государственной границы прекратилось и двоеданство¹⁰.

Примечания:

Статья представляет собой X главу рукописи И.И. Тыжнова Очерки по истории Средней Сибири XVII и XVIII ст. хранящейся в Государственном архиве Томской области в фонде Гречищева Е.К. (ГАТО. Ф. 1917. Оп. 1. Д. 11. Л. 317–344, 378).

Из биографической справки, составленной главным архивистом гос. архива Томской области Л.В. Глушковой следует, что Иннокентий Иванович Тыжнов родился 29 марта 1864 г. в селе Осиновые Колки Каинского округа Томской губернии в семье священника. С 1874 по 1883 гг. учился в Томской гимназии, затем поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, который и окончил в 1887 г., защитив кандидатскую диссертацию.

С 1890 по 1899 гг. он работал учителем истории, латинского и русского языков и русской словесности в Томской мужской гимназии. В 1899 г. перешел на должность землеустроителя в Алтайский округ Кабинета. С 1917 по 1920 гг. работал в межгубернской комиссии по разделению территорий Томской и Алтайской губерний, затем – в Омске по учету колонизационного земельного фонда в Сибири, делопроизводителем по землеустройству в Иркутском губернском земельном управлении.

С 1920 по 1926 гг. он работал в Томской губернии в губстатбюро и плановой комиссии Томского губисполкома, занимаясь вопросами районирования и подготовкой земельной переписи, а с марта 1927 г. по октябрь 1928 г. трудился в Сибирском краевом подотделе над разработкой материалов переписи 1926 г.

В 1928 г. Иннокентий Иванович ушел на пенсию по состоянию здоровья и до своей смерти 16 октября 1938 г. занимался научно-исследовательской работой. Похоронен И.И. Тыжнов на ныне снесенном Вознесенском кладбище.

И.И. Тыжнов является автором более десятка опубликованных научных трудов, в г.ч.: Обзор иностранных известий о Сибири второй половины XVI века // Сибирский сборник. СПб., 1887, 1890; Заметки об архивах Алейского и Владимировского волостных управлений Томской губернии // Томские губернские ведомости. 1893. № 35–51; Эксплуатация сибирских инородцев в XIX веке. Эпизод из истории Нарымского края // Вестник Европы. 19021. Кн. 8.

Наиболее значительные труды его не опубликованы. Это – “Очерки истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий”, рукопись которых хранится в фонде родственника И.И. Тыжнова известного деятеля советского здравоохранения Е.К. Гречищева (ГАТО. Ф. 1917. Оп. 1. Д. 11.); “Тарские акты (XVI–XVII века). Сборник исторических документов по истории Сибири”. Последняя рукопись находится в Научной библиотеке Томского университета.

1. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 101–102, 112.

2. Там же. С. 91, 106–108.

3. Там же. С. 91–95, 98, 100, 103, 107, 110.

4. Там же. С. 95–97.

5. Там же. С. 71, 73, 93, 98, 99, 103–106, 109, 113, 114,

6. В 1760 г. Сенат дал на имя сибирского губернатора Соймонова указ, которым предписывал занимать места от Устькаменогорской крепости по р. Бухтарме и далее до Телецкого озера и строить там крепости. Сенат одобрил проект военной линии, представленный Веймарном и бригадиром Фраундорфом, по исполнению которого линии колыванская и кузнецкая значительно сокращались и некоторые старые крепости могли быть упразднены. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XV. С. 533–538. № 11124.
7. Потанин Г.Н. Указ. соч. С. 255–256, 275, 279,
8. Архив государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Вып. 2. С. 251–255, 256.
9. О колонизации Томской и Енисейской Сибири см.: проф. Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края в сборнике “Научные очерки Томского края”, изд. под ред. Проф. Н.Ф. Кашенко. Томск, 1898; Ватин В.А. Минусинский край в XVII столетии. Минусинск, 1913.
10. Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. С. 33, 228–229; Полное собрание законов Российской империи. СПб., Т. VII. № 5143, 5189. С проведением границ в натуре двоеданство прекратилось.

Балкашин Н.

Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азиею и Китайскими владениями¹.

I

Торговля с Сибирью производилась среднеазиатскими купцами с давних времен, но не установила себе благоустроенного пути. Это происходило частью потому, что торговое движение должно было направляться на дальнем расстоянии по кочевьям пастушеских племен, в таких степях, где суровые условия природы не допускали даже возможности возникновения хотя бы небольших городов с постоянными рынками, частью по причине политических переворотов в Средней Азии и непрерывных распрей у кочевников. Выступая из среднеазиатских ханств, караваны обыкновенно шли в кочевье ближайшего степного хана, потом к его соседу и т. д., поднося дары и отбывая установленные пошлины. Таким образом, они охраняли себя от хищничества кочевников и достигали до лесистых стран, привлекавших их обилием ценной мягкой рухляди. Там купцы заручались покровительством какого-либо влиятельного лица и располагались в его стойбищах. Перевозка товаров производилась ими на верблюдах, искони признававшихся по своей выносливости и силе самыми пригодными для вьюка животными. Товары, в большинстве своем состоявшие из бумажных и шелковых тканей, раздавались торговцами преимущественно в долг. В уплату постепенно принимались шкуры пушных зверей и скот, с учетом высоких процентов. Подобного рода торговля доставляла купцам средство держать потребителей своих товаров у себя в зависимости и устанавливать цены, как

сбываемым, так и получаемым в обмен предметам по усмотрению. За то она производилась с крайнею медленностью, и купцы возвращались на родину иногда через несколько лет. Несмотря, однако, на выручавшиеся ба-рыши, торговая деятельность их не могла достигать обширных размеров при сравнительном малолюдстве населения и при кровопролитных усобицах, сопровождавшихся грабежами. Много терпели караваны и от вымогательства проводников, посылавшихся ханами для защиты их во время следования по степным пустыням.

Сколько известно, в ногайской или татарской орде, захваченной в половине XVI века ханом Кучумом, торговали бухарцы. Тогда, в его сибирском юрте, торговля их вероятно шла успешно, благодаря могуществу в Средней Азии Бухарского хана Абдуллы II, благосклонно относившегося к Кучуму и доказавшего своим походом к р. Сары-су и к Улатауским горам, что отдаленные степи не препятствуют ему истреблять своих врагов. С присоединением Сибири к государству Московскому, торговые дела бухарцев стали до известной степени охраняться воеводами, получавшими от Москвы настоятельные указы привлекать среднеазиатских купцов разными льготами в толь-ко что построенные сибирские города, из числа которых Тобольск и Тюмень скоро приобрели торговую известность. Но смуты в степях между па-стушными ордами тормозили торговое движение.

В XVII веке посреди азиатских кочевых народов возобладали джунга-ры, вытеснившие соплеменных с ними торгоутов из древнейшего ойратско-го кочевья. Торгоуты ушли к рр. Тоболу и Яику, подчинили себе там остатки ногайских племен и начали враждовать с казацкими или киргизскими ор-дами. Со своей стороны джунгары покорили Алтайский край, Восточный Туркестан, Большую киргизскую орду и часть Западного Туркестана. Упо-мянутые завоевания, раздвинувшие джунгарские владения далеко на запад, повели к тому, что среднеазиатское торговое движение стало направляться в Сибирь кружным путем к располагавшемуся на р. Или куреню джунгарс-кого хана; далее по кочевьям подвластных ему тайш, к горам Иран-Хабыр-га и на р. Эмил, где возникли небольшие городки заселенные бухарцами; оттуда через Тарбагатайский хребет к городку на реке Карабуг; затем в Зай-санские степи и в долину реки Чара, а после того по правому побережью реки Иртыша к Ямышевскому озеру. Между тем в Сибири установились торговые сношения с Китаем. Получавшиеся из него товары начали сопер-ничать с изделиями Средней Азии. Однако бухарцы и ташкентцы продол-жали свою торговую деятельность в Ямышевс. В начале XVIII века устрое-на была укрепленная иртышская линия от Тары до Устькаменогорска. Это обозначило торговое сообщение, хотя вызвало споры со стороны джунгарс-ких ханов. Позднее, подобная же укрепленная линия возведена была на ок-раинах башкирского кочевья и получила наименование оренбургской. А в

половине XVIII века, так называемая “горькая” линия крепостей² соединила собою оренбургскую линию с иртышской. Тем временем, вслед за отко-
чевкой торгоутов на низовья Волги, — к башкирскому кочевью и к Сибири
приблизились киргизы. Пытаясь освободиться от джунгарского ига, кир-
гизские ханы заявляли желание вступить в подданство России. Согласив-
шись на это, русское правительство вменило им в обязанность охранять
торговое движение в степях от грабежей и дозволило киргизам приезжать
на сатовки, т.е. для менового торга к пограничным крепостям. Из них Орен-
бург, Троицк, Петропавловск и Семипалатинск не замедлили превратиться
в оживленные рынки и привлекли к себе как торгующих сибирских, казан-
ских и касимовских татар, так и среднеазиатских купцов, которым ближе
было ходить к ним с караванами, нежели в Тобольск или в Тюмень.

Вскоре совершилось покорение китайцами Джунгарии. В упоении от
своих побед, они предъявили притязания на Алтайский край и на киргизс-
кие орды. Но С.-Петербургский Кабинет³ не потворствовал их домогатель-
ствам. Для защиты Алтая, иртышская линия была выдвинута до Бухтармы,
а от нее провели укрепленную линию к Бийску и Кузнецку. Недовольное
Россией Пекинское правительство, не обусловливая договором государствен-
ных границ, воспретило всякую торговлю с Сибирью в покоренных им стра-
нах, часть которых стали называть Западным Китаем. Напротив, с киргиза-
ми оно приказало открыть торг в городах Кульдже и Чугучаке, построен-
ных в долине р. Или и около Тарбагатая. Объясненные события побудили
среднеазиатское торговое движение оставить прежний путь в Сибирь через
Джунгарию. В Петропавловск караваны пошли из Средней Азии через Ка-
ратауский хребет и голодную степь Бет-пак-дала к Улугтау и в Ишимские
луговые степи, где кочевали киргизы, подчинявшиеся знаменитому Аблай-
хану, или к р. Нуре в кочевье потомства Самеке-хана и оттуда в Аблай-
ханово кочевье. В Семипалатинске среднеазиатские торговцы сворачивали
из голодной степи в Каркаралинские горные кочевья сыновей Барак-хана,
или отправлялись через Семиречье на р. Аягуз кочевьями детей Аблай-хана,
а затем к Иртышу по кочевьям Абулфеиз-хана и Барак-хановой семьи. По-
давляющее влияние Аблай-хана, не пропускавшего случая распространять
свою власть над киргизами в ущерб прочим их правителям, до известной
степени воздерживало киргизских султанов и батырей от взаимных усобиц.
Это благоприятно отзывалось на торговом движении. Среднеазиатские куп-
цы стали водворяться в Петропавловске и Семипалатинске на старинных
правах гостей и безразлично получали название ташкентцев. В них они
принялись торговать и с русским оседлым населением и с киргизами. А так
как торгующие татары, не имея больших капиталов, не могли конкуриро-
вать с их предприятиями, то им нетрудно было держать в своих руках и
собственную среднеазиатскую, и степную торговлю.

В начале XIX века, для развития русской торговой деятельности признавалось полезным побуждать сибирских купцов в свою очередь посылать караваны в дальние края Азии. Мысль эта была не новая. Ее можно находить в указе императрицы Екатерины II об установлении в Сибири торговых отношений с Индией и в указе императора Петра I о торговле с Китаем на иртышской линии, которые сами по себе как бы составляли продолжение прежних попыток англичан открыть торговый путь в Индию и в Китай через государство Московское и через Сибирь. Но нельзя было упускать из виду, насколько купцы рисковали, пускаясь в такие предприятия. Кроме хищничества кочевников во время следования с караванами через степи, им угрожал полнейший произвол, допускаемый с чужеземцами в азиатских городах. Правительство же не могло обеспечить их в этом отношении, так как азиатские государи не придавали международным правам никакого значения. Оставалось посылать вооруженные казачьи отряды для прикрытия караванов в степях. Так и распорядились с условием, чтобы купцы выдавали казакам жалование. После того нескольким сибирским караванам удалось пройти в Кашгар и Кокан, а грузинский дворянин Мадатов достиг до Кашмира, откуда благополучно возвратился назад. Однако подобные опыты скоро прекратились, обнаруживая, что помимо риска от хищничества и насилий, дальняя караванная торговля русскими мануфактурными изделиями не сулит в Азии барышей, при дешевизне однородных туземных произведений, приготовляемых кустарным способом, и при ощутительных расходах на вьючных животных, погонщиков, проводников и т. д. Иное значение получила торговля с китайцами в Чугучаке и Кульдже. Хотя Пекинское правительство дозволяло торговать там только с киргизами, но сибирские купцы вошли в сделки с киргизскими султанами и от их имени повели торг на кульджинском и чугучакском рынках, благо китайские власти не препятствовали продаже на них русских товаров. В ближайшем от Сибири Чугучаке торговля приняла большие размеры нежели в Кульдже. Семипалатинские и петропавловские купцы выменивали на юфть, сукна, плис и т. д. преимущественно байховый чай, перепродававшийся в Россию, и кирпичный чай с китайской дабой⁴, принимавшиеся киргизами и как товар, и в смысле разменной монеты.

Пока происходили сказанные обстоятельства, в Средней Азии усилилось Коканское ханство. Не опасаясь столкновения с китайцами, оно захватило Западный Туркестан, предъявило верховные права на киргизские орды, возвело несколько крепостей в степях и приказало своим гарнизонам собирать подати с кочующих поблизости киргизов. Из числа таких крепостей Ак-мечеть и Джулек на низовьях р. Сыр-Дарьи, Сузак и Чулак у северного склона Каратауского хребта и небольшие укрепления или курганы на рр. Сары-су и Чу служили для обеспечения торгового движения. Со своей сто-

роны русское правительство, разделив Сибирь согласно соображениям графа Сперанского на Восточную и Западную, причислило Среднюю орду киргизов к ведомству последней и распорядилось учреждением в киргизском кочевье внешних округов с особыми приказами, управление которых возлагалось на самых влиятельных султанов, при участии русских чиновников и под охраною казачьих отрядов. Это повело к возникновению в степях городов. Так получили основание Каркаралы, Кокчетав, Кокбекты, Аягуз. Акмолинск и пр. Но при выполнении объясненных мероприятий, торговых потребностей в расчет не принимали и недостаточно соображались с родовыми отношениями киргизов и султанов. Между киргизами нашлось много недовольных русскими нововведениями и вспыхнул мятеж. Китайцы пробовали противодействовать намерениям России. Они заявляли будто бы Кокбекты и Аягуз строятся в их владениях, протестовали по поводу стоянки казачьего отряда на р. Каратал в Семиречьи и провозглашали честолубивых султанов ханами, зная, что ханская власть упразднена русским правительством в Средней орде. Равным образом коканский хан покровительствовал султанам, сопротивлявшимся распоряжениям западносибирских властей, и велел построить крепость в Улугауских горах. В сущности, это не создавало ощутительных затруднений. Китайцам самим приходилось бороться с восстанием ходжей в Алтышаре и с происками коканцев, а прибывший в Улугау с военным отрядом ташкентский кушбек был прогнан генералом Броневским. Более хлопот причинял киргизский мятеж, когда во главе его встал отважный внук Аблай-хана султан Кенесары Касимов. Он понуждал киргизов к поголовной откочевке из внешних округов, разорял султанские семьи и киргизские волости, не соглашавшиеся повиноваться ему, пытался сжечь степные приказы, расхищал караваны, осаждал коканские крепости и, наконец, погиб в бою с каракиргизами. Эти смуты, продолжавшиеся десятки лет, тяжело отзывались на торговом движении между Западной Сибирью и Среднею Азией.

В самый разгар киргизского мятежа в 1839 г., торговые обороты Петропавловска, простиравшиеся до 7 миллионов ассигн.⁵, едва достигали 2 миллионов. Не настолько терпела торговля Семипалатинска, хотя в Зайсанских и Аягузских степях караваны подвергались хищничеству султана Сивванкула Ханходжина. Для усмирения мятежников, уклонявшихся от сшибок с выславшимися против них отрядами и предпочитавших утомлять казаков напрасною погонею за собою, оказалось необходимым возвести укрепления в Джергаине – на Западе Ишимской долины и в горах Актау, а в Улугау поставить военный пост. Между последними и степными приказами до самой горькой линии размещены были в определенных направлениях казачьи пикеты. Вследствие этого образовалось обеспеченное сообщение от Петропавловска в Актау через Акмолинск и в Улугау через Атбасар.

Из г. Акмолинска колесная дорога направлялась луговыми степями к р. Нуре и по ее берегу; потом она шла к озеру Балыктыбайтор на верховья р. Кулан-Утмеса и к невысокому горному кряжу, за которым раскидывались то луговые, то солонцеватые степи. В этой местности путь пересекал р. Сарысу и по ее притоку Монака достигал до Актау. На всем его протяжении, заключавшим 325 верст, между Акмолинском и Актауским укреплением поставлено было 8 пикетов. От Атбасара путь шел тоже луговыми степями за р. Ишим к озеру Джар-куль и р. Чурумсай, а оттуда к р. Терс-Аккан и берегом последней. Далее за озером Арганын-куль начинались горы. Дорога пересекала верховья реки Кара-Тургай и достигала до Улутау. Все расстояние простиралось на 385 верст. На нем поставлено было 11 пикетов и нигде не встречалось препятствий для колесной езды. Затем из Семипалатинска открылась почтовая гоньба через Аягуз к основанному в Семиречьи Копалу. Но, хотя торговое движение облегчалось в степях, благодаря возникшим в них русским и коканским укреплениям, и последовавшему усмирению киргизского мятежа, однако при неприязненных отношениях Кокана и прочих ханств к России, размеры среднеазиатской торговли не увеличивались в Западной Сибири. Петропавловские и семипалатинские купцы предпочли торговать с китайцами и получать от них чай, сбывавшийся в значительной части контрабандой. Этим способом они наживали капиталы, с которыми принялись вытеснять среднеазиатских купцов из киргизского кочевья, находя степную торговлю тоже более прибыльной для себя, чем торговые дела на среднеазиатских товарах. Из Семипалатинска караваны шли в китайские пределы или по Чарской долине на Кокбекты, потом через Тарбагатай, или же почтовым трактом к Аягузу и Копалу, сворачивая в Чугучак и в Кульджу. Петропавловские и троицкие купцы направлялись с караванами к Чугучаку прямо степями, обходя степные города, при возможности торговать по пути с киргизами и для удобства контрабандной деятельности. Вообще степным городам не удалось превратиться в заметные рынки, да об этом и не заботились при их устройстве. Исключение выпало на долю Акмолинска, вследствие успехов установившейся здесь ярмарки и выяснившейся выгоде перевозить между ним и Петропавловском товары на колесах, а из него отправлять груз в Среднюю Азию на верблюдах. Это сделало его передовым торговым пунктом в степях.

В 1851 г. между Россией и Китаем состоялся Кульджинский трактат, по которому в Чугучаке и в Кульдже учреждены были русские консульства с устроенными при них факториями для купцов. После того, судя по официальным сведениям, русские торговые обороты возросли до 2,5 млн. руб. сер. в год, т. е. увеличились в пять раз сравнительно с прежними оборотами, а в более отдаленной Кульдже они достигли всего 300000 руб. сер. При этом контрабанда не сокращалась. Главную статью вывоза из Чугучака со-

ставлял чай. Он привозился из внутреннего Китая через Цзя-юй-гуан в Урум-ци, где находились обширные оптовые его склады, а оттуда соответственно спросу доставлялся в Чугучак по обеспеченному сообщению, удобному и для вьючной и для колесной перевозки груза. Возможность получать от китайцев чай около западносибирских окраин, т. е. на кратчайшем расстоянии нежели из Кяхты, не привлекала однако русских капиталистов к открытию в Чугучаке непосредственных торговых предприятий. Даже в самой Западной Сибири наиболее известные фирмы продолжали вести чайное дело в Кяхте на сумму до 1,5 млн. руб. в год, не перемещая своей деятельности на чугучакский рынок. Это объясняется тем, что хотя торговля в Чугучаке мало отличалась от кяхтинского пограничного обмена товарами, но Чугучак не был русским городом как Кяхта и, при всем покровительстве консульства, купцам приходилось испытывать в нем разные стеснения со стороны китайских властей и необузданного разноплеменного населения. Помимо того, на торговом пути в Чугучак встречались неудобства, и нельзя было вполне ручаться в безопасности от хищничества киргизов. Таким образом, кульджинскую и чугучакскую торговлю почти исключительно вели семипалатинские, пегропавловские и троицкие купцы. Не имея больших капиталов и кредита, они не могли заключать обширных сделок по предварительным заказам товаров, как желали китайцы. Вследствие этого им приходилось брать у китайцев имевшийся в наличности чай, а привозившиеся ими товары не всегда соответствовали спросу. Но если кульджинская и чугучакская торговля не привлекала к себе солидных русских капиталистов, тем не менее, она была важным приобретением для Западной Сибири, доставляя местным купцам возможность увеличивать свои торговые обороты, помимо торговых сношений с ханствами Средней Азии, и сбывать китайцам как русские изделия, так и западносибирские произведения.

Одновременно с заключением Кульджинского трактата обращено было внимание на улучшение торговых сообщений. Этот вопрос поднял ревизовавший Западную Сибирь генерал-адъютант Анненков своим заявлением о необходимости облегчить торговое движение посредством устройства около степных путей постоянных дворов и караван-сараев. Осуществить подобную меру оказывалось невозможным, так как охотников обзаводиться постоянными дворами посреди пустынь и чуждого кочевого населения, между частными предпринимателями, за ничтожным исключением, не появлялось. Более удобоисполнимым было учреждение почтовых трактов на счет казны, но при этом надлежало воздерживаться от излишних денежных затрат. Поэтому, несмотря на возникавшие предположения относительно путей, устройство их подвигалось весьма туго. В 1852 г. полковнику Шульцу с топографом Меньщиковым поручено было исследовать сообщение между Улутауским военным постом и р. Чу. Они отправились из Улутау к р. Джизды-

Кингир, потом по его побережью к р. Кара-Кингир и к слиянию последнего с р. Сары-су в урочище Кара-Джар, недалеко от бывшего коканского укрепления. На этом расстоянии в 170 верст, встречавшиеся горы не составляли препятствия для колесной езды, пресной воды имелось вдоволь и не было ощутительного недостатка в подножном корме для лошадей. Далее пошли вниз по р. Сары-су. Уже в Кара-Джаре вода в ней оказывалась горько-соленою и негодною для питья, однако подле русла реки попадались небольшие озеринки или старицы с пресною водой. Окружающие степи состояли преимущественно из глинистых пустырей с тощею растительностью. Около коканского укрепления в Кызыл-Джингильды неширокою полосой пролегали сыпучие пески. В них попадались пресные колодцы. Наконец, за коканским укреплением Джаман-Курган, дорогу повернули от р. Сары-су по степям с солоноватыми колодцами и достигли до р. Чу. Намеченный путь заключал в себе 460 верст. На нем предполагалось учредить 6 станций до Кара-Джара и 9 станций до р. Чу. Но содержание последних обходилось бы дорого, так как туда потребовалось бы доставлять корм для лошадей и прочие припасы издалека. Вдобавок в южные степи постоянно врывались хищнические шайки подвластных Кокану киргизов, вследствие чего необходимо было бы охранять станции казачьими отрядами. В том же 1852 г. и в следующем 1853 г. производилась съемка озера Балхаш, при чем возникла мысль установить на нем судоходство, а в 1854 г. топографу Вязовскому поручено было исследование пути от Каркаралов к Бертысскому заливу на Балхаше. Он прошел по р. Токрау, местами пересыхающей летом, и от низовьев ее направился через степи к Балхашу. Подобный путь, простиравшийся на 325 верст, едва ли мог бы оказать какую-либо услугу западносибирскому торговому движению. Существеннее был открывшийся в 1954 г. почтовый тракт из Копала в Верный. Независимо от того, чугучакское консульство, заявляя о неудобствах аягузского пути, указывало на пользу распространить пароходство по р. Иртышу в озеро Нор-Зайсан и проложить колесную дорогу между Чугучаком и Семипалатинском через Тарбагатайские горные проходы Хабар-асу или Сай-асу, а потом через Кокбекты по Чарской долине. Тогда же торгующий в Семипалатинске ташкентец Ибрагим Амиров просил разрешения перевозить товары на судах из Семипалатинска в озеро Нор-Зайсан, на западной стороне которого вызывался устроить пристань. Но все это, вместе с заявлениями консульств о выгоде учреждать товарные склады в ближайших от Кульджи и Чугучака русских местностях, а оттуда уже подвозить товары по мере спроса на кульджинский и чугучакский рынки, оставалось без последствий, частью потому что между Западной Сибирью и китайскими пределами не была еще проведена граница, частью по причине дипломатических осложнений, возбужденных сожжением и грабежом русской фактории чугучакской черныю в 1855 г.

Впрочем, позднее, в 1859 г. аягузское сообщение было улучшено открытием почтового тракта до Урджара, на расстоянии 120 верст. Не предпринималось никаких мер и к облегчению торгового движения между Бийском и окраинами Монголии, так как хотя обороты бийских купцов с китайскими караулами и достигали там до 200000 р. с. в год, но эта торговля не была узаконена трактатами.

Наконец в 1860 г. состоялся Пекинский трактат, позволявший русской торговлю в Монголии и разрешавший провести государственную границу между Западной Сибирью и смежными с ними китайскими владениями. Определенная Чугучакским протоколом 1864 г. граница открыла возможность учредить военные посты в Зайсане и Бактах, доставивших значительные удобства для торговли. И если впоследствии г. Венюков и другие лица порицали ее, то едва ли справедливо. Стоит вникнуть в затруднения, возбуждавшиеся китайцами пока она проводилась, для того, чтобы самый факт ее установления в непродолжительный срок признавать несомненной заслугой. Вслед за Пекинским трактатом, в 1861 г. совершен был первый пароходный рейс по Иртышу до Семипалатинска. Потом в 1863 г. из Омска отправился в озеро Нор-Зайсан 20-ти сильный пароход "Ура" под управлением бывшего моряка г. Зряхова. Ему удалось пройти даже несколько далее Нор-Зайсана в р. Черный Иртыш. Но между Бухтармой и Устькаменогорском быстрое течение реки затруднило плавание малосильного парохода, а между Устькаменогорском и Семипалатинском встречались мели. На возвратном же пути пароходу приходилось выжидать прибыли воды у деревни Прапорщицкой, потому что усилия перетащить его через песчаный перекат, образовавшийся поперек русла Иртыша, оказывались напрасными. Со своей стороны бийские купцы ездили в 1864 г. с г. Принцем в г. Кобдо для выяснения каким образом основать торговую деятельность в Монголии. Китайские власти встретили их недружелюбно и, отзываясь незнанием трактата, не позволяли им торговать в Кобдоской области. Тем не менее, эта поездка обнаружила, что торговый путь в Кобдо несравненно удобнее в китайских пределах, нежели на юго-востоке Томской губернии, где перевозка груза встречала множество препятствий в скалистых ущельях и высоких горных перевалах.

В скором времени для западносибирской торговли наступила тяжелая пора. Уже в 1861 г. на ней до известной степени отразилось разрешение ввозить в Россию чай повсеместно. Затем она была потрясена до основания дунганским мятежом и политическими переворотами, совершившимися в Средней Азии. Ослабленное борьбою с тайпингами и отчасти англо-французскою войною, Пекинское правительство не располагало средствами к усмирению дунганов, возмущившихся в начале шестидесятых годов в северо-западных областях Внутреннего Китая. Ревностные последователи ис-

лама, дунганы беспощадно избивали иноверных китайцев и манджуров, и распространили мятеж за пределами великой стены во всех мусульманских странах, подчинявшихся власти богдохана. Между тем неприязненные отношения коканского ханства и грабежи, происходившие в пограничных с ним киргизских степях, вызвали постепенное покорение его Россией. При этом приходилось воевать с Бухарой и с Хивой. Упомянутые войны помешали среднеазиатским ханствам принять деятельное участие в мятеже дунганов. Но вследствие продолжавшегося бездействия Пекинского правительства, последние совершенно низвергли китайское господство в Западном Китае. Притяньшаньскими городами управляли дунганские имамы. Капшгар и прочие города Алтышара подчинились властолюбивому коканскому выходцу Якуб-беку. В Илийской области образовалось таранчское ханство. Бежавшие отсюда сибиряки и солдаты укрывались в русских пределах, Чугучак был разрушен и всякая торговля в нем прекратилась. Калмыки и кызыл-аки резались с киргизами, преследуя их, врывались в Зайсанский край. В самой Монголии китайцы не могли ручаться за свою безопасность от дунганов, которые не прочь были также разжечь религиозное волнение в подвластных России киргизских ордах. Такое положение дел повело к занятию Илийской области русскими войсками и прервало западносибирскую торговлю с китайцами. До ее возобновления, семипалатинским и петропавловским купцам оставалось усиливать свои обороты в киргизском кочевье. Так они и поступили. Напротив, западносибирские власти слишком торопились распространять русскую торговую деятельность в китайских владениях и не имели успеха. В покоренном же Туркестанском крае русская торговля стала производиться преимущественно через Оренбург, а намерения облегчить торговые сношения его с Петропавловском не осуществились.

II

С 1864-1865 гг. в завоеванные туркестанские города установилось почтовое сообщение из Верного и Оренбурга. Так составилсЯ кругообразный путь через Орск, Туркестан, Верный, Семипалатинск, Омск, Петропавловск и Троицк, заключающий в себе более 5200 верст. Для торговых сношений покоренного Туркестанского края с Крестовской и с Ирбитской ярмарками, а также с Петропавловском, Акмолинском и Троицком, производящими сравнительно обширный торг среднеазиатскими товарами, означенный путь не имел значения, так как торговое движение шло по середине охваченного им пространства. Следовательно, если бы там установлен был прямой почтовый тракт, то он служил бы и для торговли, и вообще для большего объединения Западной Сибири с только что присоединенной к России страной. А как от Петропавловска существовало уже почтовое сообщение в Актау и

Улутау, то от них до Туркестана требовалось бы приспособить к почтовой езде до 650 верст, при чем атбасарско-улутауский почтовый состав можно было бы перенести на степной путь между Актау и Туркестаном, или наоборот, акмолинско-актауский почтовый состав передвинуть на дорогу от Улутау к Туркестану. Прежней же необходимости защищать почтовые станции от набегов подвластных Кокану киргизов, после покорения Туркестанского края, не представляло надобности. Но тогда почтовая гоньба, сложенная с казаков и переданная в гражданское ведомство, стала обходиться дороже. Увеличивать сопряженные с нею расходы не желали, особенно во внимание к затруднению содержать почтовые станции в бесплодной полосе степей. И хотя посылали г. Гольстрема для осмотра местности за Актау к Балхашу и к Аулие-ата, однако это исследование выяснило, что там не имеется больших удобств для устройства почтового тракта. К тому же торговое движение между Петропавловском, Акмолинском и Туркестанским краем не направилось бы через Аулие-ата. Известно было, что вслед за взятием Ташкента, в него поехали купцы из Акмолинска на голодную степь и Каратауские горы, при чем до 100 телег, запряженных быками, дошли туда по назначению. Вместе с тем военный надзор за южными степями сочли излишним. По этим причинам Улутауский военный пост, Актауское укрепление и существовавшие к ним почтовые сообщения были упразднены. Степи за Акмолинском и Атбасаром опять запустели и торговое движение в них представлено было самому себе. Но не прошло 3 лет, как с учреждением в киргизском кочевье уездных управлений по положению 1868 г. опять возник вопрос о необходимости построить город в местности Караагач на 250 верст к югу от Акмолинска, а с уничтожением таможен в Западной Сибири, петропавловские купцы стали ходатайствовать об открытии почтового тракта между Акмолинском и Туркестаном.

По соглашению западносибирского и туркестанского генерал-губернаторов, исследование означенного пути поручено было г. Шульману. В 1870 г. он проехал в тарантасе с 2 арбами, 8-ю навьюченными верблюдами, 3 проводниками и 6 конвойными казаками из Туркестана на Сузак к р. Чу, от нее к колодцу Уванас в голодной степи, потом на р. Ата-су, в Актау и бывшим почтовым трактом в Акмолинск. Прибыв в Омск, Шульман сообщил генерал-адъютанту Хрущеву, что все расстояние между Туркестаном и Акмолинском по пройденному им направлению простирается до 950 верст. От Туркестана до Сузака через Каратау пролегает трудный горный путь, на котором переломились колеса у арб. За Сузаком к р. Чу и через горный кряж до Искенея есть хорошие пастбища и местами покосы; далее до Акмолинска тянутся луговые степи, в которых киргизы пашут поля. Чтобы установить акмолинско-туркестанский тракт, по мнению Шульмана, нужно было бы построить 43 станции, именно: 11 в туркестанских пределах и

32 на западносибирской стороне. Как устройство, так и содержание тракта наиболее соответственно предоставить купечеству, которое могло бы образовывать акционерную компанию с капиталом в 50000 руб. с., этой суммы достаточно будет для первоначального обзаведения тракта; почтовые станции, впредь до их постройки, можно помещать в войлочных киргизских юртах; если же компании дозволили бы взимать по 5 к. с. с версты за каждую лошадь с проезжающих по казенной надобности и по 8 к. с. с частных лиц, то она получала бы до 20000 руб. с. чистой прибыли на своем предприятии. При этом, по собранным Шульманом сведениям относительно торговли, выходило будто бы в 1869 г. петропавловскими купцами отправлено было в Бухару, Кокан и Туркестанский край почти на 4,5 миллиона русских изделий и получено азиатских товаров на 3,5 миллиона.

Купцы не остались довольны соображениями Шульмана и возражали, что не-согласны снять тракт. Содержание его, по их расчету потребовало бы от 235000 до 270000 р. с. в год, смотря по урожаям сена и овса, вследствие того, что для 22 станций пришлось бы запастись корм лошадям на 10 месяцев, доставляя его за сотни верст; доходов же можно было ожидать до 235000 р. с. Что касается прогонной платы по 8 к. с. с версты за лошадь, то при такой дороговизне, почтовый тракт не доставил бы выгоды торговым людям. Потому они полагали, что тракт следует установить на общем основании и содержать на нем 4 пары лошадей на станции, а для сокращения расходов казны уменьшить число лошадей на семипалатинско-верненском сообщении с 6 пар до 2. В последнем доводе явно выражалось стремление отстаивать свои местные интересы в ущерб общим потребностям страны, так как по своему значению для торговли и для сношений с Семиречьем, семипалатинско-верненский тракт отнюдь не уступал акмолинско-туркестанскому. Дальнейшее обсуждение вопроса о почтовом пути между Акмолинском и Туркестаном было отложено до той поры, когда разрешатся другие несравненно более сложные вопросы о проложении железных дорог из России в Сибирь и в Ташкент.

Об этих дорогах высказано много соображений, в том числе знаменитыми специалистами. Громадная стоимость постройки дорог, вследствие чрезвычайной длины их, побуждала давать им такое направление, которое наиболее совпадало бы с опускаемою в них потребностью. При всем том они не обещали приносить удовлетворительного процента на капитал, необходимый для их сооружения. Чтобы устранить подобное обстоятельство, проектируемые линии перестали ограничивать Иркутском или Ташкентом и повели по Внутреннему Китаю и к Индии, т. е. начали преимущественно приспособлять их к внешней торговле, рассчитывая, что она окупит денежные затраты на устройство дорог и на их содержание. Но в последнем можно сомневаться, если принять во внимание неразборчивое отношение неко-

торых составителей проектов к свойствам тех местностей, где рекомендовалось ими проведение рельсовых путей. Достаточно указать на линии из Ирбита в Томск, прямо через Вас-Юганские болота, или от Саратова в Индию через пески между Каспийским и Аральским морями, и от Семипалатинска к западным воротам великой стены по пустыням Внутренней Азии. Все это не затрудняло Рихтгофена, Барановского и др. Теперь, как известно, главною властью Западной Сибири заявлено веское мнение о том, что сибирские железные дороги должны строиться небольшими участками там, где они оказывались бы выгодными для предпринимателей и не подрывая одна другой, постепенно углублялись бы внутрь страны. Таким образом, рельсовые пути по всему вероятно устроились бы в Сибири скорей, чем по прямой линии от железнодорожной сети Европейской России до Иркутска, не соображаясь ни с почвенными условиями, ни с местными торговыми потребностями. Но если постепенное проложение железных дорог участками целесообразно в Сибири, то оно не применимо к Туркестанскому краю.

Представляя собою совокупность роскошных оазисов, разбросанных посреди степей и высоких гор, Туркестанский край на сотни верст окружен песчаными и солонцеватыми пустынями, в которых нет топлива, крайне мало воды и оседлое население не нашло бы необходимых условий для своего водворения даже в том случае, если бы в них проведена была железная дорога. Кочевники же с принадлежащими им многочисленными стадами причиняли дороге более вреда, чем пользы, а зимою на ней нужно было бы держать значительное число рабочих для расчистки ее от наносов снега, или же приходилось бы прекращать отправку поездов. Вследствие этого не оказывалось удобным проектировать прямые линии от железнодорожной сети Европейской России в Ташкент. Так Гохштетер повел к нему линию через Западную Сибирь на Омск, Семипалатинск к Сергиополю, потом по Семиречью на Копал, Верный и далее на Аулие-ата и Чимкент, т. е. почти всецело по существующему почтовому тракту, а от Ташкента продолжил ее через Самарканд в Персию и через Кавказ опять в Россию. Лессепс полагал вести железную дорогу в Туркестанский край или от Оренбурга на Орск и Тургай, или же от Тюмени к р. Ишиму и от нее несколько южнее Тургая. Означенные линии он продолжал прямо через степи по караванному пути в Туркестан. Этим способом Лессепс стремился установить такое рельсовое сообщение с Ташкентом, которое могло бы обеспечивать себя топливом, получая его с Урала или из западносибирских лесистых местностей и сверх того около Тургая, в найденных там залежах бурого каменного угля у Джеланчика и в Яр-куе. Наконец несколько исследователей проектировали кратчайшие железнодорожные линии от Оренбурга к Аральскому морю, а от него по р. Сыр-Дарье к Ташкенту. Тем не менее, длина этих линий простирается до 2000 верст; они тоже направляются по песчаным местностям, не

пригодным для оседлого населения; устройство их едва ли обошлось бы дешевле 75 миллионов, а для топлива, судя по оренбургской железной дороге, им нужно было бы до 50000 кубич. сажен дров. Потому, при самом искреннем желании скорейшего проложения рельсового пути из России в Ташкент, на это едва ли возможно рассчитывать в 1870 г. и если, впредь до осуществления подобного предприятия, тогда отложили обсуждавшийся вопрос об акмолинско-туркестанском тракте, то не мудрено, что он превратился в архивное дело.

Не приносили благоприятных последствий и старания усилить западно-сибирскую торговлю в китайских владениях. Предполагая, что Пекинскому правительству не удастся восстановить своей рухнувшей власти в Западном Китае и что долина р. Эмilia войдет в русские пределы, главные власти Западной Сибири не придавали Чугучаку никакого значения. Вследствие этого при разграничении Туркестанского края с Западной Сибирью, с их стороны не заявлялось возражений против присоединения к Семиречью северной части Сергиопольского уезда, по которой пролегал наиболее удобный западносибирский торговый путь в Чугучак. А когда генерал Макшеев указал на неудобство проведенной границы, то генерал-адъютант Хрущев предложил включить в Туркестанское генерал-губернаторство и Зайсанский край. Чтобы вывести внешнюю торговлю из застоя, ее задумали распространить в Монголии. В этих видах Министерство Финансов послало в Томскую губернию г. Яцевича. В 1868 г. он проехал из Бийска в Кош-агач, где русские купцы почти 100 лет производили обмен товаров с приграничными китайскими караулами и с монгольскими племенами. Осмотр этой местности, посещенной в сороковых годах Чихачевым, показывал, что для развития торговой деятельности необходимо проложить между Бийском и Кош-агачем колесную дорогу, вместо едва доступных тропинок, по которым купцам приходилось перевозить груз, навьючивая его на лошадей не более 5 пудов на каждую. После того томское начальство поручало описать кош-агачский путь г. Замятину. В Семипалатинской области тоже обратили внимание на пролежавшее через Бухтарминскую долину, в свою очередь, весьма неудобное сообщение с китайскими владениями. В Котон-Карагае на нем устроили казачью станицу, а в 1870 г. его описал г. Матусовский. Кроме того, к Зайсанскому посту, основанному у Восточного конца Тарбагатайского хребта, открыто было почтовое сообщение из Семипалатинска по долине р. Чара в Кокбекты. Затем в 1872 г. в озеро Нор-Зайсан вновь предпринимался пробный рейс на 80-ти сильном пароходе "Хрущев". Быстрое течение Иртыша между Бухтармой и Устькаменогорском не затрудняли его; зато мели от Семипалатинска до Устькаменогорска и крутые повороты русла реки оказывались весьма ощутительными. В Монголии предполагалось учредить русские консульства. Для выяснения насколько это

возможно, бывший кульджинский консул Павлинов ездил бухтарминским путем в Кобдо и в Улясутай. Миссия его, сопровождавшаяся бедствиями, не привела ни к чему. Дунганы напали на Улясутай и раненому Павлинову насилию удалось выбраться из него в степи. Блуждая в них несколько дней, он встретился с семипалатинским караван-башем Гали Фейзуллиным, указавшим ему путь в Кобдо. Оттуда Павлинов проехал к юго-восточному углу Томской губернии и через Кош-агач достиг до Бийска. Между тем бийские и отчасти семипалатинские купцы стали ходить с караванами по монгольским аймакам, на основании Пекинского трактата 1860 г. и торговых правил 1862 г., возобновленных в 1869 г. Эта торговля оказалась более сподручной для бийских купцов, давно освоившихся с монголами и с их языком. Обороты их, достигавшие прежде до 200000 руб. сер. удвоились. Главною статьею вывоза из Монголии служили сурковые шкурки, не имевшие спроса в Китай и находившие сбыт в Ирбите. Их русских изделий монголы охотно покупали железную утварь, юфть и т.п. Но семипалатинским купцам торговля в Монголии отнюдь не могла заменить их торговых предприятий в Чугучаке. Им не удалось даже завести с монголами таких торговых дел, которые по своим размерам подходили бы к оборотам бийских купцов. В то же время сделана была попытка привлечь торговые фирмы Европейской России к производству караванной торговли в китайских пределах. Убежденная Павлиновым, московская фирма "Саввы Морозова сыновей" решилась снарядить караван и отправила его с Гали Фейзуллиным в Монголию. До Булун-Тохоя он шел в сопровождении казачьего отряда под командой Ю.А. Сосновского. Возвратившись обратно, Сосновский печатно заявил, что Булун-Тохой, расположенный на перепутье между западносибирскими окраинами и несколькими китайскими городами, должен получить важное торговое значение. Что касается Гали Фейзуллина, то, расставшись с отрядом, он прошел в Кобдо, Улясутай и в Гучен. Торговля его не выручала барышей. Бийские купцы жаловались, будто бы в подрыв им он сбывал морозовские товары по такой дешевой цене, за которую их нельзя было купить в Западной Сибири. Со своей стороны Пекинское правительство, узнав, что русский караван проникал в охваченные дунганским мятежом местности, сложило с себя ответственность за разграбление в них русских купцов. Затем бийскими купцами подана была просьба о том, чтобы и с их караванами посылались в монгольские степи казачьи отряды, вооруженные скорострельными ружьями и даже пушками. Но вводить в обычай военное прикрытие караванов в Монголии, как бывало в киргизских степях, оказывалось возможным, потому что Монголия не была подвластною России страной. Целесообразнее было, впредь до прекращения смуты в китайских владениях, заботиться об устройстве к ним путей в пределах Западной Сибири. К сожалению и эту задачу не ограничили местными торговыми потребностями

ми, а связали с мудреным вопросом о передвижении сухопутной чайной торговли в Западную Сибирь. Томские власти указывали, что перевозка чая в Россию из Внутреннего Китая через Монголию и Кош-агач будет ближе, чем через Кяхту. Напротив, семипалатинское начальство оспаривало, что сообщение Западной Сибири с Китаем по Бухтарминской долине еще короче кош-агачского и что чай двинется вместо Кяхты в Семипалатинск, если там не будут взимать с него пошлин. При таком антагонизме, только что томский губернатор возбудил ходатайство об отпуске 100000 руб. сер. на устройство колесного пути между Бийском, Кош-агачем и китайским пикетом Суок, как семипалатинский губернатор вызвался проложить путь к тому же Суоку по Бухтарминской долине за 25000 руб. сер. Оба пути, хотя были описаны гг. Замятиным и Матусовским, но техническому исследованию не подвергались и судить о действительной стоимости их разработки не имелось положительных данных. Несмотря на то, в 1874 г. для устройства бухтарминской дороги отпущено было казною 25000 руб. сер. В том же году для выяснения торговых сообщений Сибири с чайными плантациями Внутреннего Китая снарядили учено-торговую экспедицию под руководством г. Сосновского, сопровождавшего морозовский караван до Булун-Тохоа.

Степные пути между сибирскими окраинами и великою стеною давно обращали на себя внимание. О них дознавалось гонцами и посланцами, отправлявшимися из Москвы и из Сибири к монгольским и джунгарским ханам, и в самый Китай. С 1689 г., после заключения Нерчинского трактата, русские караваны стали ходить через подвластные Китаю халхаские кочевья в Калган и оттуда в Пекин. Затем в 1722 г. вследствие буйства и пьянства купцов, Пекинское правительство воспретило русскую торговлю в китайских пределах. Купцы от этого не потерпели, так как еще прежде признали более выгодным торговать с китайцами около государственной границы. А когда в 1728 г. заключивший Буринский трактат граф Рагузинский основал Кяхту и устроил в ней гостиный двор под защитой Троицкосавской крепости, то кяхтинским торгом на много лет удовлетворилось как купечество, ухватившееся за чайное дело, так и правительство, получавшее с него миллионные таможенные доходы. Купцы не захотели даже пользоваться правом от времени до времени ходить с караваном в Пекин. Прекратились и отправки туда казенных караванов. Тем не менее, степные пути между Китаем и Сибирью продолжали возбуждать интерес. О них узнавали от миссионеров, переводивших китайские сочинения, и из расспросов купцов. Позднее в 1842 г. графу Канкрину представлена была записка г. Сушина о том, что чай мог бы доставляться в Россию через Западный Китай и Западную Сибирь ближе, чем через Кяхту. После того для изучения торгового значения Западного Китая посылался г. Любимов. В 1848 г. о путях между внутренним Китаем и Западной Сибирью сообщал из Пескина иеромонах

Палладий. Открытие русской торговли в Кульдже и Чугучаке, и учрежденные в них консульства в свою очередь способствовали выяснению торгового движения в Западном Китае. Но та же чугучакская торговля показывала, что ни русские, ни китайские купцы не стремятся передвинуть чайное дело с кяхтинского рынка на окраины Западной Сибири; потому не было основания предполагать, чтобы западно-китайский путь доставлял более выгод торговому движению, нежели кяхтинский. Еще труднее было сопоставлять сухопутные сообщения Западной Сибири и Внутреннего Китая с морским путем в него из Европы, в виду упадка кяхтинской торговли, вслед за разрешением ввозить в Россию чай морем. Эта мера вызвана была тем, что с развитием английской морской торговли в Китае, русские купцы, не имея возможности соперничать с нею, воспользовались установившеюся в Кяхте монополией и начали сбывать на кяхтинском рынке русские изделия по более низким ценам, нежели те, какие сами платили фабрикантам, а барыши выручали на продаже чая по дорогой цене в России, вследствие чего почти 1/3 его доставлялась в нее контрабандой из Западной Европы. Действительно, после дозволения ввозить в Россию чай повсеместно, он подешевел, потребление его увеличилось, а казна выиграла на пошлинах, как и предвидел граф Блудов. Следовательно, не было оснований предполагать, чтобы сухопутная доставка чая из Внутреннего Китая в Россию через Сибирь могла бы оказываться более выгодною, чем морская доставка. Если же чай мог с выгодой привозиться сухопутно в самую Сибирь и в сопредельные с нею местности, то при громадности пространства подобного торгового района, скорей нужно было бы стремиться открывать торговому движению наибольшее число путей, а не сосредоточивать в Сибири чайное дело в каком-либо одном пункте, — будь это Кяхта, или Кош-Агач, или Семипалатинск. Но исследователи, посылавшиеся из Западной Сибири в соседние с нею китайские владения, увлекаясь желанием поддерживать местные интересы и ярче освещать свои труды, думали иначе. К их числу принадлежал и Сосновский, ставший во главе учено-торговой экспедиции, отправленной в 1874 году в Китай.

III

О деятельности этой экспедиции в печати имеются статьи ее членов: гг. Сосновского, Пясецкого и Матусовского. Кроме того, о ней накопилось множество официальных сообщений в разных учреждениях. В совокупности все это дает любопытные сведения, но не разрешает главных торговых вопросов, напротив, до известной степени усложняет их противоречиями. Впрочем, и в последнем случае экспедиция оказалась бесполезною, по-нуждая лучше вдумываться в те обстоятельства, которые она не сумела или

не захотела выяснить. Затем желающим знать одну сущность произведенных ею исследований нет никакого дела до темных ее сторон, разоблачаемых Пясецким и Боярским. Нельзя однако не заметить, что экспедицию нисколько не стесняли ни полученные ею инструкции, никакой либо недостаток средств; поэтому вся ответственность в неуспехе лежит на ней, а не на ком другом. Относительно торгового движения экспедиции надлежало определить как расстояние главных путей между Сибирью и Внутренним Китаем, так и удобство располагать на них перевозочными средствами. При этом можно было бы довольствоваться даже приблизительными вычислениями. Вместо того, упомянув, что кяхтинский путь пригоден лишь для интересов Восточной Сибири и осмеяв монгольский путь из Калгана к Томской губернии, Сосновский безусловно заслонил их пройденным им западно-китайским путем и не затруднился заявить, что последний может соперничать с морским сообщением между Китаем и Европой через Суэц. В доказательство же своих выводов, он вдался в произвольные вычисления, о чем заметил уже г. Петровский в разборе его отчета. Потому, рассматривая значение рекомендуемого им пути нужно соотнобразяться не с одними его цифровыми данными, но и с сообщениями Матусовского, Пясецкого и других исследователей.

Так, от Хань-коу до Хань-джун-фу по р. Хань-цзян Сосновский считает 1269 верст или 3118 китайских ли, а Матусовский 1240 верст, упоминая об извилистом русле реки между мелями. Пясецкий же описывает ее пороги настолько опасными, что трудно заключить, в какой степени судоходство на ней должно признаваться обеспеченным. От Хань-джун-фу до Лань-чжеу-фу по расчету Сосновского 586 $\frac{3}{4}$ версты или 1430 ли, а Матусовский считает 535 верст, замечая, что на этом расстоянии через хребет Цзюн-лив-шань составляет трудный путь, на котором возможна только выючная перевозка товаров. От Лань-чжеу-фу до Су-чжеу-фу Сосновский считает 721 $\frac{1}{4}$ вер. или 1425 ли, и далее до Ань-син-чжеу 260 $\frac{1}{4}$ верст или 650 ли, хотя последние цифры оказываются в его отчете ошибочными, вероятно вследствие опечаток. От Ань-син-чжеу до Хами Сосновский считает 380 верст или 1010 ли, а Матусовский 340 верст, присовокупив, что этот участок пути нужно проходить 8 дней, встречая горькосоленые колодцы. О тех же колодцах Пясецкий отзывается более снисходительно, зато сообщает, что за ручьем Эр-гоу на 70 верст совсем нет воды. От Хами до Гучена Сосновским показано 432 $\frac{1}{2}$ версты или 1080 ли, а все расстояние между Хань-коу и Гученом он полагает в 3649 $\frac{3}{4}$ верст или 8713 ли. Но если согласно определению Сосновского каждую ли принять в 267,67 сажени, тогда расстояние от Хань-коу до Гучена получится в 4664 $\frac{1}{2}$ версты, т. е. в измерениях его и китайцев произойдет разница более чем на 1000 верст. Действительно ли это так, судить тем более мудренее, что Матусовский как бы подтверждает вычисле-

ния Сосновского, напротив Пясецкий опровергает их правдивость, упоминая об изломанном одометре и о пробелах в трудах Матусовского, поставленного в невозможность производить маршрутную съемку пути при переездах экспедиции по ночам. Из Гучена Сосновский направляет торговое движение прямо степями к Зайсанскому посту на 657 $\frac{1}{2}$ верст. Затем от Зайсанского постав Семипалатинск через Кокбекты и Чарскую долину считается 469 $\frac{1}{4}$ верст и от Семипалатинска до Тюмени 1359 верст. Отсюда видно, что рекомендованное Сосновским сообщение между Тюменью и Хань-коу заключает 4307 $\frac{1}{4}$ верст в китайских пределах и 1828 $\frac{1}{4}$ верст в Западной Сибири, всего 6135 $\frac{1}{2}$ верст. Торговое движение могло бы располагать на нем пароходством менее чем на $\frac{1}{4}$ всего расстояния, а на $\frac{1}{2}$ последнего должно было бы производиться частью на колесах, частью вычным способом на верблюдах и на мулах. Что касается р. Хань-цзян, то на ней приходилось бы довольствоваться гребными судами. Но, рассматривая означенное сообщение, нельзя оставлять без внимания того обстоятельства, что с одной стороны караваны предпочитают ходить между Зайсанским постом и Гученом не через пески Гурбун-Тунгут, как прошел Сосновский, а по более сносному булун-тонхойскому пути, который, по счету г. Певцова, простирается на 802 версты, и что с другой стороны торговое движение между Семипалатинском и Западным Китаем производится через Чугучак, при чем от Семипалатинска до Чугучака на Сергиополь и Бакты считается около 555 верст, а между Чугучаком и Гученом, в военных соображениях, писанных Сосновским в 1880 г., показано 550 верст. Следовательно, западно-китайский путь между Тюменью и Хань-коу нужно принимать в 6113 $\frac{3}{4}$ или в 6280 верст. Какая же побудительная причина заставила Сосновского предпочесть неудобопроходимый гурбун-тунгутский путь давно испытанному чугучакскому, может объяснять разве то, что, упираясь в Семиреченскую область, последний был бы менее сподручен, нежели зайсанское сообщение, для предпринятой им поставки хлеба китайским войскам, так как это пробное торговое дело он надеялся выполнить с наибольшим успехом, пользуясь содействием семипалатинского, а не семиреченского начальства.

Обращаясь к кяхтинскому и к монгольскому путям, оказывается, что первый из них заключает в себе между Тюменью и Хань-коу до 6950 верст. Установленный в продолжение столетий, он на $\frac{1}{2}$ находится в земледельческой полосе Сибири, на $\frac{1}{3}$ его товары могут перевозиться пароходами и только $\frac{1}{6}$ его пролегает по степным пустыням. Монгольское сообщение, согласно с видами томских и семипалатинских властей, должно было бы направляться: или от Тюмени в Томск – 1520 верст, располагая пароходством; от Томска в Бийск 437 верст, тоже с помощью пароходства в полую воду; от Бийска в Ангудай 240 верст по колесной дороге; от Ангудая к пограничному китайскому пикету Юстыд 300 верст, за небольшим исключе-

ным горным путем; от Юстыда на Улясутай в Калган до 2200 верст степями; от Калгана в Тянь-цзин 353 версты по населенной местности и от Тянь-цзина в Хань-коу 1850 верст на пароходах, всего 6900 верст.; или же от Тюмени до Семипалатинска 1359 верст; от Семипалатинска через Устькаменогорск и Бухтарминскую долину на китайский пикет Суок 708 верст; от Суока, не заходя в Кобдо, через Улясутай в Калган до 2250 верст и от Калгана через Тянь-цзин в Хань-коу 2203 версты, всего до 6520 верст. Сопоставляя означенные пути между собою, становится очевидным, что хотя кяхтинский путь самый дальний, зато он лучше других обеспечен перевозочными средствами и наименее требует выпуска денег за границу для уплаты за перевозку товаров. Сообщение через Монголию, располагая в Западной Сибири и во Внутреннем Китае вдвое более пароходством, нежели западнокитайский путь, представляется менее обеспеченным в степном своем пространстве. На всем далеком протяжении последнего, от Томской губернии до Калгана, встречался бы один город Улясутай; потому падеж верблюдов или болезни караванной прислуги в глубине монгольских степей подвергали бы торговое движение продолжительной задержке. Доказательством служит торговый путь между Калганом и Ургой, где в подобных случаях, по сообщению господина Падерина, купцы не находят возможности получать верблюдов в ближайших улусах кочевников, но вынуждены складывать товары в степи и отправляться для найма новых верблюдов в Ургу или в Калган. Западнокитайский путь самый короткий. При этом он открывает доступ вести торговлю и с Внутренним Китаем и с притяньшаньскими городами. Однако торговое движение на нем располагало бы пароходством значительно менее чем на прочих путях. Затем все названные пути слишком длинны для того, чтобы соперничать в транзите с морским сообщением между Европой и Китаем через Суец. Сознывая это, Сосновский стал указывать на возможность получать чай и сбывать русские товары не в Хань-коу, а в Хань-чжун-фу, т.е. в сущности попытался сократить рекомендуемый им торговый путь на 1269 верст. Тогда, по его соображениям, перевозка товаров, хотя была бы продолжительнее морской доставки их, зато обходилась бы не так дорого, а чай покупался бы вдвое дешевле. Но выставленные им цены провозной платы и чая нельзя признавать достоверными, ввиду определения их мимоездом и до установления торговых предприятий. К тому же, если во Внутреннем Китае есть местности, где чай настолько дешевле, как говорит Сосновский, то сообщение между ними и морскими берегами ближе и удобнее, чем с Западной Сибирью. Одинаково не ведут ни к чему предположения Сосновского о пароходстве из Семипалатинска в озеро Нор-Зайсан, так как если это осуществится, то вероятно в таком же не скором будущем, как и постепенное видоизменение кяхтинского пути, посредством приспособления водяных сообщений к пароходству и устройства небольших железных дорог на водоразделах.

Более интереса представили бы наблюдения экспедиции над тем, каково отзывался на верблюдах и на лошадях дальний путь от великой стены в Западную Сибирь. Пясецкий, как естествоиспытатель, лучше других сладил бы с подобным исследованием. Но экспедиция этим не занялась и не выяснила насколько русское торговое движение могло бы располагать перевозочными средствами, направляясь в притяньшаньские города и в Цзяюй-гуань. Между тем экспедицією заявлено, что товары можно перевозить по западнокитайскому пути и выючным способом и на колесах. С первого же взгляда это обещает существенную выгоду в том предположении, что лошадь провезет по крайней мере на 1/3 более груза на телеге и пройдет с нею вдвое далее в сутки, нежели навьюченный верблюд. Вдобавок, на воз можно накладывать громоздкие предметы, которых нельзя размещать на верблюдах. Но должно помнить, что степные лошади слабосильнее ломовых лошадей, непривычны к упряжи и разборчивее верблюдов в корме и в пойле, а за отсутствием оседлого населения подле степных путей, ломка на них телег составляет большие затруднение. Вследствие этих причин торговое движение искони предпочитало в пустынях выючную перевозку товаров на верблюдах и нет оснований утверждать, чтобы между Западной Сибирью и великою стеною оно поступило иначе. Напротив, Сосновский отвергает такое предпочтение и в своих военных соображениях, писанных в 1880 г., сообщает, что вообще с верблюдами много хлопот: зимою нужно разгребать под ними снег и закутывать их кошмами, укладывая для отдыха на стоянках; весною они линяют и ослабевают; летом запаливаются и только осенью бодро несут выюк. Средняя скорость их хода, измеренная одометром и цепью, составляет в дальнем пути от 3 1/2 до 4 верст в час, хотя еще уменьшится, если принять в соображение частую остановку для поправки выюка, арканов и пр. Следовательно, обыкновенный дневной переход их составит около 25 верст. Сильные верблюды, на коротких арканах, пройдут безостановочно 50 верст в день, но не более одного или двух переходов. Затем средний груз, поднимаемый верблюдом на дальнем пути, нужно считать не выше 12 пудов и то если караван будет располагать заводными, т. е. запасными, не навьюченными верблюдами. Сравнивая вычисления Сосновского со счетом, принимаемым в караванном движении между Акмолинском и Ташкентом, получится некоторая разница. Там полный груз верблюда полагают в 16 пудов чистого товара, а средний ход его до 30 верст в день. При этом одни и те же верблюды, проходя песчаными степями с тощею растительностью и через Каратауский хребет, делают взад и вперед свыше 2000 верст. При всем том, без указания опыта, нельзя знать могли бы они одинаково проходить на более далеком расстоянии, как потребуются между окраинами Западной Сибири и Внутреннего Китая. По словам Сосновского, во время следования его от великой стены до Зайсана растеряно было

много верблюдов, а у Пржевальского западносибирские верблюды дошли до Тибета и выпали уже на обратном пути. Из вышеприведенных данных видно, что русские купцы, отправляясь из Западной Сибири в Цзя-юй-гуань на своих верблюдах, должны были бы совершать подобный переезд в оба конца не менее как в 5 месяцев и рисковали бы сморить верблюдов. Вместе с тем, принимая в соображение, что во всей Семипалатинской области, по усиленному счету ее статистического комитета, имеется до 100000 верблюдов, включая подростков, и что верблюды может быть нанимались бы еще частью в Акмолинской области, частью в Семиречье и у подвластных Китаю кочевников Тарбагатайской области, останется заключить, что русские купцы будут в состоянии располагать верблюдами для перевозки ? миллиона пудов товаров, по своим торговым предприятиям в Западном Китае. А сколько в нем найдется верблюдов в распоряжении у китайских купцов — неизвестно, хотя едва ли более, чем в Западной Сибири. Такая ограниченная возможность нанимать верблюдов для перевозки груза не представляет ничего особенного. Сосновский был очевидцем, что их недостает для торгового движения между Ургою и Калганом. То же еще в большей степени должно происходить на дальнем расстоянии между великою стеною и Западной Сибирью. Общее затруднение располагать верблюдами доказывается еще тем, что караванная торговля всегда предпочитала иметь дело с ценными и сравнительно легковесными товарами. Независимо от верблюдов, торговое движение на западно-китайском пути, по мнению Сосновского, может пользоваться лошадьми и мулами. Нет спора, что между Семипалатинском и Чугучаком, по тракту на Сергиополь и Бакты, обставленному почтовыми станциями, двинутся обозы с товарами на телегах и даже на саях, если в зимнюю пору будет доставать корму лошадям, так как за неимением покосов около тракта, сено заготавливается на нем собственно для станций и, одинаково с овсом, привозится издалека. Рассчитывать же, согласно предположениям Сосновского, чтобы обозные лошади могли пастись зимою в степи и добывать себе траву из под снега, подобно киргизским табунам, едва ли основательно. Но поедут ли русские обозы в китайских пределах предугадывать нельзя, особенно в виду представленных в контроль счетов Сосновского, по которым за прокорм 11 лошадей в китайских владениях, в течение года и 10 дн., сначала он требовал 2066руб.79коп.сер., а позднее 4387 руб.сер., в том числе за прокорм каждой казачьей лошади между Ань-син-чжеу, Хами и Гученом по 2 руб.26 коп. сер. в сутки.

Предпринимавшаяся Сосновским поставка хлеба китайским войскам в свою очередь мало выяснила насколько выгодны и удобны торговые дела между Западной Сибирью и притяньшаньскими городами. Из документов, относящихся к этой поставке, обнаруживается, что семипалатинские власти оказывали ей такое покровительство, какого частным торговцам ожи-

дать нельзя. Кроме того, она была основана на исключительных обстоятельствах, по которым пшеницу, обходившуюся с доставкой в Зайсан круглым счетом по 1 р. с. за пуд, оказывалось невозможным сбывать китайцам за 657 верст в Гучен по 3 р. 50 к. с. за пуд, а за 215 верст в Булун-Тохое по 2 р. 18 к. с. за пуд. Потому означенное предприятие, не составляя примера для купцов, доказало собою лишь то, что хлеб препровождался из Зайсана в китайские владения на верблюдах, при чем принималось в расчет, что каждый из них должен поднимать 12 пудов груза, а караванам вменялось за обязанность проходить в Гучен в 17 дней, т. е. делать по 38 $\frac{1}{2}$ верст в сутки. Цена же перевозки хлеба до Гучена полагалась по 8 р. с. с верблюда и сверх того накидывалось по 15 к. с. с пуда на проводников (лаучей) и на принадлежности вьюка, или, другими словами, срочная провозная плата стоила по 81 $\frac{2}{3}$ к. с. за пуд. Затем из хаоса цифр, созданного произвольными вычислениями Сосновского, получаются данные, объясняющие, что на поставке китайцам 35755 пудов хлеба из Зайсана в Гучен, при той обстановке, в какой она находилась, можно было получить чистой прибыли рубль на рубль, не считая каких-либо отступных сумм за раздел предприятия. Но Сосновский и купец Каменский, взявший у него большую часть подряда и поставивший китайцам хлеб из Семиречья, окончили свои дела заявлениями об убытках, хотя последние во многом подлежат сомнению и если бы даже случилось, то по вине самих предпринимателей, так как после упразднения в 1875 г. помещавшегося в Урджаре чугучакского консульства, им надлежало выполнять свои подряды с большею осторожностью, но внимание к отсутствию консульского надзора за внешнею торговлею, которого, как оказалось потом, Сосновскому не могло заменить обязательное содействие семипалатинских властей. Равным образом не сбылись уверения Сосновского, будто бы, в благодарность за принятую им поставку хлеба, главнокомандующий китайской армии Цзо-цзун-тан выхлопочет дозволение русским купцам ходить с караванами во Внутренний Китай. Пекинское правительство не согласилось на это и если разрешило русскую торговлю в своих владениях за пределами великой стены, как определено последним трактатом, то за возвращение Илийской области.

Итак, ни экспедиции Сосновского, ни семипалатинским властям не удалось достигнуть каких либо практических результатов для привлечения сухопутной чайной торговли в Западную Сибирь. Напрасные усилия их более или менее подтвердили только, что, при невозможности конкурировать с морским сообщением между Европой и Внутренним Китаем, всем путем к последнему из Сибири остается служить преимущественно для удовлетворения местных потребностей, в силу которых кяхтинский путь будет продолжать передачу товаров в Восточную и в Западную Сибирь; дополнением к нему служит монгольский путь, в случае усиления торговой деятель-

ности бийских купцов; а западно-китайский путь станет снабжать товарами Западную Сибирь и Семиречье. Пользуясь этими путями, торговое движение найдет возможность располагать перевозочными средствами более, чем в том случае, если бы оно сосредоточивалось в одном из них. Затем какая общая связь установится в торговой деятельности на всех означенных путях, в какой степени русская караванная торговля окрепнет в улусах подвластных Китаю кочевников, каковы будут русские торговые предприятия в притяньшаньском крае и какие завяжутся торговые сношения с Внутренним Китаем – покажет время, которое не замедлило уже обнаружить, что сколько ни старались противопоставить Чугучаку Зайсанский пост и Булун-Тохой, однако он вновь обстроился и в 1878 г. в нем стали покупать на миллион рублей китайского серебра, отсылавшегося в Кяхту. Зайсанский же пост остался степным торговым центром для сбыта товара кочевникам, а Булун-Тохой ничтожным китайским укреплением. Как бы то ни было, хотя экспедиция Сосновского и не послужила к разъяснению торговых вопросов, зато, по крайней мере, она прошла заранее намеченный путь. В этом заслуга ее тем заметнее, если вспомнить, что снаряжавшиеся прежде подобные ей экспедиции Сальватори и Мейендорфа совсем не могли выступить из Западной Сибири во Внутреннюю Азию. Но семипалатинской администрации ни в чем не пришлось выполнить своих намерений относительно торговли. Самое устройство колесной дороги через Бухтарминскую долину не было доведено ею до конца и отпущенные на это 25000 руб. с. начали признаваться недостаточными даже для половины предприятия.

Назначенный в 1875 г. генерал-губернатором Западной Сибири генерал-адъютант Кознаков полагал, что в попытках направлять западносибирскую торговую деятельность в Монголию и во Внутренний Китай не должно было предавать забвению пограничную торговлю, во внимание к тому, что она продолжала открывать русским купцам возможность производить крупные торговые дела, как доказывалось в семидесятых годах Кяхтой и вновь возникшею торговлею в Чугучаке. Вследствие этого, находя полезным способствовать постепенному учреждению пограничных городков: около Чугучака – в Бактах, сообразно с прежними заявлениями консулов, и у границ Монголии – в Кош-агаче, он просил о присоединении к Западной Сибири северной части Сергиопольского округа с торговым путем в Чугучак и с Бактами, при чем поручал сравнить сергиопольско-чугучакское направление с кокбектинским, а также обстоятельно исследовать русло Иртыша выше Семипалатинска с озером Нор-Зайсан. В то же время неоднократно производился осмотр горного пути между Бийском и Кош-агачем. Затем от Бийска до Ангудая и Котанды проложены были земскими средствами непрерывные колесные дороги, но далее к Кош-агачу трудный путь на расстоянии около 250 верст остался не разработанным. Независимо от этого, генерал-

адъютант Казнаков желал выяснить неоконченные вопросы относительно акмолинско-туркестанского пути, учреждения города в Кара-агаче и возможности обеспечить торговое движение в степях. Последнего он думал достигнуть посредством устройства около степных путей крестьянских селений, а не постоянных дворов, как предполагалось прежде. Все это сопровождалось целым рядом исследований и между прочим повело к возникновению деревень на тракте от Петропавловска к Акмолинску. Разработка бухтарминской дороги, в свою очередь, подвергалась специальному осмотру, после которого она была прекращена, как по недостатку денежных средств, так и по той причине, что собственно для торговли этот путь не представлял настоятельной надобности. Финансовые затруднения воспрепятствовали однако генерал-адъютанту Казнакову осуществить намечавшиеся им задачи для развития торговой деятельности. При всем том, он успел установить срочное пароходство между Тюменью и Семипалатинском, облегчившее, вместе с железной дорогой от Перми в Екатеринбург, доставку товаров из России к Западному Китаю.

В конце семидесятых годов предпринимались также исследования путей в Монголии сопровождавшим бийских купцов в Куку-хото г. Певцовым, который описал перед тем степное сообщение Западной Сибири с Гученом через Булун-Тохой, и отчасти г. Потаниным. Сколько известно, они не предполагали сосредоточивать торговое движение на осмотренных ими путях.

Остается пожелать, чтобы наблюдения их появились в печати, одинаково как и отчеты об осмотрах торговых сообщений в Западной Сибири, произведившихся при генерал-адъютанте Казнакове большею частью лицами, состоящими сотрудниками Западно-Сибирского Отдела Географического Общества. Собранные сведения по всему вероятно не окажутся лишними при обсуждении дальнейших мероприятий для распространения русской торговли в Средней Азии и в китайских владениях, куда в настоящее время открылся широкий доступ русскому купечеству, благодаря покорению Коканского ханства и заключению с Китаем Петербургского трактата.

Примечания:

1. Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества (ЗСОИРГО). Омск, 1881. Кн. 3. С. 1-31. Текст приведен в соответствие с современными правилами грамматики. Примечания В.П. Зиновьева.
2. Линия названа Горькой так как проходила по местности богатой горькосолеными озерами.
3. Кабинет -- Кабинет Его Императорского Величества входил в состав Министерства Двора, ведал имуществом императорской семьи, в т. ч. Алтайским и Нерчинским горнозаводскими округами.
4. Даба -- китайская хлопчатобумажная материя.
5. Автор имеет в виду рубли в бумажных ассигнациях, курс которых был раза в три ниже курса серебряного рубля.

Внешняя торговля западносибирских купцов в Центральной Азии во второй половине XIX века.

Одной из важных сфер предпринимательской деятельности в Западной Сибири являлась внешняя торговля. Зарождение ее относится к XVIII в., а становление регулярных торговых отношений произошло уже в пореформенный период. Торговля велась в основном на территории современных Монголии и Средней Азии до присоединения последней к России.

Основными источниками в данной статье являются архивные материалы. Отдельные сведения о внешней торговле содержатся в записках известных ученых-путешественников П. Чихачева, М.П. Певцова, Г.Н. Потанина, Г.Е. Грум-Гржимайло и некоторых других, а также в нерегулярно издававшихся "Памятных книжках" по Западной Сибири и по Томской губернии и в периодической печати того времени.

В дореволюционной историографии довольно подробно описывались природные ресурсы Центральной Азии, состав и образ жизни местного населения, определялись перспективы расширения торговли и улучшения путей сообщения. Здесь также обосновывалась законность экономической колонизации малоразвитых "сопредельных" с Сибирью стран, намечались пути укрепления там русского экономического влияния¹. Подобную точку зрения высказывали датские ученые-путешественники К. Гаге и Г. Тегнер, которые призывали также к более активному освоению природных ресурсов края и широкому внедрению в экономику Западной Сибири иностранного капитала².

В современной литературе данная проблема затрагивалась в обобщающих трудах, где были намечены пути ее дальнейшего изучения³, в специальных работах, посвященных отдельным вопросам внешней торговли России⁴. Однако в целом внешняя торговля западносибирских предпринимателей изучена недостаточно и вопрос формирования здесь крупных капиталов требует дальнейшего и углубленного исследования.

В дореформенное время внешняя торговля Западной Сибири велась в основном через Усть-Каменогорск и Семипалатинск в Томской и через Петропавловск в Тобольской губерниях. В пореформенный период внешняя граница края проходила только на Алтае, где и велся оживленный товарообмен с китайским и монгольским населением Северо-Западной Монголии⁵. До заключения пекинского трактата 2 ноября 1860 г. эта торговля не могла

считаться легальной. Только "Правила сухопутной торговли" от 20 февраля 1862 г. предоставляли русским торговым фирмам и отдельным лицам право вести беспощинную торговлю во всей Внешней Монголии⁶. Однако процесс налаживания регулярных торговых связей растянулся здесь на десятилетия. Одной из главных причин этого явились инициативы местных властей, как российских, так и китайских. В 1864 г. томский губернатор Г.Г. Лерхе прибыл на русско-монгольскую границу и, застав там до 500 китайских подданных, приказал им немедленно удалиться⁷. Подобные меры принимали и китайские чиновники в отношении русских купцов.

До 90-х гг. XIX в. здесь не был упорядочен таможенный контроль. "Многие русские, торгующие в Монголии, — доносил в 1873 г. в столицу Томский губернатор, — не выбирают торговых свидетельств и даже паспортов. В результате в Монголию попадают лица крайне неодобрительного поведения, которые позволяют себе все возможные беспорядки и бесчинства"⁸. Порой пограничные власти были вынуждены принимать решительные меры: в 1880 г. После начала усиленного вывоза беспощинного чая из Китая через Кош-Агач они сделали распоряжение о конфискации всех чайных товаров. Сообщая об этом, газета "Восточное обозрение" требовала точной регламентации условий чайной торговли для бийских купцов и учреждений в г. Бийске независимой таможенной власти⁹.

Другим тормозом развития внешней торговли на Алтае было отсутствие колесного пути до границы. Обоснование необходимости проведения этого пути встречается в губернаторских отчетах¹⁰, докладах чиновников¹¹, в периодической печати¹². Расстояние от Бийска до Кош-Агача было 490—500 верст, из них половину пути грузы везли на вьючных лошадях, а далее до г. Кобдо (от Бийска 800 верст) и Улясутая (1150 верст) — на верблюдах. Провоз пуда товаров в 1880-е гг. стоил до Кобдо 2 руб. 50 коп., до Улясутая — соответственно 3 руб. 50 коп.¹³, что значительно удорожало стоимость перевозимых товаров. Однако колесный путь на Алтае до монгольской границы был построен только в 1903 г. Мнение современного исследователя о том, что купцы сами могли построить эту дорогу едва ли справедливо¹⁴.оборот торговли бийских купцов был не настолько значительным, чтобы затратить более 200 тыс. руб. на строительство дороги, которая вдобавок, могла вызвать острую конкуренцию с крупными российскими и сибирскими фирмами. В условиях же бездорожья торговая экспедиция московского фабриканта С. Морозова не увенчалась успехом¹⁵, как и попытка вести русско-китайскую торговлю чаем через Алтай фирмой кяхтинских купцов Коквина и Басова¹⁶. Крупный алтайский предприниматель А. Ф. Морозов также зондировал почву на предмет торговли чаем через Кош-Агач, но вынужден был от нее отказаться, так как не было для того достаточных гарантий безопасности и прибыльности.

Перечисленные трудности развития торговых отношений были вполне преодолимы, и русско-монгольская торговля год от года росла. К сожалению, можно проследить только приблизительную тенденцию этого роста. Так как сбор сведений о ввозимых и вывозимых товарах проходил при отсутствии таможенного обложения и опирался на показания самих купцов¹⁷, занижавших суммы оборота потому что “данные о количестве ввозимых товаров потом сообщаются податной инспекции для определения промыслового налога”¹⁸. В нашей литературе уже был приблизительно определен объем внешней торговли на Алтае в конце XIX в.¹⁹ В представленной ниже таблице предпринята попытка на основании различных источников проследить динамику объема чуйской торговли в пореформенный период²⁰.

Основной причиной распространения внешней торговли на Алтае являлась ее высокая прибыльность. По свидетельству “Сибирской газеты”, до 80-х гг. XIX в., когда на Алтай из Монголии ввозилось ямбовое серебро и кирпичный чай, “торговля представляла несомненный интерес, потому что, покупая например, чай от 30 до 60 коп. за кирпич, купцы продавали его от 60 до 1 руб. 35 коп.”²¹. Позднее, как писал корреспондент другой сибирской газеты, “по свидетельствам самих купцов, они при обмене своих товаров на сырые произведения в Монголии получают от 25 до 30 % прибыли, а принятое в обмен сырье продают с барышом от 30 до 35 %, что составляет их общий средний дивиденд в 55–65 %”²².

Сведения Томского статистического комитета подтверждают последние цифры: “Средний процент прибыльности от оборота с сурком для иностранных торговцев, продававших его в Бийске, – 40 % и для продававших в Ирбите – 50 %”²³. Отметим для сравнения, что средний процент торговой прибыли в 1880-е гг. в Бийском уезде составлял 11,7 %²⁴, а в среднем по Сибири – 7,5 %²⁵.

Кроме высокой прибыли для внешней торговли с Монголией характерны и другие особенности. К одной из них относится развозной ее характер. Русские торговцы развозили свои товары по местам монгольских стоянок, где выменивали их на монгольские товары.

Кроме того, часто менялось содержание самой торговли. До 1870-х гг. русские купцы, в основном из города Бийска, везли за границу “бумажные материи, сукно, шелк, железо, медь в изделиях, хлеб, а ввозили серебро в слитках, чай байховый и кирпичный, пушнину”²⁶. Позднее первое место среди ввозимых бийскими купцами товаров заняли сурковые шкурки (44,5 % стоимости всего оборота), а также крупный рогатый скот и лошади (31,2 %)²⁷. Сурковые шкурки в те времена пользовались в России большим спросом, так как шли на околыши головных уборов, а будучи перекрашенными, заменяли другие, более ценные меха.

Динамика торговли через Кош-Агач во второй половине XIX в., руб.

Годы	Вывоз товаров в Монголию	Вывоз товаров в Россию	Общий торговый оборот
1865	35000	45000	80000
1873	170000	123000	293000
1876	194000	195270	390226
1877	165276	160463	325759
1879	151500	188860	340360
1880	246000	249000	495000
1881	253000	450000	703000
1882	275000	500000	775000
1883	366000	250000	616000
1884	161000	344000	505000
1885	221000	383000	606000
1888	263000	350000	613000
1891	374000	158937	533763
1893	212977	189288	402265
1895	229767	414769	644456
1896	406215	432731	838946
1897	363468	640686	1004154

В отдельные годы торговля скотом выходила на первое место. “Главная торговля заключается в выгоне из края скота”, – сообщал из Монголии в газету “Сибирь” Г.Н. Потанин²⁸. Закупка в Монголии скота вызывала затруднения в сбыте, так как вести его в Бийск, расположенный в скотоводческом районе, не имело смысла. По этой причине направление сбыта скота смещалось на восток, по мере движения туда центра сибирской золотопромышленности. Сначала самым крупным рынком скота был Енисейск, затем – Иркутск, а 1880-е гг. – Приамурье. Исследователь Сибири М.В. Певцов сообщал, что “пригнанные в Благовещенск алтайские и монгольские кони в самое короткое время продаются с выгодой”²⁹.

Благодаря широкому обмену всякого монгольского сырья и всех видов монгольского скота на русские товары, значительная часть территории края стала зависеть от российского рынка. По словам А.М. Поздеева, “во второй половине 1880-х гг., по крайней мере, 3/4 окружного населения степи оде-

валось исключительно в русские бумажные ткани”³⁰. Примерно в это же время русские торговцы начали ощущать конкуренцию со стороны китайских торговых фирм, предлагавших монгольскому населению европейские и американские товары (преимущественно ткани) по меньшей цене. Это привело к уменьшению вывоза русских промышленных товаров в Монголию. Рост ввоза монгольского сырья в Россию объяснялся значительным увеличением закупок пушнины и шерсти³¹.

Торговлей с Монголией занималось преимущественно бийское купечество. Этот округ занимал видное место в экономике Алтая³², а оборот торговли бийских купцов с Монголией составлял более 25 % всей торговли в Бийском округе³³. Местное купечество в своей деятельности сталкивалось со многими препятствиями, но преодолевало их в связи с высоким даже для Сибири процентом прибыли. Купцов не могли остановить ни довольно рискованный, а порой и опасный для жизни, характер торговли, ни отсутствие постоянного и дешевого кредита, ни первобытное состояние путей сообщения, ни многие другие трудности. Здесь уместно привести слова из британской газеты “Quarterly Reviewer”, которые в советской литературе часто приписывали К. Марксу: “Капитал испытывает страх, когда нет прибыли или она очень мала. При приличной прибыли он становится смелым. Десять верных процентов – и его можно употребить куда угодно. Двадцать – он полон жизни. Пятьдесят процентов – и он становится положительно головорезом. За сто процентов он попирает своей пятой все человеческие законы...”³⁴

Русские торговцы своей деятельностью не только подрывали экономическую замкнутость монгольского населения. Но и закабалляли его тяжелыми условиями торговли в кредит. Последнее усугублялось взысканием частных долгов с общины. Если должник оказывался несостоятельным, то его долг взыскивался с хошуна (общины), что было выгодно купцу, но часто приводило к полному разорению должника и закабалению общины. На факты долговой торговли указывали донесения русского консула в Монголии Падерина. В 1974 г. он писал о том, что китайские власти просили его, “внушить русским торговцам недопущение впредь долговой торговли, так как из-за долгов выходят все неприятности”³⁵.

Разлагая натуральные отношения, торгово-ростовщический капитал в условиях Монголии не менял социально-экономические устои страны. Таковую характерную черту экономики в Азии отмечал в свое время К. Маркс: “При азиатских формах ростовщичество может существовать долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции”³⁶. Сибирские газеты писали о фактах подкупа монгольской знати китайскими и русскими купцами³⁷. На всем протяжении пореформенного времени выделялась часть торговцев занятых в пограничной торговле, размеры

капиталов которых позволяет отнести их к гильдейскому купечеству. Численность их невелика: в начале 1880-х гг. – 10–12 чел., а к началу 90-х гг. – 20–22 чел. Всего же торгующих в Западной Монголии русских было в 1870 гг. 120–150 чел.³⁸, в конце XIX в. – 400–450 чел.³⁹ Для сравнения отметим, что в 1912 г., по мнению бывавшего тогда в Кобдо И.М. Майского, “торгового элемента” там было около 1,5 тыс. чел.⁴⁰.

Купечество Западной Сибири занималось в пограничной торговле в основном оптовыми сделками. Они обеспечивали своих приказчиков и мелких торговцев товарами для сбыта в степях и собирали (скупали) выменянные ими товары. Приказчики крупных купцов, ведших торговлю в Монголии, быстрее других осваивали монгольский язык и обычаи страны. “Впоследствии многие из них, – писал Г.Е. Грум-Гржимайло, – выбились в самостоятельных хозяев и продолжали вести привычное дело”⁴¹. Вышедшие из приказчиков предприниматели смогли потеснить некоторые старые купеческие фирмы, так как имели большую торговую практику и острее чувствовали конъюнктуру рынка. Достаточно сказать, что они первыми уловили тенденцию к увеличению скупки сырья (шерсти и сурковых шкур), тогда как многие старые фирмы продолжали торговать традиционным товаром.

На протяжении второй половины XIX в. прекратили предпринимательскую деятельность многие крупные бийские купцы, стоявшие у истоков внешней торговли в Монголии. К их числу относится многочисленный род Хабаровых, упомянутый П. Чихачевым еще в 1842 г., известные на всю Сибирь братья Котельниковы, первыми из купцов совершившие рискованные путешествия в Западную Монголию и Северный Китай и писавшие о них заметки в “Сибирскую газету”, Сахаровы, Соколовы, Сычевы и некоторые другие.

На смену им пришли ялutorовский первой гильдии купец А.В. Колмаков, бийские купцы Н.И. Ассанов, Р.И. Кузнецов, И.Г. Игнатьев и другие. Значительно увеличились в рассматриваемый период торговые обороты Г.Г. Бодунова, А.Д. Васенева, Я.Е. Мокина – представителей старинных купеческих родов. К середине 1890-х гг. гильдейские купцы составляли 14,5 % от всех торговавших в Западной Монголии лиц, а доля их капиталов в общем обороте превышала 54 % (60,3 % во ввозе товаров в Монголию и 48,2 % – в вывозе)⁴².

Вместе с тем, некоторые бийские мещане (Н.И. Мезенцев, Р.И. Минин, Ф.А. Поликарпов) по размерам оборота приближались к самым крупным гильдейским капиталам и в начале XX в., когда сословные рамки разрушились, слились в единую группу региональной буржуазии.

Специфические условия торговли в Западной Монголии накладывали своеобразный отпечаток на облик торгующего там купечества. Торговец

должен был знать иностранные языки, потребности и интересы местного населения, выработать приемы ведения с ним торговых дел, искать методы борьбы с непривычными конкурентами и т. д. Такая деятельность предъявляла повышенные требования к деловому и общему культурному уровню торговца, расширяла его кругозор, включала его в общественную жизнь региона. Часть купцов-чужаков имела облик непривычный для сибирских чумахских капиталистов. Они были владельцами библиотек, музейных собраний восточных редкостей, нередко они писали корреспонденции о своих путевых впечатлениях в газеты, оставили ценные записки, воспоминания и дневники.

Другие предприниматели, имея опыт торговли с сибирскими инородцами, лишь перемещали его на аборигенов Монголии. Составляя в короткий срок значительные капиталы, они разоряли население, оставляя за собой пустыню. Лозунг этих рыцарей первоначального накопления был прост: "На наш век хватит". В Монголии русские купцы попадали в условия, которые ничем не могли сдержать их страсти к накоплению. Консульский надзор был минимален, местные китайские власти за взятки смотрели сквозь пальцы на проделки подданных "Белого царя". Однако и в Монголии не все сходило с рук русским купцам. В 1878 г., например, томскому губернатору было доложено о жалобах маньчжурских чиновников на русских купцов⁴³. В 1882 г. "за неблаговидные поступки" из Монголии были высланы торговавшие в Кобдо Кузнецов, Палкин и Молчанов⁴⁴. При простоте нравов того времени нужно было устроить выдающийся скандал, чтобы он вызвал дипломатический резонанс.

За редким исключением, культурный уровень купцов, торговавших в Монголии, был низок. Профессора Томского университета М.И. Боголепов и М.Н. Соболев, исследовавшие русско-монгольскую торговлю, писали об этом: "Почти никто из них не выписывал ни газет, ни книг, даже специальных коммерческих ... Все ограничивалось интересами наживы, возможно большей и скорейшей"⁴⁵. И.М. Майский также вспоминал, что "духовный облик русских торговцев-колонистов в Монголии был, как правило, неприглядным. Уровень образования среди них был очень низок..."⁴⁶. В связи с этим возникали трудности при назначении на должность купеческого старшины в Кобдо и Улясутае. Русский консул в Урге по этому поводу писал: "Среди торговцев, ведущих свои дела, невозможно найти настолько развитого и сколько-нибудь образованного человека, которому можно было бы верить отношения с местными властями и поручить надзор за торговлею"⁴⁷.

Е.Н. Даревская, изучая распространение русской периодической печати в дореволюционной Монголии, также пришла к выводу, что там русские купцы газет не читали⁴⁸. С одной стороны, устарелые, вследствие долгого пути, новости теряли практический коммерческий смысл. С другой сторо-

ны, низкая грамотность торговцев не делала чтение их повседневной потребностью. Вместе с тем современники отмечали наличие у некоторых торговцев “небольших, но отборных библиотек литературы о Монголии и Китае”⁴⁹, некоторые купцы писали корреспонденции в газеты, печатали статьи в записках Русского географического общества. Таковы братья Котельниковы, А.Д. Васенев, Г.П. Сафьянов и др.⁵⁰

Во второй половине XIX в. купечество Западной Сибири не имело представительных организаций и было вынуждено выдвигать свои коммерческие требования через городские думы и ярмарочные комитеты. Так поступила группа торговавших за монгольской границей бийских купцов (И.П. Котельников, А.Д. Васенев, Я.Е. Мокин и др.) В 1886 г. они подали прошение в Ирбитский ярмарочный комитет о содействии в улучшении условий торговли в “китайских пределах”⁵¹. Они предлагали проложить до границы колесную дорогу и упорядочить сбор таможенных пошлин, обеспечить торговле с Монголией государственное покровительство. Это прошение было принято, и ярмарочный комитет дал ему ход. Реакция правительства была нескорой. Чуйская торговля не считалась важной, в глазах центральных властей она имела только региональное значение. Колесный путь был устроен лишь в 1903 г.

Таким образом, во второй половине XIX в. торговля западносибирских купцов в Монголии прошла путь от зарождения до регулярного обмена в значительных масштабах. В этот период сформировались традиции ведения торговых операций. Контакты местного населения с русским торговцами способствовали втягиванию его в мировой рынок. Торговля также стала важным источником накопления капиталов для сибирского, особенно алтайского, купечества. Чуйский торговый путь в XIX в. из древней торговой тропы превратился в тракт, а в XX в. приобрел государственное значение в отношениях России и Монголии.

Примечания:

1. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911; Московская торговая экспедиция. М., 1912; Поздеев А. Города северной Монголии. СПб., 1880; Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. СПб., 1896. Т. 1; Швецов С.П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. Барнаул. 1896.
2. Гаге Г., Тегнер Г. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1882. Кн. IV.
3. История Сибири с древнейших времен. Л., 1968. Т. 3. С. 66; История Монгольской народной республики. Изд. 2-е. М., 1967. С. 219; Бородавкин А.П., Говорков А.А. Торговля и торговоростовщический капитал в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 37–60.

4. Третьяков В.Н. Русско-монгольская торговля по Чуйскому тракту (1861–1914) // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980. С. 40–50; Старцев А.В. Пушная торговля бийских купцов в конце XIX–начале XX вв. // вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 117–127; Старцев А.В. Пушная торговля в Сибири как источник первоначального накопления капитала во второй половине XIX–начале XX в. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 73–87; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1994–1998. Т. 1–4; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917. Энциклопедия предпринимательства. Барнаул, 1996.
5. РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 92. Л. 30.
6. Русско-китайские отношения в 1689–1916 гг. Сб. документов. М., 1958. С. 42, 50.
7. Балкашин Н.Н. Трактаты России с Китаем // Памятная книжка Западной Сибири на 1883 г. Омск, 1883. С. 119.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3934. Л. 102.
9. Восточное обозрение. 1889. 23 сент.
10. РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 33. Л. 11.
11. Брещинский М.А. Исследование путей в Алтайском крае // ЗСОИРГО. Омск, 1881. Кн. III. С. 152–182.
12. Сибирь. 1879. 9 февр.; Восточное обозрение. 1889. 26 янв.
13. Сибирская газета. 1882. 13 мая.
14. Третьяков В.Н. Указ. соч. С. 45.
15. Памятная книжка Западной Сибири на 1881. Омск, 1881. С. 135. Вес товаров каравана С. Морозова был около 1300 пуд., их стоимость – 50 тыс. руб. (Сибирский вестник. 1886. 10 марта).
16. Восточное обозрение. 1889. 23 сент.
17. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3934. Л. 238.
18. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Указ. соч. С. 163.
19. А.П. Бородавкин и А.А. Говорков определяли оборот русско-монгольской торговли в конце XIX в. в 600 тыс. руб. в год (Бородавкин А.П., Говорков А.А. Указ. соч. С. 54).
20. Составлена по: Алтай. Томск, 1890. С. 135; Штейнфельд В. Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду. Бийск. 1911. С. 54; РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 474. Л. 28; ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3934. Л. 376–377, 484, 571, 623; Д. 5019. Л. 9; Ф. 196. Оп. 6. Д. 12. Л. 6, 21.
21. Сибирская газета. 1881. 15 марта.
22. Восточное обозрение. 1894. 26 янв.
23. ГАТО. Ф. 196. Оп. 6. Д. 12. Л. 20.
24. ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 98. Подсчет автора.
25. Статистические результаты процентного и раскладочного сбора за 1889 г. СПб., 1892. С. 271.
26. ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5644. Л. 29.
27. Певцов А.М. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. Омск, 1883. С. 233.
28. Сибирь. 1877. 15 янв.
29. Восточное обозрение. 1889. 27 окт.
30. Позднеев А.М. Монголия и монголы ... С. 266.
31. Старцев А.В. Пушная торговля бийских купцов... С. 121
32. Газета "Ирбитский ярмарочный листок" (1875, 19 февр.) определяла Бийский уезд как самый богатый в Томской губернии, а бийское купечество относила к числу наиболее инициативных и предприимчивых в Сибири. Возможно, что это было связано с распространением в этом уезде старообрядчества, которое по своей трудовой этике было близко к протестантизму, сыгравшему важную роль в становлении западноевропейской буржуазии.

33. ГАТО. Ф.3. Оп. 3. Д. 3934. Л. 238.
34. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2. С. 770.
35. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 573. Л. 2.
36. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2. С. 146.
37. Многие родовые управители монголов под давлением китайских купцов запрещали родичам покупать русские товары (Степной край. 1894. 13 февр.).
38. Потанин Г.Н. Путешествие по Монголии. М., 1948. С. 64.
39. ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 6–14, 21, 23, 48.
40. Майский И.М. Монголия накануне революции М., 1959. С. 91.
41. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1930. Т. 3. С. 649.
42. ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–8.
43. ГАТО. Ф.3. Оп. 3. Д. 3934. Л. 102.
44. ГАТО. Ф.3. Оп. 20. Д. 171. Л. 6.
45. Боголенов М.И., Соболев М.Н. Указ. соч. С. 246.
46. Майский И.М. Указ. соч. С. 91.
47. ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 171. Л. 6.
48. Даревская Е.Н. Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 52.
49. Клеменц Д.И. Об укреплении русского влияния в Монголии // Сибирские вопросы. 1909. № 51–52. С. 25.
50. Васенев А. Путевой дневник (июль – октябрь 1888 г.) // ВСОИРГО. Иркутск, 1890. Т. 1. Вып. 1. С. 1–127; Волосатов И. О торговле изюбными рогами // Там же. С. 137–145; Немчинов С. От Калгана до Хобдо (дневник приказчика при чайном караване) // Там же. С. 145–188; Воробьев А. Поездка из Урги в Хангай с торговой целью // Там же. С. 206–282; Сибирский купец А.Д. Васенев. Барнаул, 1994. Ч. I. Дневники. 195 с.; Ч. II. Документы и письма. 112 с. / Составитель и автор вступительной статьи А.В. Старцев.
51. ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 15. Л. 87.

Старцев А.В.

Обороты и ассортимент русско-монгольской торговли во второй половине XIX–начале XX в.

Важным аспектом истории русско-монгольских торгово-экономических связей является изучение объективных показателей ее развития: размеров торговых оборотов, их динамики, анализ важнейших статей экспорта и импорта, состояние торгового баланса. Эти показатели позволяют определить основные направления и тенденции развития торговли между Россией и Монголией и выяснить их характер.

В исторической литературе данный вопрос изучен недостаточно. Большинство авторов, исследовавших русско-монгольские торгово-экономические отношения, анализировали торговые обороты на уровне отдельных примеров, что не позволяло отчетливо проследить тенденции их развития, и предпочитали писать о периоде конца XIX–начала XX в.¹ Главная причина этого заключалась в неудовлетворительном состоянии внешнеторговой стати-

стики, которая страдала большими пробелами и неточностями. Как отмечал один из досоветских исследователей, «все статистические сведения о Монголии... носят чрезвычайно гадательный характер и не дают твердой опоры в оценке возможного значения этого рынка»². Кроме того, изучалось преимущественно восточносибирское направление русско-монгольской торговли через Кяхту, тогда как в 60-е гг. XIX в. сформировалось новое направление – через Бийск – Кош-Агач по Чуйскому торговому пути.

В данной статье дается анализ размеров торговых оборотов русско-монгольской торговли, направлений движения товаров, их ассортимента и подробно рассматривается западносибирское направление торгового движения. Помимо известных документов, в научный оборот вводятся новые материалы, хранящиеся в центральных и местных архивах: в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (ЦГИА г. Москвы), архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ПФ ИВ АН), государственных архивах Алтайского края, Томской и Иркутской областей (ЦХАФ АК, ГАТО, ГАИО).

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1860 по 1911 г. В 1860 г. в Пекине был подписан русско-китайский договор, который явился юридической основой развития русско-монгольских экономических отношений. Оценивая его значение, крупный русский монголовед, профессор Петербургского университета А.М. Позднеев писал: «Мы можем совершенно говорить, что наша торговля с Монголией началась только после Пекинского трактата и учреждения Ургинского консульства... До заключения Пекинского договора... все отношения ограничивались лишь на границе между караулами, которых обязанность заключалась, главным образом, в наблюдении за «чистотою границы»³.

Верхняя граница связана с развитием национально-освободительного движения в Монголии, результатом которого стало образование Автономной Монголии в составе Китая.

Прежде чем анализировать показатели торговых оборотов и основных статей русского экспорта и импорта, необходимо выяснить информативные возможности и степень достоверности статистических данных, сохранившихся по этому вопросу в опубликованных источниках и архивных материалах. Эта задача представляется особенно важной, поскольку в работах, посвященных истории торгово-экономических взаимоотношений России и Монголии, данный аспект не получил должного отражения. Следствием этого явились фактические ошибки в определении размеров внешнеторгового оборота, что, в свою очередь, повлияло на характер общих выводов.

Состояние и особенности статистики русской торговли в Монголии

Статистические данные, отражавшие объем и стоимость русско-монгольского товарооборота, имели ряд особенностей, обусловленных юридическим, политическим и экономическим положением Монголии, которая в рассматриваемый период входила в состав Китайской империи и не проводила самостоятельной торгово-экономической политики. Вследствие этого, в официальных статистических документах данные об объемах, ассортименте и стоимости экспорта и импорта, как правило, включались в общие сведения о русско-китайской торговле. Кроме того, в соответствии с договорами и соглашениями между Россией и Китаем, российские подданные пользовались правом беспошлинной торговли вдоль русско-китайской границы на расстоянии 100 ли (50 верст) и в Монголии⁴. Все это негативно сказывалось на организации системы учета ввоза и вывоза товаров из Монголии, объем и стоимость которых определялись приблизительно.

Количественные показатели русско-монгольской торговли содержались в отчетах консульств⁵, таможен⁶, периодической печати⁷, дневниках и сообщениях русских путешественников⁸, а также собирались некоторыми предпринимательскими организациями, в частности, старшинами русского купечества, торговавшего в Кяхте⁹.

Методика сбора сведений не была единой, что не могло не отражаться на их полноте и достоверности. Источники неофициального характера (периодика, отчеты путешественников), содержали цифры, которые собирались самими авторами. Они, как правило, относились к отдельным годам и не показывали динамики торговли.

Предпринимательская статистика позволяла представить динамику импорта и экспорта, однако сами данные на специалистов производили «...удручающее впечатление по своей неправильности». Комментируя «Подробные сведения о ходе сухопутной торговли с Китаем через Кяхту», в которых торговля с Монголией выделялась отдельной строкой, профессор А.М. Позднеев, подчеркивал, что цифры «собираются и сохраняются крайне небрежно», а потому «не заслуживают никакого доверия»¹⁰.

Схожую оценку этим данным давал и генеральный консул в Урге В.Ф. Люба, писавший в отчете, что вынужден «довольствоваться теми скудными и жалкими крохами сведений, которые доставляются нам кяхтинским пограничным комиссарством и некоторыми уездными начальниками, по видимому из года в год переписывающими одни и те же цифровые данные, громко именуемые «Сведениями о ходе сухопутной торговли России с Китаем»¹¹. Кстати говоря, сами купеческие старшины подчеркивали, что эти данные носили «частный характер... не могли иметь безусловной точности, и полнота их зависела совершенно от усмотрения торгующего»¹².

Официальная статистика русско-монгольской торговли была представлена отчетами российских консульств в Монголии, (консульство в Урге было открыто в 1861 г., в Улясутас – в 1905 г., в Кобдо – в 1911 г.) и данными, поступающими от таможенных учреждений.

Российское консульство в Урге, учрежденное в 1861 г. в соответствии с Пекинским договором 1860 г. в своих ежегодных отчетах, посылавшихся в Министерство иностранных дел, делало обзор состояния русской торговли в Монголии с приложением цифровых данных, отражавших динамику ввоза и вывоза. Как справедливо отмечал Ш.Б. Чимитдоржиев, «с открытием русского консульства в Урге в Петербург стали поступать более или менее достоверные сведения о русско-монгольской торговле»¹³.

Консульства собирали сведения о торговых оборотах русских коммерсантов «расспросным путем», что не гарантировало их высокой достоверности. В отчетах подчеркивалось, что «цифровые данные... показывают лишь относительные размеры русской ввозной и вывозной торговли и значительно уступают действительным размерам вышеозначенной торговли»¹⁴.

Как правило, показатели были занижены: отсутствовали или запаздывали сведения из некоторых торговых пунктов, часто не учитывалась мелкая пограничная торговля и пр. Существенной причиной искажения данных была крайне неудовлетворительная постановка учета купленного и проданного товара у самих купцов. Современники утверждали, что русские торговцы в Монголии «...и сами никогда не могут дать себе точного отчета в своих операциях..., ибо полного свода записей вывозимых товаров никогда не делалось и не имеет у себя ни один из купцов»¹⁵.

Сотрудник Российской дипломатической Миссии в Пекине А.С. Вахович после инспекционной поездки по Монголии в 1888 г. отмечал, что даже крупные фирмы «...дела ведут весьма небрежно и неумело», и «никакой отчетности, никаких торговых книг вести у них не в обычае»¹⁶. На эту особенность указывал и профессор А.М. Позднеев, хорошо знакомый с торговой практикой русских коммерсантов. «Из всех ведущих свое дело в Монголии, – писал он в 1892 г., – только один торгующий в Улясутас бийский купец А.Д. Васенев ведет полный дневной журнал своей торговли и делает месячный свод проданного и выручки, из остальных же ни один торговец не делает этого». В этой связи ученый подчеркивал «полную невозможность определить точную цифру вывоза и ввоза»¹⁷.

Признавая несовершенство консульских данных, следует, тем не менее, подчеркнуть, что для периода 60–80-х гг. XIX в. они являлись практически единственным источником, который позволял судить о размерах и динамике русско-монгольского товарооборота. Они давали не только стоимостный показатель ввоза и вывоза, но и показывали динамику развития торговли на различных участках русско-монгольской границы.

Другим важным статистическим источником были сведения, поступавшие из российских таможен. В 60–80-х гг. таможенных учреждений на русско-монгольской границе, в соответствии с русско-китайскими договорами 1860 и 1881 г., не было, а существовавшая до подписания Пекинского соглашения Кяхтинская таможня указом от 30 марта 1861 г. была переведена в Иркутск «для сбора пошлины с чая, провозимого из Забайкальского края»¹⁸. В начале 90-х гг. XIX в. на границе с Внешней Монголией был учрежден ряд таможен, которые стали фиксировать сведения об объемах и стоимости провозимых грузов. В 1891 г. было открыто управление Зайсанского таможенного участка с Алкабекским и Катон-Карагайским переходными пунктами, управление Кош-Агачского таможенного участка в Онгудае, в 1900 г. была переведена в Кяхту таможня из Иркутска¹⁹.

В исторической науке достоверность таможенной статистики оценивается весьма высоко. По мнению ученых, исследовавших этот вопрос, «сведения, сообщавшиеся товаровладельцами, подвергались такой тщательной проверке, что возможность искажений в сколько-нибудь широких масштабах исключалась»²⁰.

Однако русско-монгольская торговля в определенном смысле представляла исключение, поскольку российские подданные пользовались здесь правом беспошлинной торговли, а потому у таможенных учреждений не было формальных оснований требовать подробных сведений об объемах и стоимости провозимых товаров.

Управляющий таможней в Онгудае, через которую осуществлялись торговля Монголии с Западной Сибирью, писал, что вверенная ему таможня «... в силу действующих постановлений, не имеет оснований требовать, чтобы все транспорты с беспошлинными товарами, направляющиеся в Китай и из Китая, ... обязательно предъявлялись в таможню, или чтобы товароозяева и возчики предъявляли на означенные товары накладные и сообщали письменные подробные сведения о провозимых ими беспошлинных товарах». Поэтому он подчеркивал, что «сведения, которые могут при указанном порядке получаться, не будут иметь не только исчерпывающего, но даже приблизительного значения»²¹.

В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением Е.В. Дворецкого, который полагал, что при провозе беспошлинных товаров «у товаровладельцев не было ярко выраженных мотивов к завышению или занижению этих показателей»²². Факты свидетельствуют, что такая проблема имела место, и особенно актуальной она стала в конце XIX столетия.

В соответствии с принятым в 1898 г. законом о государственном промысловом налоге²³, органы податной инспекции при определении суммы, взимаемой с предпринимателя, исходили из величины торгового оборота всех принадлежавших ему предприятий, а потому данные о ввозе и вывозе

товаров за границу приобретали решающее значение. Обращаясь в Томскую казенную палату, податной инспектор Бийского участка подчеркивал, что «...именные списки таможи являются весьма существенными и почти единственными данными, за исключением которых если и можно будет собрать некоторые сведения о заграничных торговцах, то во всяком случае исчезнет фактический материал, позволяющий поставить на твердую почву обложение этой торговли государственным промысловым налогом». Поэтому он просил казенную палату «войти в сношение с надлежащими учреждениями» чтобы изменить порядок таможенной регистрации или вменить в обязанность таможенникам составление «именных списков лиц, провозящих товары с обозначенным в списках родом и количеством товара и на какую сумму»²⁴.

Однако в силу несогласованности действий ведомств и разного рода проволочек, таможи некоторое время не имели инструкций, предписывавших им собирать сведения об оборотах отдельных торговцев. На запросы податной инспекции они сообщали, что «...по свойству и роду требований этих, установленных в таможенных учреждениях регистрации товаров для статистической отчетности, таможня не имеет данных для составления именных сведений о вывозе и ввозе каждого лица»²⁵.

После длительной переписки между ведомствами удалось, наконец, согласовать интересы податной инспекции и таможен, и последние стали собирать и сообщать в податную инспекцию требуемые сведения²⁶. В таблицах, составляемых таможами, указывались фамилия, имя, отчество товаровладельца, его сословие (купец, мещанин, крестьянин и пр.), вид провозимого товара, его физические объемы (пуды, штуки) и его стоимость. Эти сведения представляют очень ценную информацию для исследователей, однако есть все основания сомневаться в их абсолютной достоверности, поскольку предприниматели были непосредственно заинтересованы в занижении данных и стремились разными способами избежать реальной оценки объемов и стоимости провозимых товаров. Чины русских консульств в Монголии постоянно отмечали данный факт, подчеркивая, что «это делается в целях наименьшей уплаты налогов, взимаемых с общей стоимости товаров при проследовании через таможенный пункт»²⁷.

Стремление предпринимателей уклониться от уплаты налогов было обычным явлением, и для этой цели использовались самые разные приемы. Наиболее простым и распространенным способом являлась контрабанда. Сохранилось немало архивных документов, свидетельствовавших, что контрабанда на русско-монгольской границе была достаточно обыденным явлением²⁸, к ней были причастны не только мелкие предприниматели, но и солидные торговые фирмы, такие как «С.С. Кальмеер с сыновьями», «А.В. Второв с сыновьями» и др.²⁹

Существовали и другие, более хитроумные способы, основывавшиеся на занижении размеров торговых оборотов. Например, торговавшая в северо-западной Монголии бийская компания «Русско-монгольское товарищество» при поставке партии шерсти английской фирме «Братья Рейхардт», по договоренности с последней, значительно занизила реальную цену товара с целью избавить контрагента от уплаты повышенных транспортных тарифов. В результате компания получила 61 тыс. руб. чистой прибыли, что на 30% превышало официально заявленную³⁰. Таким образом, при всех достоинствах таможенной статистики, преувеличивать ее достоверность не следует, особенно в отношении стоимостных показателей ввоза и вывоза. Определить же процент отклонения имеющихся данных от реальных цифр по понятным причинам практически невозможно, хотя такие попытки предпринимались. По мнению исполнявшего обязанности русского консула в Улясутае В. Долбежева, данные таможен «...приблизительно на 30 процентов меньше действительных размеров»³¹. По некоторым другим свидетельствам, этот процент был еще выше³². Но все, касавшиеся в той или иной мере этой проблемы, сходились в том, что реальные обороты русско-монгольской торговли существенно отличались от официальных данных внешней торговой статистики.

Совершенно иную картину представляют сведения об оборотах русско-монгольской торговли по участкам границы, подведомственным Зайсанской и Кяхтинской таможням.

Торговые обороты с Монголией по Зайсанскому таможенному участку были гораздо меньше указанных, поскольку большинство провозимых через эту таможню товаров направлялось не в Монголию, а в Синьцзян. Семипалатинские и усть-каменогорские купцы предпочитали вести свои дела в Китайском Туркестане и Синьцзянской провинции, а в Монголию приезжали лишь изредка, преимущественно для закупки кирпичного чая, являвшегося здесь не только важнейшим продуктом питания, но и денежной единицей. В 1897 г. в Улясутайском округе был зафиксирован только один торговец из Чугучака, в Кобдинском – несколько предпринимателей из Чугучака и Урумчи³³.

Самые высокие показатели ввоза и вывоза зафиксированы по Кяхтинской таможне и именно этими цифрами оперировали большинство исследователей, изучавших русско-монгольскую торговлю. С нашей точки зрения, здесь явное недоразумение, поскольку известно, что через Кяхту шла как русско-монгольская, так и русско-китайская торговля и таможенная статистика отражала суммированные показатели. Для определения доли собственно русско-монгольской торговли необходимо рассмотреть номенклатуру проходивших через таможню товаров. Судя по имеющимся сведениям даже в начале XX в. основной статьей вывоза через Кяхтинскую таможню являлся

чай. В 1903 г. он составлял 96,6%, в 1904 – 90,4%, в 1905 г. – 86,8%, в 1906 г. – 85,3% импорта³⁴.

Иными словами, большая часть провозившихся через Кяхтинскую таможню товаров являлась китайским транзитом и отношения к собственно русско-монгольской торговле не имела. Внимательный анализ данных статистики в сочетании с другими источниками показывает, что роль кяхтинского направления в русско-монгольской торговле была значительно скромнее, чем это принято было считать. Многие документы консульства в Урге свидетельствуют, что российские предприниматели, вывозившие товары через Кяхту, с монголами практически не торговали. «В Урге у нас торговли в собственном смысле, можно сказать, не существует, – сообщалось в отчете за 1892 г., – здесь находятся три торговых дома, все они занимаются транспортировкой чая. Хотя все они имеют разные товары, но преимущественно для додачи монголам, везущим чай из Калгана в Ургу»³⁵. В отчете за 1897 г. вновь подчеркивалось, что «Кяхта стремится удержать за собой свое значение и большую часть ввозимых из Китая чаев, не рискуя своими большими капиталами для оживления нашей торговли с Монголией»³⁶.

Гораздо большую роль в русско-монгольской торговле играли купцы из Западной Сибири, представленные преимущественно бийскими торговцами. В 1897 г. ургинский консул писал: «По-прежнему наши западносибирские купцы и акшинские казаки выдаются своей торговой оборотливостью и, несмотря на отсутствие капиталов, первенствуют в нашей торговле с Монголией»³⁷.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что сохранившиеся опубликованные и неопубликованные статистические материалы по истории русско-монгольской торговли представляют собой ценный источник, который дает возможность проследить важнейшие этапы становления и развития торгово-экономических связей между Россией и Монголией. Данные статистики позволяют выявить размеры и динамику торговли, основные статьи экспорта и импорта, определить главные направления торгового движения, степень участия в торговле отдельных предпринимателей и территориальных предпринимательских групп и т.д.

Каждый из рассмотренных видов статистики обладает определенными достоинствами, но ни один из них не может быть признан исчерпывающим источником. Наиболее предпочтительными, в смысле полноты и информативности, являлись отчеты российских консульств в Монголии, а также сведения собираемые таможами. Однако достоверность этих материалов также оставляла желать лучшего. Это было обусловлено, с одной стороны, общим уровнем развития статистики во второй половине XIX–начале XX в., а с другой – особенностями экономического и политического положения Монголии и режимом беспошлинной торговли, которым пользовались российские подданные в соответствии с русско-китайскими договорами.

Пекинский договор 1860 г. и «Правила сухопутной торговли» 1862 г. открывали хорошие возможности для развития торговых отношений между государствами, тем более, что они строились не на пустом месте. Русские купцы с давних времен стремились установить с Монголией регулярные торговые связи. В «Экстракте из дел Сибирской губернской канцелярии о порядке русской торговли в Урге», составленном еще в 1725 г., сообщалось о том, что русских подданных, которые «...в Ургу для купечества приезжают, бывает в Урге человек по двести и называются все купецкими людьми... В том числе и такие есть, которые лет по пяти и по шти там живут...»³⁸

Существовала русско-монгольская торговля и во второй половине XVIII–первой половине XIX вв., хотя, как отмечали исследователи, «...преобладала розничная торговля на границе»³⁹. Экономические контакты осуществлялись не только в Кяхте и ее окрестностях, но и на других участках русско-китайской границы и носили неофициальный, а иногда даже контрабандный характер. На южной границе Томской губернии, в Горном Алтае торговля с китайскими подданными, по словам бийского окружного исправника Е. Замятина, существовала «...как дело домашнее, до сего времени бывшее даже малозвестным», примерно с 80-х XVIII в.⁴⁰ Когда томский губернатор Г. Лерхе посетил в 1864 г. ярмарку в Чуйской долине, неподалеку от русско-китайской границы, то обнаружил там оживленную торговлю с солидным оборотом в 200 тыс. руб., и даже «жилые избышки, при которых для хранения и склада товаров построены амбары и кладовые»⁴¹. Этот поселок получил название Кош-Агач.

В середине XIX в. казаки Саянского острога вели меновую торговлю с жителями Урянхая – сойотами, проникали за Саянский хребет и русские крестьяне. В конце 50-х гг. ряд поселков был основан на р. Ус русскими старообрядцами, которые стали первыми форпостами русского продвижения в Засаянье⁴².

После подписания Пекинского договора Главное Управление Восточной Сибири совместно с Ургинским консульством предприняли попытки организации торговли с Монголией через Минусинский округ Енисейской губернии, который граничил на юге с Урянхайским краем. Саянский хребет был труднопроходимым, здесь отсутствовали колесные дороги, однако путь через Саяны русским был хорошо известен. Они ходили туда Амыльской, Усинской, Абаканской выючными тропами, а зимой по замерзшему Енисею.

В 60-х гг. начали торговлю в Урянхайском крае минусинские купцы Веселков, М.И. Бяков, Г.П. и А.П. Сафьяновы, Вавилин, Медведев⁴³. Они построили заимки на р. Уюк, Булун, Кемчик и начали торговлю с сойотами,

выменивая мануфактуру и металлические изделия на пушнину и скот. В середине 70-х гг. Г.П. Веселков совершил поездку в Улясутайский округ, доставив туда муку. Эта поездка оказалась удачной и впоследствии другие купцы, торгующие в Урянхайском крае, регулярно ездили в Халху для торговли⁴⁴.

Довольно активно после подписания Пекинского договора развивалась торговля с Восточной Монголией, которую вели казаки Приаргунского и Приононского краев. Как сообщал профессор А.М. Позднеев, «Приграничное население наше в тамошних степных, богатых подножными кормами местах занимается скотоводством и главным предметом отпуска за границу служит скот – лошади, бараны»⁴⁵.

В первые годы после подписания Пекинского соглашения русская торговля с Монголией развивалась почти исключительно караванным способом. В 60-х гг. XIX в. главным ее направлением было кяхтинское, отработанное в ходе русско-китайской торговли. За 9 месяцев 1861 г. в Монголию был отправлен 21 караван, в 1862 г. – 65, в 1869 г. – 120 караванов⁴⁶.

В организации же постоянных торговых заведений возникали большие трудности. Прежде всего, монгольский рынок для русских торговцев был практически неизвестен, что затрудняло их расчеты в ассортименте и объеме поставок. Кроме того, в Урге торговые сделки заключались не с монголами, а с китайскими купцами и в основном носили вспомогательный характер для обеспечения движения чайных караванов через монгольскую территорию. Что касается торговли на границе, то она велась под неусыпной опекой местных высших должностных лиц – амбаней и цзянь-цзюней и монгольское население в ней практически не участвовало. По сообщениям русских чиновников, «...китайское пограничное начальство содержит монополию в крае» и поэтому чинило всяческие препятствия попыткам русских купцов утвердиться непосредственно в Монголии⁴⁷.

Прибывшие в 1861 г. вместе с чинами русского консульства в Ургу несколько кяхтинских купцов сразу же столкнулись с активным противодействием со стороны местных чиновников. Вначале те пытались доказать незаконность их притязаний на право торговли в Монголии, подчеркивая, что «...если это не запрещается до сих пор, то лишь из любви к себе и нежелания отказывать русским властям, просившим об этом»⁴⁸. После того, как им было указано на соответствующие статьи Пекинского договора, они применили другую тактику: приказом ургинского амбана китайским торговцам, жителям города и окрестностей было запрещено сдавать русским в аренду лавки и дворы под угрозой денежных штрафов и наказания бамбуковыми палками.

Один из прибывших кяхтинских купцов, несмотря на сопротивление, сумел-таки снарядить и отправить торговый караван в Дзун-хурень. рас-

положенный в 125 верстах от Урги. Однако эта экспедиция закончилась безрезультатно, так как местные жители получили распоряжение ничего не покупать у русских.

Такое отношение к русским торговцам имело свои причины. Прежде всего, сказывались последствия проводимой в течение долгого времени политики изоляции Китая от остального мира. Даже в конце 80-х гг. XIX в. иностранцев в Китае называли не иначе, как «ян-гуй-цзы», т.е. «черт», причем это делалось не для того, чтобы оскорбить чужеземца, а потому, что «...кроме этого названия они (китайцы – А.С.) от рода не слышали и не знают другого имени для иностранца»⁴⁹.

Другой причиной являлась уже упомянутая монополия высших чиновников на торговлю с русскими. Е. Замятин, анализируя состояние торговли бийских купцов с китайцами в Чуйской долине в конце 60-х гг. XIX в., писал, что имеющийся торговый оборот в 300 тыс. руб. при существовавших условиях вряд ли увеличится, так как русские торговцы имели дело «...не непосредственно с торговыми китайскими компаниями, а с чиновниками, производившими торговлю от местных китайских властей, именно хобдинского амбана и илийского и улясутайского цзянь-цзюней, которые торгуют собственным товаром... через подчиненных китайцев, отнюдь не допуская китайским торговцам входить в какие-либо непосредственные сношения с пограничными русскими купцами». В разговоре с капитаном Генерального штаба Муромцевым улясутайский цзянь-цзюнь заявил, что у него есть в запасе столько байхового чая, что его будет достаточно для Бийска, Семипалатинска и других близлежащих городов⁵⁰.

В этих условиях русским торговцам было весьма затруднительно утвердиться на монгольском рынке без помощи правительственных органов. Поэтому в 1864 г. торгующие в Кош-Агаче бийские купцы обратились к томскому губернатору Г. Лерхе с просьбой оказать содействие в перенесении их торговли непосредственно в пределы северо-западной Монголии – округа Кобдинский и Улясутайский. Признав обоснованность их ходатайства, Лерхе санкционировал поездку в Кобдо бийского купца Гилева с двумя работниками в сопровождении штабс-капитана Генерального штаба А. Принтца, как официального представителя администрации «...с целью испытать возможность завести без формальных дипломатических переговоров торговлю с Китаем»⁵¹.

Инициатива бийских купцов получила одобрение не только местной администрации, но и высших правительственных кругов. Для исследования положения русско-монгольской торговли в Томскую губернию в 1868 г. был направлен чиновник Министерства финансов, коллежский советник Яцевич, который, побывав в Кош-Агаче, пришел к выводу, что развитие «народной русской торговли, несомненно, могло бы повести к пользе государственной интересов»⁵².

С санкции Министерства иностранных дел и Министерства финансов генерал-губернатор Западной Сибири А. Хрушов обратился к купцам приграничных городов с предложением об организации караванов в северо-западную Монголию. В качестве официального представителя российского правительства эти караваны должен был сопровождать кульджинский консул К. Павлинов. Сам К. Павлинов помимо задачи защиты интересов русских торговцев получил подробные инструкции от Министерства иностранных дел, касающиеся сбора сведений об условиях и возможностях быстрого упрочения русской торговли в северо-западных округах Монголии⁵³.

На предложение западносибирского генерал-губернатора откликнулись предприниматели Бийска и Семипалатинска, которые снарядили караваны для торговли в Кобдинском и Улясутайском округах. Бийские торговцы привезли товара на сумму 29089 руб., семипалатинские – на сумму 14535,5 руб. Ассортимент привезенных товаров был примерно одинаков: бумажные и шерстяные материи, медные и железные изделия, юфть, бакалейный и галантерейный товар. За период с 20 августа по 4 октября бийским торговцам удалось сбыть привезенного товара на сумму 15610 руб. Семипалатинские купцы за период с 19 июня по 5 октября реализовали товара на сумму 7435 руб. 44 коп.⁵⁴

Бийские купцы в 1870 г. торговали более успешно, чем семипалатинские. Сумма их ежедневной продажи составила 346 руб., тогда как у семипалатинских торговцев – только 68 руб. Такая существенная разница объяснялась тем, что наиболее ходовой товар семипалатинцы реализовали на пути в северо-западную Монголию в населенных пунктах Зайсанского приставства, а в Кобдо и Улясутай привезли остатки. Одновременно с продажей российских товаров бийские и семипалатинские купцы производили покупку монгольских продуктов. Иначе и быть не могло, так как продавать привезенный товар на деньги или серебро русские купцы не могли – у монголов не было ни того, ни другого. Поэтому в русско-монгольской торговле, особенно на начальном ее этапе, сделки носили меновой характер. В торговую операцию 1870 г. бийские торговцы выменяли монгольских товаров на сумму 10691 руб. 44 коп., а семипалатинские на 4804 руб. 69 коп.⁵⁵ В основном это были сурковые шкурки. Из указанной суммы товаров, вывезенных бийскими купцами из Монголии, 79,8 % составляли шкурки сурка, 5,5 % – другие виды пушнины, 9,1 % – верблюды и лошади, 3,3 % – серебро в слитках, 1,9 % – чай. Доля других товаров составила менее одного процента⁵⁶.

Следует сказать, что в дальнейшем семипалатинские купцы не играли большой роли в северо-западной Монголии. Комментируя данные консульства в Урге о ходе русско-монгольской торговли в 1874 г., томский губернатор писал, что «в торговле русских подданных из пределов Западной Сибири в северо-западной Монголии главное участие принимали жители Бийс-

кого округа», а «торговые обороты Семипалатинской области так незначительны, что консул не нашел нужным даже занести их в свой отчет»⁵⁷.

После восстановления в 1879 г. русского консульства в Чугучаке торговые операции семипалатинского купечества сосредоточились в основном в городах и селениях Синьцзянской провинции Западного Китая (Дорбулджине, Шихо, Манасе, Урумчи, Гучене, Хами). Через Бахтинскую таможенно-караваны семипалатинских торговцев шли в Чугучак, Кульджу, притяньшанские города, через Джаркент и Пржевальск в Кульджинский район и, отчасти в Китайский Туркестан⁵⁸. Западная Монголия по-прежнему особого интереса у предпринимателей не вызывала. «Торговое движение со стороны Семипалатинской области собственно в Западную Монголию... – сообщал М.В. Певцов, – очень незначительно и едва ли превышает 12000, много 15000 р. по привозу»⁵⁹.

Среди населения северо-западной Монголии русская торговля сразу же получила признание. Несмотря на довольно высокие цены, запрашиваемые купцами за привезенный товар, торговля шла бойко. «Здесь существует естественная потребность в русских товарах, – писал путешествовавший по северо-западной Монголии крупный русский ученый, академик В.В. Радлов, – которые, несмотря на все затруднения местности, несмотря на запрещение перехода через границу, несмотря на неправильность торговли, проложили себе путь для сбыта»⁶⁰.

Во время поездки В.В. Радлова и его спутников часто останавливали монголы и спрашивали «...едут ли купцы и просто мучили расспросами насчет того, не привезли ли мы с собою каких-нибудь товаров»⁶¹.

Представление о размерах торговли на различных участках русско-монгольской границы дает табл. 1, составленная на основе данных ежегодных отчетов российского консула в Урге.

Судя по приведенным данным, наиболее динамично развивалась торговля, производившаяся через южные границы Томской губернии, темпы роста торговых оборотов были здесь наиболее высокими. Немного уступали им темпы роста торговли по границам Енисейской губернии, на минусинском направлении. Что касается традиционного направления русско-монгольской торговли через Кяхту и по границе Забайкальской области, то здесь темпы роста были невысокими и значительно уступали бийскому и минусинскому.

Одной из причин этого было то, что кяхтинская торговля ориентировалась преимущественно на чай, шедший из внутренних провинций Китая. Торговля же собственно с Монголией для забайкальских и иркутских предпринимателей в данный период не приобрела самостоятельного значения, хотя в абсолютных цифрах не уступала бийскому направлению и превосходила минусинское. Такое положение сохранялось даже в конце XIX в. «По-

прежнему... Кяхта, – говорилось в консульском отчете за 1897 год, – стремится удержать за собой свое значение и большую часть вывозимых из Китая чаев, не рискуя своими большими капиталами для оживления нашей торговли с Монголией»⁶².

Другую картину представляла собой русская торговля в северо-западной Монголии. «Угол Кобдинский, – писал Г.Н. Потанин в 1877 г. в одном из писем Н.М. Ядринцеву, – это по отношению к Китайской империи все равно, что Якутская область по отношению к Москве – самый дальний, самый неведомый угол. Цены здесь на все высокие, кроме немногих товаров, наиболее расходящихся: «толстый» чай, сапоги. За остальное китайские купцы немилосердно дерут. Поэтому-то нигде русская торговля так не развилась, как здесь»⁶³.

Большой интерес для анализа торговли представляют данные о ввозе и вывозе (табл. 2, 3). Судя по этим цифрам, вывоз из Монголии в рассматриваемый период превышал ввоз, хотя и незначительно. По отдельным участкам русско-монгольской границы положительный баланс торговли наблюдался на бийском и отчасти Урянхайском крае. Что касается Урги, то здесь положительный баланс обуславливался особым характером производимых сделок. Привозимый сюда товар использовался прежде всего для расчетов с возчиками-монголами, доставлявшими чайные транспорты из Калгана в Ургу и из Урги в Кяхту. Торговля, осуществлявшаяся через Кяхту, имела отрицательный баланс: здесь импорт почти в 2 раза превышал экспорт.

Ассортимент русских товаров, сбываемых в Монголии в этот период, определялся характером и особенностями кочевого скотоводческого хозяйства и сложился еще до того, как русские купцы получили возможность торговать в пределах страны. На ярмарку, проходившую на границе Томской губернии в Чуйской долине, привозились мануфактурные изделия, юфть, маральи панты, медные и железные изделия, скот и так называемый мелочный товар. По свидетельству Е. Замятина, в 1869 г. в Кош-Агаче бийскими торговцами было продано: юфти – на 4500 руб., сукна цветного разного – на 27775 руб., плиса – на 14400 руб., нанки низших сортов и «образцовой» – на 8700 руб., изделий из железа и меди – на 3500 руб., лошадей – на 15000 руб., пантов – на 10000 руб., мелочного товара – на 10000 руб., всего – на 133375 руб.⁶⁴

Этот ассортимент в целом сохранился и после того, как русские купцы начали торговать непосредственно в монгольских пределах. Иркутская газета «Сибирь» в 1878 г. сообщала, что в Монголии русскими «сбывается больше всего сукно, плис, нанка, юфть, медь, железо, съестные припасы и бакалейные товары»⁶⁵.

Ограниченность ассортимента была обусловлена слабой дифференциацией хозяйственных занятий и сложившимся бытовым укладом жителей

Монголии. «Отсутствие потребностей и пристрастие к старинным видам одежды, — замечал К. Маркс в статье «Торговля в Китае», — эти препятствия цивилизованной торговле приходится встречать на всех новых рынках»⁶⁶. Разумеется, русские предприниматели, удовлетворяя существовавшие потребности, стремились сформировать спрос на новые, неизвестные в монгольском обиходе предметы и часто эти попытки были вполне успешными. Так, по примеру русских, китайцы и монголы стали широко использовать в домашнем обиходе железные печи и, по свидетельству Г.Н. Потанина, уже в 70-х гг. XIX в. такие печи имелись в доме каждого богатого китайца. Вообще, изделия из металла пользовались в Монголии устойчивым спросом в силу неразвитости здесь кузнечного дела (в Кобдо, например, имелась всего одна кузница казенного ведомства, частные заказы не принимавшая)⁶⁷.

Наряду с сугубо необходимыми для хозяйства предметами, русские ввозили в Монголию товары, которые можно считать предметами роскоши, и торговля которыми шла весьма бойко. Товар такого рода, по словам известного французского историка Ф. Броделя, «выступал как персонаж хрупкий, но блестящий и притом весьма шумный. Деньги устремлялись к нему, повиновались его велениям. Таким образом, существовал сверхспрос со своими путями перевозок и своими внезапными переменами настроения»⁶⁸. К таким товарам относились часы, бронзовые цепочки, пуговицы и пр., которые можно постоянно видеть в перечнях предметах, ввозимых в Монголию, а также весьма экзотические предметы, такие как дамские перчатки или зонты.

Значительная часть привозимых в Монголию товаров не производилась в Сибири. Это, прежде всего, относилось ко всем текстильным изделиям (за исключением тюменских «махровых» ковров), многим металлическим и мелочным товарам. Как правило, они закупались на Ирбитской ярмарке и гужевым транспортом доставлялись в города Сибири, служившие базовыми центрами русско-монгольской торговли. Большие расстояния, плохие пути сообщения значительно увеличивали транспортные и накладные расходы и существенно повышали цены на продаваемый товар в Монголии.

Ряд товаров имел сибирское происхождение. Сбываемая в значительных количествах в северо-западных округах страны выделанная кожа — юфть, изготавливалась на иркутских, барнаульских, бийских и усть-каменогорских кожевенных предприятиях. Выделанная кожа в Монголии шла на изготовление сапог, переметных сум и покрышек к седлам, так называемых «кычимов». Часть кож закупалась китайскими купцами и отправлялась в Китай.

Спички шли в Монголию с томской спичечной фабрики и с фабрики иркутского капиталиста Киселева. Из Томска в Кобдо привозилось мыло местных мыловаренных заводов.

Мука, просо и другие съестные припасы также имели сибирское происхождение и имели в Монголии хороший сбыт. Наибольшее количество этого товара шло через Кяхту, так как плохие пути сообщения в Западной Сибири препятствовали массовому вывозу продуктов питания.

Особый товар вывозимый из Сибири представляли «маральи рога» (панты), пользовавшиеся большим спросом у китайцев. Спрос на этот продукт стимулировал развитие в Горном Алтае мараловодства и в 70-х гг. XIX в. половина продаваемых в Монголии пантов шло с маральников, устроенных жителями Бийского округа Томской губернии.

Ассортимент вывоза в Россию не отличался большим разнообразием. Получив право торговать в Монголии, русские купцы сразу ощутили нехватку продуктов, пригодных для вывоза из страны. Кочевое хозяйство Монголии могло предложить предпринимателям весьма ограниченный ассортимент товаров. Во время путешествия по Монголии Г.Н. Потанину не раз приходилось выслушивать сетования торговцев по этому поводу. «Монгол и покупал бы охотно русский фабрикат, но ему нечего дать русскому купцу, – писал он⁶⁹. Справедливость купеческих жалоб подтверждалась и донесениями ургинского консула⁷⁰.

В 60–80-е гг. XIX в. одним из главных предметов вывоза русских купцов были шкурки сурка, водившегося в Монголии во множестве. В 1869 г. бийские торговцы купили 400 тыс. шкурок на сумму 100 тыс. руб., в 1874 г. – 583 тыс. шт. на сумму 78,2 тыс. руб. (что составило соответственно 56,2 и 54,4 % стоимости всего русского вывоза на бийском направлении)⁷¹. Сурковые шкурки торговцы везли на Ирбитскую ярмарку, где перепродавали иностранным, преимущественно немецким предпринимателям, которые изготавливали из них различные меховые изделия «под норку». Дешевизна шкурок в сочетании с удачно найденной лейпцигскими меховщиками технологией обработки и окраски делали сурковый мех, имитированный под норку, доступным практически для любого потребителя и этот товар пользовался популярностью во многих странах Западной Европы.

Время от времени спрос на этот мех падал, и тогда торговцы терпели существенные убытки, которые впоследствии с лихвой возмещались в силу большой разницы закупочных и продажных цен. В Монголии шкурка сурка в середине 70-х гг. XIX в. покупалась по цене от 5 до 10 коп., а продавалась в Ирбите – по 15–25 коп. (белый сурок), а иногда до 60 коп. (черный)⁷². Колебания спроса на этот товар давали самый широкий простор для спекуляций, позволяли получать крупные барыши, но, зачастую, приводили и к не менее впечатляющим убыткам.

Более стабильным товаром в отношении прибылей и убытков являлся крупный и мелкий рогатый скот. Купленный русскими торговцами, он шел, с одной стороны, в пределы России, преимущественно в Иркутскую губер-

нию, а с другой – в китайские города так называемой «новой линии» – Гучен, Баркуль и Хами. В 1874 г. на бийском направлении было выгнано из Монголии 618 голов крупного рогатого скота, 500 голов овец и 35 верблюдов⁷³. В 1877 г. в Иркутскую губернию бийские торговцы Гилев, Соколов, Поликарпов, Ошлыков и другие доставили 5450 голов крупного и 8800 голов мелкого рогатого скота. В китайский город Гучен в этом же году русские предприниматели поставили 80 лошадей, 170 быков и 2600 баранов⁷⁴.

Скупкой и перепродажей скота занимались не только бийские, но и минусинские (Веселков, Сватиков, Бяков, Сафьянов) и иркутские (Томилов, Грязин, Тешинин) купцы. Хотя торговля скотом содержала меньше неожиданностей, чем спекуляции с сурком, тем не менее, повторявшиеся время от времени в Монголии эпизоотии, порой приносили предпринимателям существенные убытки. Так, массовый падеж в Монголии скота принес бийскому скотопромышленнику Поликарпову убыток в размере 70 тыс. руб., убытки понесли и многие другие скотопромышленники⁷⁵.

Торговля важнейшим продуктом монгольского скотоводческого хозяйства – шерстью – в 60–80-е гг. XIX в. только становилась на ноги. Первые попытки вывоза шерсти из Монголии в 70-х гг. русским торговцам успеха не принесли. Несмотря на высокое качество, партия шерсти, доставленная на Ирбитскую ярмарку, была фабрикантами забракована, так как не имела надлежащего товарного вида – не была промыта и вычесана. Кроме того, монголы не имели обычая стричь овец и снимали слезавшуюся шерсть весной, когда она сама сваливалась с овец. Фабриканты такую шерсть браковали, утверждая, что «мертвая» шерсть не пригодна для изготовления качественного сукна.

Большое влияние на развитие русско-монгольских торгово-экономических отношений оказывала чайная торговля, шедшая транзитом через Монголию. Несмотря на то, что с 60-х гг. XIX в. началась доставка чая из Китая в Европу морским путем, что подорвало монополию Кяхты на доставку этого товара, сухопутная чайная торговля продолжала развиваться. В 1866 г. по азиатской границе в Россию было вывезено чая на сумму 5 млн. руб., в 1876 г. – на 13,6 млн. руб., в 1886 г. – на 31,5 млн. руб.⁷⁶ Увеличение привоза чая шло по всем участкам русско-китайской границы, в том числе и через Монголию. До подписания Пекинского договора в 1860 г. чай шел напрямую из Калгана в Кяхту, но с открытием в Урге в 1865 г. комиссионерской конторы и постройкой на окраине города чайных складов этот город стал важным транзитным пунктом на пути следования чая из Китая в Россию. Как и на других участках границы, вывоз чая через Монголию в 60–70-е гг. XIX в. существенно увеличился. С 1867 по 1880 гг. количество чая вывозимого из Китая через Монголию увеличилось более чем в 4 раза (табл. 4).

Чайная торговля играла весьма существенную роль для монгольской экономики, так как давала ощутимый заработок населению занятому транспортировкой чайных грузов. По подсчетам А.М. Позднеева, за доставку чая из Калгана в Ургу и из Урги в Кяхту монголы получали заработной платы в год до 2 млн. руб., что существенно стимулировало развитие в стране товарно-денежных отношений. Часть заработной платы выдавалась серебром, часть – кирпичным чаем, который в Монголии являлся универсальным средством платежа, наряду с серебряными слитками и русскими кредитными билетами⁷⁷.

Таким образом, 60–80-е гг. XIX в. стали важным этапом в развитии русско-монгольских связей, когда, по словам одного из русских дипломатов, «...торговля стала становиться на прочные начала»⁷⁸. Возможности для торговли в Монголии, предоставленные Пекинским (1860 г.) и С.-Петербургским (1881 г.) договорами, привлекли сюда многих предприимчивых людей. Уже в 1865 г. за пределы 50-верстной полосы выехало 3947 российских подданных, в 1868 г. в Монголии побывало 2189 человек⁷⁹.

В указанный период торговля развивалась по восходящей линии. За период с 1861 по 1886 г. ее обороты возросли в 8,3 раза и русские купцы достаточно прочно утвердились на монгольском рынке. Здесь стали складываться районы, тяготевшие в экономическом отношении к тем или иным областям Сибири. Сферы торгового влияния формировались в зависимости от путей сообщения, связывавших отдельные центры торговли с их выходами на Россию. В сферу влияния Западной Сибири входили Илийский край, тяготевший к Семипалатинску и Омску, Кобдинский район, связанный Чуйским торговым путем с городом Бийском Алтайского округа Томской губернии и западная часть Улясутайского округа, также тяготевшая к Бийску.

Влияние Восточной Сибири распространялось на восточную и северную часть Улясутайского округа, Ургинский район, Сойотию и Восточную Монголию (Баргу), тяготевшие к Кяхте и Иркутску. Северная часть Улясутайского округа и Урянхайский край были экономически связаны с Минусинским округом Енисейской губернии.

Среди сибирских городов лидирующая роль в русско-монгольской торговле принадлежала в Западной Сибири Бийску, а в Восточной – Кяхте. Купцы из Восточной Сибири сосредоточили свои торговые операции преимущественно в Урге и, по свидетельству путешествовавшего по Монголии в 1878–1879 гг. М.В. Певцова, почти не имели никаких дел внутри страны⁸⁰. Урга являлась резиденцией хутухты (хутухта – один из высших титулов ламаистских иерархов, букв. «святой», «божественный», «достопочтенный», «превосходный») и тем самым привлекала множество паломников, являвшихся потенциальными покупателями. Кроме того, через город про-

ходил караванный путь, ведущий из Калгана в Кяхту, что делало Ургу важным транзитным пунктом русско-китайской чайной торговли.

Западносибирские купцы, сделав своими опорными пунктами города северо-западной Монголии Кобдо и Улясутай, главное внимание сосредоточили на торговле в хошунах. (Хошун – административная единица в феодальной Монголии, более мелкая, чем аймак. Во главе хошуна обычно стоял наследственный правитель – хошунный князь, дзасак.) Постоянных русских торговых заведений в Кобдо и Улясутае было сравнительно немного и они, производя здесь розничную торговлю, одновременно играли роль оптовых складов, снабжавших товарами мелких и средних предпринимателей, рассеянных по кочевьям монгольских скотоводов. Такая практика обуславливала вовлечение в товарно-денежные отношения большого количества жителей северо-западной Монголии и, по наблюдениям дореволюционных путешественников и исследователей, способствовала распространению русских товаров в самых отдаленных уголках региона. «Наши мелочные торговцы, – сообщал А.П. Свечников, – довели дело до того, что во второй половине 1880 гг. по крайней мере 3/4 населения кругом Улясутая одевалось исключительно в русские бумажные ткани»⁸¹. Энергичная деятельность западносибирских торговцев в северо-западной Монголии дала основание А.М. Позднееву сделать вывод о том, что «китайцы с 1880 г. оказались не в состоянии конкурировать с русскими»⁸².

Отличительной особенностью западносибирских купцов, представленных в основном жителями Бийска и Бийского округа, было то, что подавляющее большинство их начинало коммерческую деятельность с более чем скромными капиталами. Небольшая численность китайских торговцев в северо-западной Монголии, крайне редкая сеть торговых заведений позволяло начинать здесь торговое дело буквально с несколькими десятками рублей. Многие жители Бийского округа, у которых, по словам И. Майского, «в кармане немного звенело», отправлялись в Монголию «попытать счастья» и нередко эти надежды вполне оправдывались⁸³. Если сравнивать западносибирских торговцев, работавших в Монголии, с купцами из Восточной Сибири, то их начальный капитал был значительно ниже, что заставляло предпринимателей искать более эффективные сферы и формы коммерческой деятельности, не брезговать никакими способами получения прибыли. В 70-х гг. едва освоившись в северной и северо-западной Монголии, они стали собирать сведения об условиях торговли в китайском городе Гуй-хуачене, а затем отправили туда несколько караванов с маральими пантами и верблюжьей шерстью⁸⁴. В 1877 г. бийские торговцы продали в г. Гучене 80 лошадей, 170 быков и 2600 баранов⁸⁵. После подписания договора 1881 г. их деятельность в этом направлении еще более активизировалась. В 1884 г., торговавший в Улясутае бийский коммерсант А.Д. Васенев доставил

в г. Хами товаров на 20 тыс. руб.⁸⁶, а в следующем году в г. Сучжоу был отправлен караван на 32 верблюдах купцом И.П. Котельниковым⁸⁷.

Сознавая ограниченные возможности сибирских предпринимателей, чья торговля в огромной степени зависела от поставок фабрично-заводских изделий из европейской России, правительство пыталось разными мерами подтолкнуть в Китай крупных капиталистов Центрального промышленного района и, прежде всего, текстильных фабрикантов. В феврале 1885 г. многие крупные российские фирмы получили «высочайшие» письма от члена императорской фамилии великого князя Владимира Александровича, в которых он призывал их обратить особое внимание на Китай, суля миллионные прибыли. Те же рекомендации были даны им во время встречи с купечеством во время Нижегородской ярмарки 1885 г.⁸⁸

Однако капиталисты медлили, понимая, что за китайский рынок идет борьба между крупнейшими промышленными державами мира, а сухопутная доставка российских товаров в Китай значительно повышала их стоимость, что не позволяло им на равных конкурировать с английскими и американскими изделиями, доставлявшимися морем. Тысячеверстные расстояния, отсутствие более или менее сносных путей сообщения, незнание рынка – все это не вызывало энтузиазма деловых людей, хотя они не сомневались в том, что Китай с его огромным населением и слабым промышленным развитием мог стать крупнейшим потребителем продукции русских заводов и фабрик.

Из предпринимателей европейской России на предложение правительства откликнулся только Т.С. Морозов – глава одного из крупнейших текстильных предприятий страны «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К^о», который и раньше проявлял интерес к китайскому рынку. В 1871 г. он снарядил пробный караван в китайские пределы, который прошел от Зайсана до Булунтохоя и далее через Кобдо и Улясутай в г. Гучен. Особого успеха эта экспедиция не имела из-за дунганского восстания⁸⁹. В 1873 г. представитель морозовской фирмы на Нижегородской ярмарке неоднократно встречался с семипалатинским купцом М.Г. Файзулиным, торговавшим в Западном Китае. В результате Файзулину на льготных условиях была отпущена крупная партия товара для реализации его в китайских городах Баркуле и Гучене⁹⁰. Т.С. Морозов с интересом отнесся к планам кяхтинского предпринимателя И.Н. Носкова относительно создания крупной торговой компании для организации массового сбыта в Китае российских текстильных изделий⁹¹.

Все эти обстоятельства обусловили серьезное отношение Т.С. Морозова и к обращениям правительства, и к «высочайшим» рекомендациям великого князя Владимира Александровича и он стал всерьез думать об организации крупной торговой экспедиции во Внутренний Китай. Расчеты на

успех строились на том, что «Товарищество Никольской мануфактуры» являлось одним из крупнейших текстильных предприятий в России и в середине 80-х г. XIX в. Фирма занимала третье место в России по сумме годового производства⁹². Предприятие выпускало разнообразную продукцию: хлопчатобумажные ткани, пряжу, нитки, используя при этом новейшее оборудование, высококачественный американский хлопок и эффективные иностранные красители. Морозовым удалось добиться того, что их продукция отвечала самым высоким стандартам и пользовалась устойчивым спросом у потребителей. Кроме соображений экономического порядка, Т.С. Морозов надеялся использовать и благоприятную политическую конъюнктуру, поскольку мог рассчитывать на максимальную поддержку правительства, заинтересованного в расширении экономического влияния России на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. «Так как само наше правительство весьма интересуется открытием новых рынков внутри Китая, – писал он в 1885 г., – я... готов осуществить это дело снаряжения каравана внутрь Китая», – писал он⁹³.

Не имея собственных кадров знакомых с китайским рынком и караванной торговлей, Т.С. Морозов решил привлечь к делу сибирских коммерсантов, торговавших в Монголии и Притяньшанье. В частности, он вел переговоры с бийскими купцами И.П. Котельниковым и А.Ф. Морозовым, но те, после некоторых раздумий отказались, ссылаясь на «тихую торговлю» за границей и произвол китайских властей⁹⁴. Не найдя компаньонов среди сибиряков, Т.С. Морозов заключил соглашение с крупной частоторговой фирмой «А. Губкина наследник А.Г. Кузнецов и К^о», выразившей готовность участвовать в предприятии своими капиталами. Руководить экспедицией был приглашен житель Бийска, торговавший в северо-западной Монголии, А.Д. Васенев, прекрасно знавший караванное дело и бывавший в китайских городах Гучене, Баркуле и Хами.

Ассортимент отправляемых в Китай товаров состоял из хлопчатобумажных и шерстяных тканей, медных и железных изделий и так называемого мелочного товара. Общий вес груза составил 1650 пуд, стоимость – свыше 50 тыс. руб.⁹⁵

Торговая экспедиция пробыла в Китае более двух лет, с ноября 1886 по март 1889 г. и принесла 21 тыс. руб. убытка. За это время путешественники торговали в городах Сучжоу, Ганьчжоу, Синине и Ланьчжоу провинции Ганьсу, а руководитель каравана А.Д. Васенев с образцами русских товаров посетил ряд городов провинции Шэньси, в том числе таких крупных как Сиань-фу и Хань-чжун-фу⁹⁶.

В своем отчете руководству фирмы А.Д. Васенев подробно проанализировал причины неудачи и высказал свое мнение о перспективах развития русской торговли во Внутреннем Китае. Высокие накладные расходы, не-

удачно подобранный ассортимент товаров, конкуренция китайских купцов, торговавших более дешевыми английскими и американскими тканями, нечеткое толкование прав русских торговцев в Китае – все это, по мнению руководителя каравана, явилось причиной убыточной торговли. В то же время, А.Д. Васенев считал, что русские товары в Китае могут найти себе хороший сбыт и при более продуманной постановке дела русские коммерсанты вполне могут составить конкуренцию западноевропейским предпринимателям. Он считал, что доставка российских товаров морским путем не даст ожидаемого эффекта, поскольку «все портовые города Китая наполнены иностранными товарами, а, следовательно, нужно иметь в виду сильную конкуренцию в иностранцах, торговля которых давно установилась в Китае и распространяется агентами из китайцев по всем внутренним рынкам до самой нашей границы»⁹⁷. Кроме того, согласно положениям Петербургского договора, на морскую торговлю не распространялось льготное таможенное обложение и, как резонно замечал А.Д. Васенев, если «наше правительство и добьется этого права от китайцев, то китайцы будут вынуждены распространить таковое на основании договоров и на прочих европейских»⁹⁸.

Он считал, что наиболее перспективной для русских являлась сухопутная торговля в провинциях Ганьсу и Шэньси, но только следовало изменить путь следования товаров. По его мнению, наиболее удобным был путь от Москвы до Тюмени по железной дороге, затем по реке до Семипалатинска, а оттуда гужевым способом через Чугучак и Урумчи до г.Сучжоу. В этом случае стоимость доставки пуда товара от Москвы до Сучжоу составляла примерно 5–5,5 руб. По сравнению с доставкой через Бийск – Кош-Агач – Кобдо это обходилось дешевле на 1,3–1,5 руб., и, кроме того, товар мог доставляться до места в фабричной упаковке и его не требовалось перегружать и упаковывать в конские или верблюжьи выюки.

Одной из причин, тормозивших развитие в Китае русской торговли, А.Д. Васенев считал отсутствие подходящих товаров для вывоза в Россию. «Само собой, – отмечал он, – есть, например, такие продукты как рис, опиум, листовой табак и верблюжья шерсть, конский хвост, яковые хвосты, скотские кожи и прочие произведения кустарной промышленности, однако все эти товары для нас неподходящие. Хотя многие из них... и теперь служат для англичан значительной статьей вывоза из Китая, но что выгодно для них, то для нас, при существующих путях, выходит наоборот»⁹⁹. Так же он указывал на активное противодействие китайских купцов, торговавших иностранными товарами, которые «...своими происками вредили, где могли, восстанавливая против нас как прочих покупателей, так и местных чиновников». Несмотря на это, по его мнению, «при хорошем подборе товаров и

своевременной отправке оных, и сокращении произвола местных властей, торговля может постепенно развиваться и со временем обратиться в гуртовую»¹⁰⁰.

Т.С. Морозов очень внимательно отнесся к выводам руководителя экспедиции, который во время пребывания в Китае скрупулезно собирал сведения о торговых путях, ценах на китайские и западноевропейские товары, ассортименте, о способах ведения дел местными коммерсантами.

Будучи опытным коммерсантом, Т.С. Морозов хорошо понимал, что первые шаги по освоению нового рынка почти неизбежно будут убыточны, но надеялся, что экспедиция даст необходимую информацию о конъюнктуре и условиях торговли и позволит в дальнейшем организовать массовый сбыт российских товаров. Он предложил А.Д. Васеневу возглавить следующую экспедицию в Китай, рассчитывая, что этот опыт окажется более успешным. Однако этим планам не удалось сбыться. В октябре 1889 г. Т.С. Морозов умер и, как сообщал А.Д. Васнев сотруднику дипломатической Миссии в Пекине А.С. Ваховичу, «взгляды этой фирмы относительно китайских рынков вследствие смерти Т.С. Морозова изменились, наследники решили вовсе не отправлять товаров в Китай»¹⁰¹.

Скромные результаты торговой экспедиции Т.С. Морозова и нежелание других крупных капиталистов европейской России повторять его опыт привели к тому, что «...на сухопутном экспорте из России в Китай поставлен был крепкий крест»¹⁰². Надежды правительства и предпринимательских кругов на то, что подписание Петербургского договора радикально изменит состояние торговли с Китаем, и позволит российским фабрично-заводским изделиям занять прочное место на китайском рынке не оправдались. Важнейшим последствием этого договора стало укрепление положения русских купцов в Монголии, особенно в ее северо-западной части.

Развитие торговли в 90-х гг. XIX в. — начале XX в

В 90-х гг. XIX в. русско-монгольская торговля получила дальнейшее развитие, однако в ней произошли серьезные изменения, обусловленные рядом политических и экономических причин.

В этот период наблюдается дальнейшее усиление в Китае позиций иностранного капитала, который через китайских купцов налаживает поставку в Монголию дешевых хлопчатобумажных изделий и организует закупку и отправку в китайские морские порты шерсти и другого монгольского сырья. Как отмечалось в отчете командированного в Монголию чиновника Министерства иностранных дел В.В. Долбежева, «китайские купцы ввозят в Ургу и Западную Монголию товары иностранного, английского, американского, германского и даже японского производства» и «являются негласными до-

версанными иностранных, по преимуществу английских фирм, для коих они закупают в Монголии большое количество шерсти верблюжьей и овечьей и различных шкур для отправки караванами в Тяньцзинь»¹⁰³.

Кроме этого, в связи с планами пекинского правительства по колонизации Монголии возросло противодействие русской торговле со стороны китайских чиновников, которые по свидетельству одного из сотрудников консульства: «Чтобы не допустить дальнейшего роста русской торговли и убить существующую, начали воздействовать всеми способами на монголов с целью сделать все сделки между русскими купцами и монголами невозможными без их посредства и отучить население от употребления русских товаров и изделий»¹⁰⁴.

В рассматриваемый период торговля велась по четырем основным направлениям, каждое из которых имело свои особенности. Судя по данным, приведенным в таблице 5, стоимостные показатели торговых оборотов постоянно возрастали. Так, за период с 1892 по 1911 г. общий оборот торговли через Кош-Агачскую таможенную увеличили в 14,5 раза, Зайсанскую – в 2,1 раза, в Урянхайском крае – в 4 раза.

Исключение составляла Кяхтинская таможня, где торговые обороты снизились более чем в 3 раза. Однако, как мы отмечали выше, показатели кяхтинской таможни в первую очередь отражали тенденции развития русско-китайской торговли, поскольку основным товаром, проходившим через нее, был чай. Как справедливо указывали исследователи, «вернее... будет говорить о сокращении торговых оборотов не между Россией и Монголией, а между Россией и Китаем»¹⁰⁵.

К сожалению, показать подробную динамику торговли с Монголией на кяхтинском направлении не представляется возможным, поскольку ни таможня, ни консульство регулярного учета не вели. Особенно плохо дело обстояло со сведениями, которые характеризовали торговлю на границе. В силу беспощинного режима торговли, строго поставленного учета ввоза и вывоза не было. Чины русского консульства в Урге в своих отчетах постоянно подчеркивали, что не имеют возможности «дать сколько-нибудь точную картину торговых оборотов приграничного населения Забайкальской области и Иркутской губернии с Монголией». Комментируя торговый оборот Кяхты за 1905 г., насчитывавший 1233,2 тыс. руб., консул отмечал, что «в этой сумме выразилась вся приграничная торговля в Кяхте, но какая часть приходится на долю собственно монгольского приграничного населения – судить представляется совершенно невозможным»¹⁰⁶.

Тем не менее, имеющиеся за отдельные годы сведения, свидетельствуют о том, что здесь также наблюдался рост торговых оборотов. Так, в 1900 г. обороты собственно русско-монгольской торговли через Кяхту составили 1166,2 тыс. руб., в 1906 г. – 2303,6 тыс. руб., а в 1911 г. – 4110,2 тыс. руб.¹⁰⁷.

Интерес к торговле с монголами у купцов Восточной Сибири возрос в лишь начале XX в., когда после восстания ихэтуаней и в результате пуска в эксплуатацию КВЖД, количество чайных грузов, шедших из Калгана через Ургу в Кяхту стал резко сокращаться. За период с 1900 по 1908 г. количество чая, провозимого через Кяхту, уменьшилось с 1129 тыс. пуд. до 109,9 тыс. пуд, т.е. в 10,3 раза¹⁰⁸.

Более активно торговля с монгольским населением велась на северо-западе страны, где главными ее участниками были жители г. Бийска, так называемые купцы-чуйцы.

В отличие от Кяхты, чайной торговли здесь практически не велось. Надежды, высказываемые представителями администрации и деловых кругов в 70-х гг. XIX в. об изменении пути следования чайных караванов из Китая через Западную Сибирь на Бийск и Семипалатинск оказались несостоятельными. Теоретически предполагаемый путь был короче кяхтинского более чем на 1000 верст, однако, большие расходы по доставке чая из Китая в северо-западные округа Монголии, нехватка капиталов у бийских торговцев для крупных оптовых закупок товара – все это исключало доставку чайных грузов в больших количествах. «Мы, купив чай в Улясутае, – писал бийский купец А. Д. Васенев, – не можем торговать им без убытков себе при настоящей пошлине. Мыслимо ли нам торговать без убытка, купив чай из третьих рук? Кох-хотинские или калганские китайцы выписывают чай из Ханькоу и продают его, конечно не без пользы, торговцам в Улясутае – китайцам. Эти последние, купив чай, везут его в Улясутай, конечно, не для того чтобы продать русским в убыток»¹⁰⁹.

Другой причиной, не позволявшей наладить доставку чая в Россию через северо-западную Монголию, было тогдашнее состояние путей сообщения. Доставка товаров в бийском направлении осуществлялась по Чуйскому торговому пути через Алтайские горы. В значительной своей части этот путь представлял собой горную тропу где грузы перевозились вьючным способом на верблюдах и лошадях. Такой способ доставки существенно повышал стоимость перевозимого чая и он не мог на равных конкурировать с чаем доставляемым в Россию через Кяхту. Поэтому поставки чая через северо-западную Монголию были незначительны. Так, за период с 1892 по 1907 год по Чуйскому тракту было доставлено в Россию всего лишь 44981 пудов кирпичного и байхового чая, что составляло всего 4% общей стоимости импорта на этом направлении¹¹⁰. Достаточно сказать, что даже в период упадка чайной торговли в Кяхте, в 1906 г., вывоз чая составил 109946 пуд, т.е. более чем в 2 раза превышал вывоз через Кош-Агач за 16-летний период.

Обороты торговли по Чуйскому тракту, составленные по данным таможен в Кош-Агаче, показывают устойчивую тенденцию роста товарооборота

между Западной Сибирью и Монголией. За период с 1892 по 1911 г. торговые обороты увеличились в 14,5 раз. Особенно возрос товарооборот в начале XX в., когда в 1901–1902 г. Чуйский путь был переоборудован и здесь вместо выючной тропы была построена колесная дорога.

Торговля Семипалатинского округа с Монголией осуществлялась через Зайсанскую таможенную, учрежденную в 1891 г., и включавшую, помимо собственно Зайсана, Катон-Карагайский и Алкабекский переходные пункты. Судя по данным таможенной статистики, здесь наблюдался устойчивый рост торговых оборотов. Более высокие темпы роста отмечались в 1891–1900 гг., когда торговля возросла в 2,9 раза. Затем темпы роста несколько снизились, давая в 1900–1910 г. в среднем по 4–5% годового прироста.

Следует отметить, что товарообмен через указанные таможенные посты осуществлялся не только с Монголией, но и с Западным Китаем, причем большая часть зарегистрированных товаров направлялась в Синьцзян. Как отмечали исследователи, «караваны, выходявшие из Зайсана, Алкабека и Катон-Карагая, направлялись, кроме Чугучака, в Кобдо и Улясутай (в Монголии) и в Дорбулджин, Шихо, Манас, Урумчи, Гучен и Хами (в Синьцзянской провинции)»¹¹¹. Товары, предназначавшиеся для Монголии шли преимущественно через Катон-Карагайский переходный пункт, где проходила единственная удобная дорога на Кобдо¹¹². Доля Катон-Карагая в общих оборотах Зайсанской таможни была в пределах 10–15%, опускаясь в 90-х гг. XIX в. до 6–7%, и увеличиваясь в первом десятилетии XX в. до 15–25%¹¹³.

Развитие русской торговли в Урянхайском крае имело свои особенности, заключавшиеся в том, что здесь она тесно переплеталась с другими хозяйственными занятиями. У некоторых торговля комбинировалась со скотоводством и земледелием (Вавилин, Медведев), иногда с золотопромышленностью и скотоводством (Чирков, Сафьянов, Окулов, Лесков) или с обработкой продуктов скотоводства (Сафьянов, Бяков, Сватиков).

О размахе предпринимательской деятельности русских купцов в Урянхайском крае говорят данные о хозяйстве Вавилина, который имел 173 десятины земли, на которых выращивал рожь, пшеницу, овес и занимался сенокошением. Кроме этого, у Вавилина был конный завод, маральник, мукомольная мельница и крупорушка. Общая доходность его хозяйства оценивалась в 100 тыс. руб.¹¹⁴

По сведениям Усинского пограничного начальника штабс-капитана А.Х. Чакирова, к 1911 г. в Урянхайском крае насчитывалось 19 русских поселков, 90 заимок и торговых факторий. Наиболее крупными из них были с. Туран, где было 93 двора, церковь и школа и поселок Уюк, насчитывавший 77 дворов¹¹⁵.

Основавшись в Урянхайском крае, минусинские купцы с 70-х гг. XIX в. стали выезжать с торговыми целями в Халху, преимущественно в Улясу-

тайский округ. В конце XIX в. их торговля здесь становится регулярной. По консульским данным в 1897 г. в Улясутае и округе торговало 8 купцов из Минусинска¹¹⁶. Из Урянхая в Улясутайский округ ввозились маральи рога (панты), пушнина, серебро и кредитные билеты. Из Улясутая вывозился чай и китайские материи (шелк, чесуча, далемба)¹¹⁷.

Отличительной особенностью торговых оборотов в Урянхайском крае было сохранение примерного равенства между ввозом и вывозом. Это объяснялось тем, что до начала XX в. здесь отсутствовала китайская конкуренция и дольше, чем в Монголии, сохранялась меновая торговля.

С середины 90-х гг. происходят серьезные изменения в соотношении экспорта и импорта. Начиная с середины 90-х годов, значительно возрос вывоз монгольского сырья и, прежде всего, овечьей и верблюжьей шерсти. С вводом в действие в 1896 г. участка транссибирской магистрали Челябинск – станция Обь стоимость доставки грузов понизилась и вывоз сырых продуктов из Монголии становится прибыльной операцией. В конце 90-х гг. XIX в. – начале XX в. в Монголии появляются агенты крупных российских и некоторых иностранных фирм, которые организуют покупку монгольского сырья на серебро и наличные деньги, не ввозя сюда товаров. В 1895 г. в северо-западной Монголии начала работу по скупке сурка и шерсти крупная фирма тюменского гильдии купца А.В. Колмакова¹¹⁸.

Колмаковская фирма поставила свои дела по скупке разных видов сырых продуктов на широкую ногу, закупая товар в Монголии, Бийске и Бийском уезде. В 1901 г. ее бийская контора закупила сырья на 389,5 тыс. руб., в 1907 г. – на 673 тыс. руб., а общий оборот в Бийске достигал 1 млн. руб.¹¹⁹

В 1905 г. операции по скупке сырья в Ургинском районе стала производить московская фирма Стукен и К°, в 1909 г. – Бидерман, в 1911 г. – Швецов¹²⁰.

Местное население быстро оценило преимущества продажи сырья на серебро и деньги, и система чисто меновой торговли была значительно подорвана. Для многих русских предпринимателей увеличение количества денег в хозяйстве монголов имело отрицательные последствия. Как отмечали некоторые наблюдатели, монголы, получив серебро за сырье, покупали необходимые предметы потребления у китайцев, поскольку они были дешевле, чем русские, и более отвечали их вкусам и потребностям. Хотя значения денег на монгольском рынке не следует преувеличивать. Даже в 1910-х гг. Монголия, по словам бывшего управляющего отделения Русско-Азиатского банка в Урге С.Ф. Степанова, «...представляет собой страну, где 9/10 сделок совершается без участия денег и где торговля по преимуществу меновая... В Монголии товар не только заменяет деньги, но даже в большинстве случаев является в глазах монголов ценнее денег»¹²¹.

Тем не менее, увеличение ввоза серебра и денег, а также появление на монгольском рынке значительного количества иностранной мануфактуры значительно повлияли на характер русско-монгольской торговли, которая с середины 90-х гг. XIX в. приобретает устойчивый пассивный баланс.

Структура экспорта и импорта, по сравнению с предыдущим периодом, изменилась незначительно, однако соотношение отдельных статей ввоза и вывоза, как и общий баланс русско-монгольской торговли претерпели существенные изменения. Так же, как и в 60–80-х гг. XIX в. важнейшими статьями вывоза в Монголию оставались текстильные товары, выделанные кожи, металл и металлические изделия и пр. Ввоз в Россию из Монголии состоял из пушнины, скота, сырых кож, шерсти и других сырьевых продуктов.

Чтобы проследить основные закономерности изменений структуры русско-монгольской торговли, рассмотрим важнейшие статьи русский экспорта, основываясь на официальных материалах таможенной статистики.

Данные, приведенные в табл. 6, свидетельствуют о том, что главное место в русском вывозе, как и прежде, занимали текстильные изделия (хлопчатобумажные ткани и сукно), доля которых составляла 37,5 %. В Монголии можно было встретить ткани производства Северо-Ткацкой, Даниловской, Богородско-Глуховской, Никольской мануфактур, предприятий И.В. Щукина, Э. Цинделя и др. Важнейшим контрагентом бийских купцов, например, являлось Товарищество Никольской мануфактуры Морозовых. Постоянными клиентами этой фирмы были купцы Г.Г. Бодунов, А.Д. Васенев, И.Г. Игнатьев, Я.Е. Мокин, П.М. Коршунов, К.Д. Кузнецов и др. Так, в 1901–1903, 1906 гг. Г.Г. Бодуновым было закуплено хлопчатобумажных тканей на 34,1 тыс. руб., И.Г. Игнатьевым – на 18,7 тыс. руб., фирмой Рождественского – на 18,6 тыс. руб.¹²²

На втором месте находилась юфть и выделанные кожи (32,4 %), на третьем – металл и металлические изделия (10 %). Именно эти статьи являлись основными в русском экспорте, составляя в рассматриваемый период 75–80 % всего вывоза.

Экспорт групп товаров в отдельные годы испытывал большие колебания. Для выяснения общей тенденции развития экспортной торговли произведем группировку ее основных статей по пятилетиям.

Судя по цифрам, приведенным в табл. 7, объемы основных статей экспорта за 20 лет увеличились на 23 %, однако, с течением времени, их темпы роста имели отчетливую тенденцию к снижению. Если в 1896–1900 г. вывоз в сравнении с предшествующим пятилетием увеличился на 16 %, то в 1901–1905 и 1906–1910 гг., соответственно, только на 2 и 5 %.

Снижение темпов роста было вызвано, прежде всего, абсолютным сокращением вывоза товаров, традиционно составлявших основу экспорта в Монголию – хлопчатобумажных тканей, сукна и выделанных кож.

Уменьшение вывоза текстильных изделий обуславливалось усиленной конкуренцией английских и американских тканей, которые доставлялись в Монголию китайскими купцами. По оценкам современников, иностранная мануфактура была значительно дешевле русской и лучше приспособлена к потребностям и вкусам местного населения.

Относительно причин дороговизны русских тканей по сравнению с английской и американской мануфактурой, в литературе нет единого мнения. Участник московской торговой экспедиции 1910 г. А.И. Морозов считал, что «при существующем в настоящее время тарифе один пуд товаров Москва – Урга обходится дороже, чем доставка их туда из Тяньцзиня, а потому русская мануфактура ни в коем случае не может конкурировать по цене с распространенными среди монгол китайцами американской далымбой и цунмбой»¹²³.

Томские профессора М.И. Боголепов и М.Н. Соболев в своих выводах были менее категоричны. По их расчетам, установленный в 1909 г. порядок возврата пошлины за вывоз в Монголию отечественных хлопчатобумажных тканей не только покрывал издержки по их транспортировке, но и давал остаток по 7 коп. на каждый кусок далембы¹²⁴.

Исходя из этих расчетов, Е.И. Омельченко полагал, что высокие цены на русскую мануфактуру в Монголии «...следует ставить в связь не столько с высокими тарифами и условиями экспорта, сколько с дороговизной хлопка, дороговизной фабрикации, высокими ценами продукта, вообще с условиями производства этого товара во внутренней России»¹²⁵.

Предприниматели, работавшие в Монголии, видели причину дороговизны русской мануфактуры прежде всего в повышенных аппетитах отечественных промышленников. «Дороговизну русских товаров, – считал бийский купец А.Д. Васенев, – нельзя объяснить ничем иным, как высоким процентом, налагаемым московскими фабрикантами. Как говорят, до 40%”. Китайцы, – писал он, – конец лучшей далембы продают 95 фын или 1 лан серебра, что по курсу составляет 1 р.40 к. и 1 р.50 к. Между тем, такого же качества далемба русской фабрики Саввы Морозова и Глуховской мануфактуры нами покупается в Ирбите 1 р.85 к. за кусок. То же самое можно сказать и относительно прочих сортов мануфактурного товара»¹²⁶.

Как свидетельствуют факты, жалобы купечества на высокие отпускные цены имели под собой серьезные основания. По подсчетам исследователей, цены на хлопчатобумажные ткани в России были в 3–4 раза выше, чем в западноевропейских странах¹²⁷. Московские промышленники, защищенные высокими таможенными тарифами, имели возможность устанавливать повышенные цены на свои изделия, получая высокие доходы. Так, на Никольской мануфактуре Морозовых чистая прибыль на основной капитал составляла в 1879 г. 35,5 %, что в несколько раз превышало среднюю норму прибыли английских фабрик¹²⁸.

В этой связи попытки некоторых современных исследователей подвергнуть сомнению тезис, высказывавшийся сибирскими областниками, о «мануфактурном иге Москвы», вряд ли можно считать убедительными¹²⁹.

Другой причиной вытеснения с монгольского рынка русских тканей иностранными изделиями исследователи считали более высокое качество последних. Так, молескиновый халат, сшитый из русской материи, носился одно лето, а халат, изготовленный из английской или американской далембы, 2–3 лета, причем последний обходился монголу на 20–25 % дешевле¹³⁰.

Следует отметить, что относительно качества русской мануфактуры в литературе существовало и другое мнение. Некоторые исследователи, напротив, подчеркивали низкое качество иностранных изделий сбываемых в Монголии и отмечали прочность русских тканей¹³¹.

Подобная противоречивость в оценках качества российских тканей вполне понятна. Действительно, продукция многих отечественных текстильных предприятий отвечала самым высоким международным стандартам, однако, это совершенно не означало, что в Монголию привозились ее лучшие образцы. По свидетельству М.И. Боголепова и М.Н. Соболева, «меньшая прочность русской ткани обуславливается фактом широкой продажи брака и плохих сортов второклассных фабрик»¹³². Сотрудники ургинского консульства подчеркивали, что многие предприниматели «не выражают склонности приспособиться должным образом к потребностям населения в уверенности, что местные потребители ввиду отсутствия конкуренции волей-неволей будут принуждены брать у них товар по какой угодно цене и какого угодно качества». В отчете за 1905 г., в частности, отмечалось, что русские фирмы, торгующие в Урге, «попросту выбрасывали на ургинский рынок тот товар, который не находил себе сбыта в Кяхте»¹³³.

Уменьшение экспорта юфти и выделанных кож было связано с сокращением объемов чайной торговли, т.к. значительная часть этого товара шла в Калган, где обменивалась на чай. Из русской юфти китайские ремесленники изготавливали многие предметы монгольского обихода (сапоги, покрышки к седлам, дорожные сумы и пр.) и продавали их монгольским скотоводам.

Вывоз некоторых товаров в рассматриваемый период остался практически на одном уровне (металл и металлические изделия, табак), вывоз галантереи, муки, сахара увеличился. Особенно возрос вывоз сахара. Если в 1891–1895 г. в Монголию было отправлено 2239 пуд. сахара, то в 1906–1910 г. его вывоз составил 46166 пуд, т.е. увеличился в 20,6 раза. Однако столь впечатляющий рост экспорта этого продукта был обусловлен не столько резким увеличением потребления его монголами, сколько тем, что «...сахар, спички, спирт, гильзы вывозились... с возвратом акциза и затем водворялись обратно в Россию контрабандным путем. Значительная часть населения Забайкалья пользовалась этими контрабандными товарами»¹³⁴.

Разумеется, русский экспорт не ограничивался только перечисленными группами товаров. Русские предприниматели вывозили в Монголию самые разнообразные вещи. Для примера приведем подробную роспись товаров, вывезенных через Кош-Агачскую таможню в 1909–1910 гг. (табл. 8).

Совершенно очевидно, что многие вещи, вывозимые за границу, предназначались не для продажи монгольскому населению, а для собственных нужд. «Русские купцы, – писал А.Б. Корецкий, – поставляли товары, отвечающие требованиям не монгольского рынка, а больше вкусам местной русской колонии»¹³⁵. И количество таких вещей с течением времени увеличивалось.

Распределение общего объема экспорта и отдельных его статей по участкам границы было неравномерным (табл. 9). Большая часть грузов направлялась в Монголию через Кяхтинскую таможню, доля которой в общем вывозе составляла 48,3 %. Одинаковое количество товаров шло через Зайсанскую и Кош-Агачскую таможни (по 20,8 %), однако, как мы указывали выше, большая часть экспорта через Зайсан предназначалась для Синьцзяна. Доля Урянхайского края составляла 10,1 %.

Каждое из направлений торгового движения имело свою «специализацию» в вывозе. Абсолютное преобладание Кяхты отмечалось в вывозе сукна, выделанных кож и сахара; через Зайсан более всего вывозилось хлопчатобумажных тканей; Кош-Агач удерживал первенство в вывозе муки, галантерей и металлических изделий, а Урянхайский край – в вывозе табака.

Важной отличительной особенностью данного периода развития торговли становится резкое увеличение вывоза в Монголию серебра и наличных денег. За период 1892–1907 вывоз серебра в слитках через Кош-Агачскую таможню составил 23 % стоимости всего экспорта, заняв второе место после вывоза текстильных товаров. В 1911 г. в Улясутайский округ было ввезено различных товаров на 329,5 тыс. руб., а русских кредитных билетов – на 1 млн. руб.¹³⁶ В дальнейшем тенденция роста вывоза серебра и денег становится еще более отчетливой, причем это касается не только северо-западной части Монголии, но и Ургинского округа. В 1910 г. через Кяхтинскую таможню прошло товаров на сумму 1817,4 тыс. руб., а кредитных билетов – на 2 млн. руб., в 1911 г. – соответственно, товаров – на 1465,9 тыс. руб. и наличных денег – на 4 млн. руб.¹³⁷

В структуре российского вывоза из Монголии так же произошли определенные изменения. Если в 60–80 гг. XIX в. вывозилась преимущественно пушнина и скот, то в рассматриваемый период важнейшей статьёй импорта стала овечья и верблюжья шерсть. До середины 90-х гг. XIX в. русские торговцы вывозили грязную шерсть, а затем стали устраивать в Монголии шерстомойки. Вымытая шерсть теряла 25% своего веса, что значительно облегчало ее транспортировку. Первые мойки шерсти были построены в

северо-западной Монголии купцами Ф.И. Мининым, А.Д. Васеневым, а впоследствии распространились повсеместно. К 1910 г. их насчитывалось уже не менее 100¹³⁸.

Вымытая и высушенная шерсть упаковывалась в мешки из тонкого брезента и отправлялась через Бийск, Зайсан или Кяхту, на русские суконные фабрики или за границу, преимущественно в США. За период с 1905 по 1910 г. в Америку русскими купцами было вывезено 314,4 тыс. пуд. монгольской шерсти на 1382,5 тыс. долларов (2682 тыс. руб.)¹³⁹.

С течением времени количество вывозимой шерсти постоянно возрастало (табл. 10).

Большая часть скупленной русскими купцами шерсти направлялась через Кош-Агачскую таможену в Бийск. За период с 1892 по 1908 г. по этому направлению было вывезено более 1,3 млн. пуд овечьей и верблюжьей шерсти на сумму около 9 млн. руб.¹⁴⁰

По-прежнему большую роль в вывозе из Монголии играла пушнина, прежде всего шкурки сурка. Этот товар направлялся на Ирбитскую ярмарку для продажи в страны Западной Европы, преимущественно в Германию. В конце XIX в. сюда вывозилось ежегодно от 800 тыс. до 1 млн. шкурок монгольского сурка¹⁴¹. Как отмечали исследователи, вывоз мехов из России создал в Германии «миллионные предприятия и целые местечки – Вейсенфельс, Маркранштадт, Шлейдиц и др., живущие за счет русской пушнины»¹⁴².

Торговля сурком отличалась высокой прибыльностью. По данным управляющего Кош-Агачской таможней, в начале 90-х гг. XIX в. она составляла 100%¹⁴³, а в 1902 г. органы податной инспекции определяли прибыль от продажи сурка в 40–50 %¹⁴⁴. Представление о масштабах вывоза пушнины из Монголии дает табл. 11, составленная по материалам Кош-Агачской таможни.

Значительное количество пушного товара вывозилось из Монголии и по другим направлениям. За период с 1903 по 1908 г. через Кяхту было ввезено в Россию 77 тыс. пуд. пушнины, в основном сурковых шкур. Большое количество белки, лисицы и соболя поступало из Урянхайского края¹⁴⁵. В 1907 г. стоимость добытой пушнины составила здесь 100 тыс. руб., в 1908 г. – 21,5 тыс. руб.¹⁴⁶ Через Зайсанскую таможню в Россию ввозился преимущественно каракуль и мерлушка из Синьцзяна. В 1903–1908 гг. этого товара ежегодно ввозилось в среднем 15 тыс. пуд.¹⁴⁷

Торговля пушниной приносила высокие прибыли, однако, спрос на нее был подвержен большим колебаниям. Изменчивость конъюнктуры на тот или иной вид меха в Западной Европе и отсутствие оперативных средств связи между Россией и Монголией иногда приводила к крупным убыткам. Ярким примером этого являлся так называемый сурковый кризис 1910 г.,

когда ошибки в определении потребности рынка на этот вид пушнины породили ажиотажный спрос в Монголии и предприниматели, конкурируя между собой, резко взвинтили закупочные цены. Однако их расчеты оказались ошибочными, что показали первые же сделки с сурком на Ирбитской ярмарке. В результате многие русские фирмы, потерпели очень крупные убытки. По сведениям русского консула в Кобдо и Шарасумэ М. Кузьминского, в сезон 1910–1911 г. только в северо-западной Монголии русские предприниматели потеряли на сурке не менее миллиона рублей¹⁴⁸. Среди них были известные купцы-«чуйцы» Н.И. Ассанов, А.Д. Васенев, фирма «Г.Г.Бодунов с женой и сыновьями»¹⁴⁹.

Особое место в монгольском импорте занимал скот. По сведениям московской торговой экспедиции в 1909 г. Монголия давала 10,5 % всего ввозимого в Россию крупного рогатого скота, 10,8 % лошадей, 24,9 % мелкого рогатого скота¹⁵⁰. Как отмечал тронцосавский ветеринарный врач А.П. Свечников, «монгольский скот и продукты монгольского скотоводства составляют предмет необходимого импорта для Забайкалья, Приамурского края, отчасти Иркутской губернии, а также небезынтересный и для более отдаленной от Монголии России»¹⁵¹. По его сведениям, в 1898 г. в Забайкалье и Амурскую область из Монголии было прогнано 15208 голов крупного и 60308 мелкого рогатого скота, в 1899 г., соответственно, 15060 и 76367, в 1900 г. – 17350 и 39708 голов¹⁵².

Крупными потребителями монгольского скота были Иркутск и Иркутская губерния, Кяхта, куда, по словам Г.М. Осокина, «мясной скот... исключительно поступает от монголов»¹⁵³. Через Кош-Агач и Зайсан монгольский скот поступал и в Западную Сибирь, составляя «...значительную, но точно не определенную часть, «сибирского» мяса, вывозимого из Западной Сибири в Москву, Петербург, Ригу, Виндаву, промышленные центры Урала»¹⁵⁴.

Определить точное количество поступавшего из Монголии скота довольно трудно. Некоторое представление об этом дают данные официальной статистики (табл. 12). Кроме того, по подсчетам исследователей, в Забайкальскую область в 1890–1913 гг. ежегодно поступало от 100 до 256 тыс. голов скота, в Иркутскую губернию в 1894–1913 гг. – от 30 до 105 тыс. голов¹⁵⁵.

Важной статьей русского вывоза из Монголии являлись невыделанные кожи. Во второй половине XIX в. большое количество кож шло в Кяхту для упаковки («ширки») чая при отправке его в Россию. В связи с сокращением чайного экспорта невыделанная кожа стала поступать для обработки на кожевенные предприятия в Восточной и Западной Сибири. Большинство кожевенных заводов, расположенных в приграничной полосе, полностью или частично работали на монгольском сырье. Так, уже в 60-х гг. XIX в. монгольские кожи обрабатывались на заводе купца И. Носкова в Верхнесудинском округе, Чикойском заводе Я. Немчинова и т.п. В конце 1898 г. кяхтинск-

кие купцы А.В. Швецов, Н.А. и В.Н. Молчановы, В.А. Собенников и И.И. Корнаков учредили «Товарищество Кяхтинского кожевенного производства, построив в Троицкосавском уезде крупный кожевенный завод, рассчитанный на производство 15 тыс. кож в год¹⁵⁶. Кож, поступавшие из Монголии, обрабатывались на Заречном кожевенном заводе в Бийске, принадлежавшем купчихе 1 гильдии Е.Г. Морозовой. Этот завод, построенный в 1898 г., являлся предприятием фабричного типа, имел 3 паровых котла и по тому времени считался высокотехнологичным промышленным заведением¹⁵⁷. В 1907 г. в Бийске был построен еще один кожевенный завод, принадлежавший «Бийскому торгово-промышленному товариществу», который также использовал монгольское сырье¹⁵⁸. Общее представление о вывозе невыделанных кож из Монголии в начале XX в. дает табл. 13.

По-прежнему немалое влияние на русско-монгольские экономические связи оказывала чайная торговля, хотя ее размеры постоянно сокращались. Все большее количество чая отправлялось морским, а с постройкой КВЖД и железнодорожным транспортом.

Основным торговым путем, по которому чай шел в Россию, был путь Калган – Урга – Кяхта. Другие направления чайного экспорта играли несравнимо меньшее значение. Так, вывоз чая через Зайсанскую и Кош-Агачскую таможи в 1900–1908 гг. составил лишь 0,4 % всего чайного экспорта, шедшего через Монголию. Остальной чай шел через Кяхту (табл. 14).

Сокращение сухопутной чайной торговли, отчетливо обозначившееся в 90-х гг. XIX в., вело к падению значения Кяхты как важнейшего центра торгово-экономических связей со странами Азии. Как отмечал Г.М. Осокин, «каждый новый год в жизни Кяхты и Троицкосавска заставляет все более убеждаться, что прежние времена и торговля для них прошли безвозвратно, и ждать нового возрождения не имеется оснований»¹⁵⁹. «Кяхта становится похожей на кладбище, – образно писал корреспондент газеты «Новое время» в 1910 г. – огромные комфортабельные дома особняки, утопающие в садах, где выросло не одно поколение взрощенных русско-монгольской торговлей миллионеров, брошены обитателями, стоят заколоченные и понемногу разрушаются. Караван-сарай совершенно пуст, всякая жизнь в слободе замерла»¹⁶⁰.

Кроме чая через монгольскую территорию в Россию шли и некоторые другие китайские товары, которые также включались таможенными в русско-монгольский товарооборот. К ним, прежде всего, следует отнести шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, поток которых, судя по данным таможенной статистики, постоянно возрастал (табл. 15).

Особенно наглядно выглядит привоз иностранных фабричных изделий при анализе импорта по товарным группам в соответствии с критериями, принятыми в российской таможенной статистике в 1897 г. В табл. 16 при-

водятся суммированные показатели импорта из Монголии, включающие в себя данные Зайсанской, Кош-Агачской и Кяхтинской таможен. Особый интерес представляют графы «сырые и полуобработанные материалы» и «изделия фабричные и заводские».

Сравнивая данные группы привозимых товаров, мы видим, что темпы роста импорта фабрично-заводских изделий были гораздо выше, нежели вывоз сырья. За период с 1900 по 1908 г. вывоз сырья из Монголии возрос в 4,9 раза, а ввоз фабрично-заводских изделий – почти в 62 раза.

Важно подчеркнуть, что рост импорта товаров данной группы шел как в стоимостном, так и в натуральном выражении. В 1904 г. ввоз текстильных изделий в Монголию и вывоз их из Монголии сравнялись, составив, соответственно, 18080 и 18759 пуд. После чего ввоз из Монголии превысил вывоз. В 1908 г. в Монголию прошло 17102 пуд. хлопчатобумажных, шерстяных и прочих изделий а вывезено в Россию – 45482 пуд. Из общей суммы привоза из Монголии в 1911 г. через Кош-Агачскую таможню 4292,9 тыс. руб. китайские шелковые ткани составили сумму 2921,1 тыс. руб. или 68 %¹⁶¹.

Весьма характерно, что некоторые русские купцы, ввозя в Монголию серебро и бумажные деньги, покупали на них у китайцев английскую и американскую мануфактуру, а затем обменивали ее на шерсть, пушнину, кожи и проч. Как сообщал иркутский консул Я.П. Шишмарев в секретной записке на имя иркутского генерал-губернатора А. Селиванова, торговцы в 1907 г. ввозили в Монголию «больше серебро в слитках и кредитные билеты, на которые покупают у китайцев товары и уже на них торгуют с монголами»¹⁶².

Увеличение ввоза серебра и денег, а также абсолютное сокращение экспорта российских фабричных изделий, прежде всего хлопчатобумажных тканей, свидетельствовало о том, что планы завоевания монгольского рынка, разрабатывавшиеся центральной и местной администрацией, оказывались несостоятельными. Как отмечал один из исследователей, «близость рынка и наличие выгодного договора еще не достаточно для завоевания рынка. Нужно, чтобы продукты нашей промышленности и без помощи штыка могли находить себе сбыт на дальневосточных рынках»¹⁶³.

Российская фабрично-заводская промышленность, несмотря на ее ускоренное развитие в конце XIX–начале XX в., оказывалась не в состоянии конкурировать на дальневосточных рынках с ведущими капиталистическими державами. Даже ведущая отрасль промышленности России – текстильная – по техническим параметрам уступала западноевропейской. По данным С.Ю. Витте, в хлопчатобумажной промышленности России в 1897 г. насчитывалось 6–7 млн. прядильных станков, в то время как в США – 17,2 млн., а в Великобритании – 45 млн. станков¹⁶⁴.

Относительные успехи российской торговли в Монголии в 60–80-х XIX в. обуславливались сравнительной немногочисленностью здесь китайских

купцов и отсутствием привоза в край изделий ведущих капиталистических держав. Как отмечал руководитель Российской миссии в Пекине И.Я. Коростовец, российская торговля основывалась «на отсутствии всякой конкуренции и на низком культурном уровне покупателя-азиата. Эти наши единственные преимущества в крае отходят теперь в область прошлого и если мы действительно хотим сохранить за собой среднеазиатские рынки, нам необходимо отказаться от старых приемов ведения дела и заменить их более современными средствами борьбы»¹⁶⁵.

Примечания:

1. Лигуу Б. Из истории русско-монгольских отношений в конце XIX—начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960; Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX—XX веков: История социально-экономического развития. Улан-Батор, 1963; Чимитдоржиев Ш.Б. Из истории русско-монгольской торговли в начале XX века (1903—1910 гг.) // Труды Томского университета. Томск, 1964. Т. 167: Сборник научных работ исторических кафедр. С. 85—93; Он же. Русско-монгольские торгово-экономические связи в конце XIX в. // Россия и страны Востока в середине XIX—начале XX вв. Иркутск, 1984. С. 52—60; Лүзянин С.Г. Проникновение иностранного капитала в экономику Внешней Монголии в начале XX в. и русско-монгольская торговля // Взаимодействие России со странами Востока в середине XIX—начале XX вв. Иркутск, 1982. С. 55—65; Он же. Русско-монгольские отношения 1911—1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984; Он же. Русско-монгольские торгово-экономические отношения в 1911—1917 гг. // Страны Востока в политике России в XIX—начале XX вв. Иркутск, 1986. С. 33—41 и др.
2. Омельченко Е.И. Русская торговля с Монголией в районе Южно-Сибирской магистрали // Район Южно-Сибирской железной дороги в экономическом отношении. СПб., 1913. С. 364.
3. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 19. Л. 1. 12.
4. См. ст. 4 Пекинского договора 1860 г., ст. XII Петербургского договора 1881 г., а также соответствующие статьи «Правил сухопутной торговли» 20 февраля 1862 г. и 15 апреля 1869 г. в «Сборнике договоров России с Китаем: 1689—1881 гг.». СПб., 1889. С. 162, 192, 211—216, 232.)
5. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136; АВПРИ, Ф. Консульство в Урге, Д. 1—8, 10—15, 22—23; Ф. Китайский стол, Д. 605—615; РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87; Оп. 18. Д. 222, 252.
6. РГИА, Ф. 23, Оп. 18, Д. 252; ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 54, 59, 94, 111, 124, 127, 143, 154, 201.
7. Томские губернские ведомости. 1876. № 38; Сибирь. 1878. № 12, 13, и др.
8. Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1871. Т. 2; Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 1 и др.
9. Статистические сведения относительно внешней торговли России с Китаем через Кяхту за 1875—1894 год. СПб., 1910; РГИА, Ф. 20, Оп. 15, Д. 357.
10. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.
11. РГИА, Ф. 23, Оп. 25, Д. 87, Л. 36.
12. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1, Д. 1. Т. III. Л. 82.
13. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. С. 109.
14. РГИА, Ф. 23, Оп. 18. Д. 222, Л. 41.
15. ПФ ИВ РАН, Ф. 44, Оп. 1, Д. 138. Л. 3.

16. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 3212. Л. 186–187.
17. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 138. Л. 3.
18. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Т. I. Л. 35.
19. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 4.
20. Дворецкий Е.В. Статистика внешней торговли // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 354.
21. ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.
22. Дворецкий Е.В. Указ. соч. С. 354.
23. См.: ПСЗ III. Т. XVIII. № 15601.
24. ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 54. Л. 8.
25. Там же. Л. 7.
26. ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 9, 17, 54, 59, 111, 124, 143, 154, 201, 208.
27. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 222. Л. 42.
28. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 44, 70, 559, 560, 561.
29. Там же. Д. 1118–1120.
30. ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 138. Л. 162.
31. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 222. Л. 42.
32. ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 21. Л. 28.
33. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 576. Л. 115.
34. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 48, 49. (Подсчет – А.С.).
35. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 10.
36. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 576. Л. 114.
37. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 76. Л. 14.
38. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. М., 1990. - Т.2: (1725–1727). С. 46–47.
39. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. С. 102.
40. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 19.
41. РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 8.
42. Дацышен В.Г. Начало торговли минусинских купцов с Урянхайским краем и ее характер // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1991. Ч. II. С. 68–69.
43. Родевич В. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисей). Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. СПб., 1910. Вып. XXIV. С. 71; ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 92.
44. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1883. Вып. III. С. 126.
45. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 19.
46. Единархова Н.Е. Русские купцы в Монголии // Восток. 1996, № 1. С. 77.
47. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 12; РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 55.
48. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.
49. Васенев А. Дневник, веденный на пути от Ланьжоу-фу и до Сиань-фу и Хань-чжун-фу и обратно (28 июля–4 октября 1888 г.) // Записки ВСОРГО по общей географии. Иркутск, 1890. Т. I. Вып. I: Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. С. 15–16.
50. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 12, 13.
51. РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 55.
52. Там же. Л. 21.
53. Там же. Л. 69, 85.
54. Там же. Л. 201, 203.
55. Там же. Л. 201, 203.
56. Там же.

57. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 100.
58. Н.К. Исторический очерк торговли с Западным Китаем и Западной Монголией через Семипалатинский край // Наше хозяйство. Семипалатинск, 1926. № 4. С. 22.
59. Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1883. Кн. V. С. 225.
60. Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1971. Кн. II. С. 609.
61. Там же. С. 623.
62. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 576. Л. 114.
63. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3. С. 76.
64. ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 15.
65. Сибирь. 1878. № 12.
66. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 565.
67. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии... С. 94.
68. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 167.
69. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии... С. 94.
70. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 10.
71. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 15, 41; Томские губернские ведомости. 1876, № 38.
72. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии... С. 90.
73. Томские губернские ведомости. 1876, № 38.
74. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии... С. 91.
75. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 138. Л. 3.
76. Субботин А.Д. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892. С. 617–618.
77. ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 18.
78. Там же. Д. 37. Л. 3.
79. Чингитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 119.
80. Певцов М.В. Очерк путешествия... С. 225.
81. Свечников А.П. Русские в Монголии: наблюдения и выводы. СПб., 1912. С. 24.
82. Позднесв А.М. Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. СПб., 1896. Т.1: Дневник и маршрут 1892 года. С. 216.
83. Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 203.
84. Певцов М.В. Очерк путешествия... С. 225.
85. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии... С. 91.
86. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. СПб., 1913. Отд. II. С. 74.
87. ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 208. Л. 61.
88. Там же. Л. 24.
89. Н.К. Исторический очерк ... С. 11.
90. ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Л. 6, 12, 21.
91. Носков И. О мерах к поддержанию русокой торговли внутри Китая. СПб., 1875. С. 4–5.
92. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 8.
93. ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 208. Л. 2.
94. Там же. Л. 1.
95. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 3212. Л. 48.
96. Подробнее см.: Старцев А.В. Торговая экспедиция в Китай московской фирмы Морозовых (1886–1889 гг.) // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 1994. С. 41–64.

97. ЦХАФ АК. Ф. 71. Оп. 1, Д. 1. Л. 192.
98. Там же. Л. 192–193.
99. Там же. Л. 194.
100. Там же. Л. 195.
101. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 3212. Л. 237.
102. Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1913 г. СПб., 1913. Отд. II. С. 75.
103. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. Л. 44.
104. ЦХАФ АК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 53–54.
105. Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 202.
106. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. Л. 36.
107. РГИА. Ф. 23. Оп. 18, Д. 252. Л. 33, 38; Оп. 25. Д. 87. Л. 7, 60–62; Черных А.В. Торговые связи Монголии и Восточной Сибири. Иркутск, 1926. С. 31.
108. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 48–49.
109. ЦХАФ АК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 255.
110. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 42–43. (Подсчет – А.С.).
111. Н.К. Исторический очерк... С. 22.
112. Касымбаев Ж.К. Семипалатинский таможенный округ в системе торговли России с империей Цин в 90-е гг. XIX в. // XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1987. Ч. II. С. 186.
113. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 87. Л. 20, 26, 32. (Подсчет – А.С.)
114. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX–начало XX в. М., 1956. С. 523–524.
115. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 95.
116. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 576. Л. 115.
117. Родевич В. Очерк Урянхайского края. С. 73.
118. ЦХАФ АК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 225.
119. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX–начала XX в. Томск, 1975. С. 241.
120. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. Л. 36; Майский И. Современная Монголия... С. 206.
121. Свечников А.П. Русские в Монголии: наблюдения и выводы. СПб., 1912. С. 80, 83.
122. ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 2. Д. 194. Л. 5–6.
123. Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912. С. 277.
124. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 382.
125. Омельченко Е.И. Русская торговля с Монголией в районе Южно-Сибирской магистрали // Район Южно-Сибирской железной дороги в экономическом отношении. СПб., 1913. С. 355.
126. Сибирский купец А.Д. Васенев.. Барнаул, 1994 Ч. II. Документы и письма. С. 87–88.
127. Радциг А.А. Хлопчатобумажная промышленность России. СПб., 1891. С. 25.
128. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 168.
129. См.: Гальских Е.В. Текстильный рынок Западной Сибири во второй половине XIX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. С. 20.
130. Черных А.В. Торговые связи Монголии и Восточной Сибири. Иркутск, 1926. С. 37.
131. Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912. С. 277; Свечников А.П. Русские в Монголии: наблюдения и выводы. СПб., 1912. С. 23.
132. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Указ. соч. С. 254.
133. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. С. 32, 53.
134. Черных А.В. Указ. соч. С. 39.
135. Корецкий А.Б. Торговый Восток и СССР. М., 1925. С. 82.
136. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 478. Л. 125.

137. Там же. Л. 112; Д. 879. Л. 12.
138. Единархова Н.Е. Русские купцы в Монголии. // Восток. 1996, № 1. С. 82.
139. Омельченко Е.И. Указ. соч. С. 360.
140. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 42–43; Маньковский В. Исторический опыт развития торговых сношений с Китаем по Чуйскому тракту и современное положение этой торговли // Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. С. 107–110. (Подсчет – А.С.)
141. Вестник финансов, промышленности и торговли: 1899. СПб., 1899. Т.1. № 12. С. 580.
142. Полферов Я.Я. Продукты охотничьего промысла и их значение в товарообмене России с границей. (Пушнина. Битая дичь.) Пг., 1916. С. 29.
143. ЦХАФ АК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
144. ГАТО. Ф. 196. Оп. 6. Д. 6. Л. 20.
145. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 48–49.
146. Родевич В. Указ. соч. С. 167.
147. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 24–25, 30–31, 36–37.
148. ЦХАФ АК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.
149. Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 206. Л. 234–301. (Выборка – А.С.)
150. Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912. С. 12.
151. Свечников А.П. Скотоводство северо-восточной Монголии и скотопромышленность на границе ее с Забайкальем // Известия ИРГО. СПб., 1902. Т. XXXVIII. Вып. IV. С. 474.
152. Там же. С. 475.
153. Осокин. Г.М. Московия на Востоке // Русский разлив. М., 1996. Т. 2. С. 133.
154. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–начале XX веков. Иркутск, 1994. С.31.
155. Там же. С. 27.
156. Там же. С.36–37.
157. ЦХАФ АК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 452. Л. 416–417.
158. Там же. Ф. 174. Оп. 1. Д. 418. Л. 4.
159. Осокин Г.М. Указ. соч. С. 124.
160. Новое время. 1910, 5 окт.
161. ЦХАФ АК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 58–59.
162. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 576. Л. 241.
163. Лайнер С. Краткий очерк развития русско-монгольских торговых сношений // Музей товароведения Киевского коммерческого института. Киев, 1915. Вып. V. С. 88.
164. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству, великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. // Урал. Свердловск, 1991, № 11. С. 113.
165. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 138.

Обороты русско-монгольской торговли в 60-80-е гг. XIX в., тыс. руб.

Год	Кяхта и окрестности	Урга	Урянхайский край	Бийский округ Томской губ.	Граница с Восточной Монголией	Всего
1865	190,1	118,0	38,7	82,0	377,2	806,0
1866	187,2	154,5	31,3	80,0	279,7	732,7
1867	211,6	145,9	58,7	107,5	214,8	738,5
1868	163,7	134,8	51,2	121,5	84,0	555,2
1869	189,8	303,3	197,9	140,0	161,9	992,9
1870	173,4	54,3	178,9	115,0	73,6	595,2
1870	173,4	54,3	178,9	115,0	73,6	595,2
1871	173,5	69,5	100,8	190,6	22,2	556,6
1872	227,0	134,4	122,4	318,1	80,9	882,8
1873	275,2	129,4	117,6	292,1	153,6	967,9
1874	252,0	129,8	143,0	287,8	201,6	1014,2
1875	249,2	105,1	157,8	404,1	103,1	1019,3
1876	182,3	64,5	92,8	385,8	118,8	884,2
1877	182,8	85,3	129,6	380,9	66,7	845,3
1878	187,4	117,0	149,2	274,7	102,1	830,4
1879	193,1	98,6	125,2	267,0	33,1	717,0
1880	205,3	142,2	156,4	360,0	121,2	985,1
1881	239,7	124,7	234,4	528,6	120,0	1247,4
1882	282,5	162,8	263,0	610,0	112,9	1431,2
1883	282,1	193,1	359,3	700,0	118,7	1653,2
1884	309,6	163,5	260,1	800,0	93,0	1626,2
1885	303,4	338,3	140,0	820,0	90,0	1691,7
1886	323,6	167,4	432,0	786,0	110,0	1819,0
Итого	4984,5	3136,0	3540,3	8051,7	2839,1	22552,0

Источник: ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 8-16; РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. Л. 40-41; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 576. Л. 17-18.

Обороты русско-монгольской торговли в 60-80-х гг. XIX в., тыс. руб.

Год	Ввоз в Монголию		Вывоз из Монголии		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1861	147,0	67,4	71,1	32,6	218,1	100
1862	155,1	46,6	177,5	53,4	332,6	100
1863	189,8	47,6	208,8	52,4	398,6	100
1864	232,5	33,4	463,7	66,6	696,2	100
1865	325,3	40,4	480,7	59,6	806,0	100
1866	345,3	47,1	387,4	52,9	732,7	100
1867	384,4	52,1	354,1	47,9	738,5	100
1868	253,7	45,7	301,5	54,3	555,2	100
1869	417,6	42,1	575,3	57,9	992,9	100
1870	257,8	43,3	337,4	56,7	595,2	100
1871	275,3	49,5	281,3	50,5	556,6	100
1872	377,7	42,8	505,1	57,2	882,8	100
1873	431,7	44,6	536,2	55,4	967,9	100
1874	495,9	48,9	518,3	51,1	1014,2	100
1875	490,7	48,1	528,6	51,9	1019,3	100
1876	417,6	49,5	426,6	50,5	844,2	100
1877	406,3	48,1	439,0	51,9	845,3	100
1878	414,1	49,9	416,3	50,1	830,4	100
1879	358,3	50,0	358,7	50,0	717,0	100
1880	508,1	51,6	477,0	48,4	985,1	100
1881	624,9	50,1	622,5	49,9	1247,4	100
1882	773,1	54,0	658,1	46,0	1431,2	100
1883	866,3	52,4	786,9	47,6	1653,2	100
1884	833,2	51,2	793,0	48,8	1626,2	100
1885	859,7	50,8	832,0	49,2	1691,7	100
1886	949,5	52,2	869,5	47,8	1819,0	100

Источник: ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 8-16; РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. Л. 40-41; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 576. Л. 17-18.

Распределение стоимости вывоза и ввоза по участкам русско-монгольской границы в 1861–1886 гг., тыс. руб.

Участок границы	Ввоз в Монголию		Вывоз из Монголии		Общий оборот	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Кяхта и окрестности	1962,4	35,8	3511,6	64,2	5474,0	100
Урга	2557,5	63,5	1469,2	36,5	4026,7	100
Граница с Восточной Монголией	1396,0	45,2	1693,4	54,8	3089,4	100
Урянхайский край	1816,6	51,0	1740,1	49,0	3556,7	
Бийский округ Томской губернии	4058,4	50,4	3993,3	49,6	8051,7	100
Итого:	11790,9	48,7	12407,6	51,3	24198,5	100

Источник: ПФ ИВ РАН. Ф. 44, Оп. 1. Д. 136. Л. 8 - 16; РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. Л. 40 - 41; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 576. Л. 17 - 18.

Таблица 4

Транзит русских чаев через Монголию в 60-80-е гг. XIX в.

Год	Мест чая байхового	Мест чая кирпичного	Всего
1867	20444	53267	73716
1868	17301	44977	62278
1869	16250	36807	53057
1870	34101	44466	78567
1871	26952	54126	81078
1872	42547	98329	140876
1873	63729	72130	135859
1874	55806	94424	150230
1875	44893	136718	181611
1876	63462	125978	189440
1877	74556	93667	168223
1878	89869	121930	211799
1879	113793	101671	215464
1880	130658	184595	315253
1881	85763	144257	230028
1882	77701	118165	195866
1883	110073	144058	254131
1884	110036	143841	253877
1885	112000	169390	281390

Исходные данные: ПФ ИВ АН, Ф. 44. Оп. 1, Д. 136. Л. 17.

Обороты русско-монгольской торговли в 1891-1911 гг. (тыс. руб.)

Год	Кяхта			Кош-Агач			Урянхайский край			Зайсан		
	Экспорт	Импорт	Всего	Экспорт	Импорт	Всего	Экспорт	Импорт	Всего	Экспорт	Импорт	Всего
1891	1548.5	12622.8	14171.3	83.5	138.9	222.4*	98.2	101.3	199.5	84.4	181.6	266.0
1892	1422.4	13279.7	14702.1	174.6	163.3	337.9	77.3	81.8	159.1	296.6	268.2	564.8
1893	951.6	12378.6	13330.2	212.9	189.3	402.2	64.8	77.8	142.6	347.4	354.3	701.7
1894	731.3	13542.9	14274.2	229.7	270.9	500.6	58.3	56.7	115.0	437.0	417.0	854.0
1900	594.2	14479.5	15073.7	373.4	552.3	925.7	118.1	122.4	240.5	453.8	325.8	779.6
1901	212.2	4209.2	4421.4	413.8	920.9	1334.7	130.8	142.6	273.4	372.9	76.2	449.1
1902	752.2	6413.0	7165.2	576.2	1168.4	1744.6	141.8	147.1	288.9	512.8	383.5	896.3
1903	748.2	8482.4	9230.6	496.4	1188.1	1684.5	146.9	161.1	308.0	561.4	446.8	1008.2
1904	677.5	4882.6	5560.1	294.4	1364.3	1658.7	156.1	159.3	315.4	510.7	516.6	1027.3
1905	1239.0	6923.0	8162.0	436.9	1540.9	1977.8	151.1	175.3	326.4	474.4	558.2	1032.6
1906	1591.7	7691.6	9283.3	550.0	1204.6	1754.6	157.0	238.5	395.5	688.4	713.8	1402.2
1907	746.6	6351.1	7097.7	563.5	1595.8	2159.3	306.9	206.4	513.3	775.6	882.9	1658.5
1908	556.4	5004.3	5560.7	363.7	1511.5	1875.2	218.5	224.6	443.1	800.7	866.4	1667.1
1909	627.2	5787.3	6414.5	764.8	1843.3	2608.1	455.5	594.4	1049.9	553.6		553.6
1910	805.4	4233.6	5039.0	776.0	4021.9	4797.9	450.6	485.1	935.7	554.9	712.5	1267.4

*За период с 11 июля 1891 г. по 1 января 1892 г.

Источники: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 20-21, 26-27, 32-33, 38-39, 44-45; АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 478. Л. 128-131; Наше хозяйство. Сб. № 4. Семипалатинск, 1926, С. 16; Черных А. В. Торговые связи Монголии и Восточной Сибири. Иркутск, 1926. С. 31; Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX - начало XX в.). М., 1956. С. 505.

Основные статьи русского экспорта в Монголию в 1891-1910 гг. (пуд.)

Год	Число тонн	Сукно	Муха	Сахар	Галантерея	Металл и металлургические изделия	Кофты и выделанная кожа	Табак	Всего
1891	8074	7014	2217	836	13	1649	28087	2998	50888
1892	12822	152	8193	161	70	4848	20484	2428	49158
1893	14461	3886	564	199	210	5259	22987	2743	50309
1894	16673	2338	733	437	241	3945	7550	382	32299
1895	23430	761	1493	606	309	5346	13231	1008	46184
1896	21243	557	1114	424	269	4410	12803	825	41645
1897	18069	1436	514	131	311	3674	14294	1008	39437
1898	16590	2192	2067	228	416	6803	37797	1269	67362
1899	19689	2013	1738	720	430	7796	37309	1377	71072
1900	18291	879	2098	426	7	5709	16670	1363	45443
1901	14776	597	3798	2125	715	3889	5740	1456	33096
1902	30175	351	2420	1788	1051	6244	8568	1800	52397
1903	26840	768	2947	13832	1535	6199	10284	1608	64113
1904	17684	396	3368	11189	526	5694	22892	2891	64640
1905	24094	492	1646	3187	592	5315	18755	1697	55777
1906	28405	1195	8344	5618	1178	6387	34931	1983	88041
1907	22002	695	8828	9989	1420	7347	11922	965	63168
1908	16735	367	14991	16030	1421	6443	9392	2142	67521
1909	14012	193	12044	13270	662	2785	2835	2142	47943
1910	1672	158	23570	1259	1209	4185	1622	184	13859
Итого	365737	26439	82687	82455	12585	103927	338253	32269	1044352

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252, Л. 22 - 23, 28 - 29, 34 - 35, 40 - 41, 46 - 47; Боголюбов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 251, 261 - 269, 271 - 272, 274 - 275.

Динамика русского экспорта в Монголию в 1891-1910 гг. (пуд).

Год	Хлопчатобумажные ткани	Сукно	Мухомор	Сахар	Галантерея	Металлы и металлические изделия	Кожа и выделанная кожа	Табак	Всего
1891-1895	75460	14151	13200	2239	843	21047	92339	9559	228838
1896-1900	93882	7077	7531	1929	1433	28392	118873	5842	264959
1901-1905	113569	2603	14179	32121	4419	27341	66339	9452	270023
1906-1910	82826	2608	47777	46166	5890	27147	60702	7416	280532
Итого	365737	26439	82687	82455	12585	103927	338253	32269	1044352

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252, Л. 22 - 23, 28 - 29, 34 - 35, 40 - 41, 46 - 47; Боголюбов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 251, 261 - 269, 271 - 272, 274 - 275 (подсчет - А.С.)

Вывоз товаров в Монголию через Кош-Агачскую таможню в 1909-1910 гг.

Наименование	1909 год		1910 год	
товара	пуд.	руб.	пуд.	руб.
1	2	3	4	5
Мука-крупчатка	2699	7389	1489	4103
Мука пшеничная	308	322	169	350
Мука ржаная	11	15	7	5
Просо	606	1113	799	2050
Овес	134	208	400	847
Сухари	399	940	442	1667
Сахар	183	1443	169	1714
Сахар со сложением акциза	-	-	794	4764
Конфеты	109	2202	38	663
Пряники	26	261	161	2015
Вина виноградные	34	250	61	1105
Вино хлебное	6	60	-	-
Мясо соленое	4	20	-	-
Сельди	51	600	-	-
Хмель	7	11	-	-
Уксусная эссенция	1	40	-	-
Отруби	3	2	-	-
Масло деревянное	4	30	-	-
Сода	5 ф.	6	-	-
Табак листовой	54	319	152	1231
Табак крошеный	18	324	27	919
Свечи стеариновые	60	729	77	1154
Керосин	67	360	62	339
Клей	4	22	2	84
Спички	206	2083	46	965
Спички со сложением акциза	427	2800	200	1200
Мыло простое	29	144	73	763
Мыло туалетное	1	50	-	-
Аптекарский товар	8	208	-	-
Юфть	630	26136	978	43639
Рога марала	1	400	-	-
Обувь кожаная	38	990	25	1418
Шляпы	2	70	-	-
Ткань бумажная с премией	104	5010	86	4112
Ткань крашенная с премией	669	35738	479	25100
Плис с премией	92	7610	54	3065
Ткань бумажная без премии	367	15939	621	25062
Плис без премии	21	1348	24	1121
Сукно	136	5227	64	2390
Нитки суровые	2	37	7	200
Пряжа бумажная	8	130	-	-
Белье	5	40	-	-

1	2	3	4	5
Сукно	136	5227	64	2390
Нитки суровые	2	37	7	200
Пряжа бумажная	8	130	-	-
Белье	5	40	-	-
Платки бумажные	5 ф.	6	-	-
Ковры	33	615	1	60
Холст	996	9643	1499	12818
Мешки холщовые	277	3174	167	1720
Брезент	25	275	37	483
Клеенка	4	33	14	416
Веревки	424	2046	529	3098
Галантерея	478	9085	946	26150
Гильзы папиросные	5	110	12	167
Бумага писчая	18	145	42	580
Стекло листовое	10	30	22	152
Посуда эмалированная	60	1178	214	3521
Зеркала	3	150	-	-
Шкатулки деревянные	52	367	63	753
Точила	2	8	2	5
Кремни	4	33	-	-
Машинки швейные	6	220	4	160
Часы карманные	4	1500	-	-
Лекарства	5	75	-	-
Железные изделия	701	4995	2473	10594
Железо листовое	94	423	267	1492
Жестяные изделия	41	328	25	205
Чугунные изделия	288	2989	346	1574
Стальные изделия	2	30	12	198
Медные изделия	83	1562	119	3434
Проволока железная	3	47	45	245
Гвозди подковные	1	20	9	75
Сита проволочные	1	4	4	60
Фонари	2	40	-	-
Краски	2	86	2	34
Трубки зрительные	30 ф.	50	2	200
Латунь	16	490	-	-
Струя кабарговая	2	800	1	700
Картины	2	500	-	-
Мех для кузницы	1	17	-	-
Олифа	3	19	2	20
Серебро	-	150765	391	376372
Гвозди проволочные	-	-	192	1707
Ложки деревянные	-	-	1	7
Перо птичье	-	-	1	22

1	2	3	4	5
Мазь колесная	-	-	1	8
Скобяной товар	-	-	1	25
Часы стенные	-	-	6	540
Орехи	-	-	33	179
Яйца куриные	-	-	9	23
Посуда деревянная	-	-	4	20
Проволока оцинкованная	-	-	1	5
Обои бумажные	-	-	8	60
Мед	-	-	1	30
Варенье	-	-	1	10
Доски к весам	-	-	2	2
Посуда фарфоровая	-	-	63	870
Соль	-	-	3	6
Гири	-	-	23	105
Сушки	-	-	40	271
Табак нюхательный	-	-	23	236
Парусина	-	-	134	2250
Лак масляный	-	-	5	82
Скипидар	-	-	3	40
Медь	-	-	9	80
Топоры	-	-	40	214
Сталь	-	-	3	15
Книги конторские	-	-	9	208
Гвозди кованые	-	-	31	315
Мясорубки	-	-	1	10
Железо сортовое	-	-	51	272
Железный лом	-	-	4	26
Охра	-	-	2	14
Седла	-	-	3	60
Лошади (шт.)	-	-	143	11400
Стулья венские	-	-	1	9
Тес лиственничный	-	-	110	150
Посуда железная	-	-	28	216
Смола древесная	-	-	2	2
Известь	-	-	2	4
Посуда жестяная	-	-	4	72
Мишура	-	-	10	600
Галоши резиновые	-	-	2	100
Итого:	-	312559	-	598004

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 149-151.

Т а б л и ц а 9
Распределение основных статей русского экспорта по участкам границы в 1891-1910 гг. (пуд.)

	Каш-Агачская таможня		Зайсанская таможня		Урянхайский край		Каптинская таможня		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Х б ткани	62490	17.1	153738	42.0	21835	6.0	127674	34.9	365737	100
Сукно	5957	22.6	1170	4.4	1911	7.2	17401	65.8	26439	100
Мука	33648	40.7	11671	14.1	30751	37.2	6617	8.0	82687	100
Сахар	7311	8.9	856	1.0	210	0.3	74078	89.8	82455	100
Галантерея	11137	88.5	218	1.7	1230	9.8	-	-	12585	100
Металл и изделия из него	60509	58.2	19829	19.1	19812	19.1	3777	3.6	103927	100
Выделанная кожа	31879	9.4	21653	6.4	11758	3.5	272963	80.7	338253	100
Табак	3998	12.4	8408	26.1	17799	55.2	2064	6.3	32269	100
Всего:	216929	20.8	217543	20.8	105306	10.1	504574	48.3	10044352	100

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 22 - 23, 28 - 29, 34 - 35, 40 - 41, 46 - 47; Боголенов МИ., Соболев М.Н.
Очерки русско-монгольской торговли. Томск. 1911. С. 251, 261 - 269, 271 - 272, 274 - 275 (подсчет - А.С.)

Таблица 10

Привоз из Монголии овечьей и верблюжьей шерсти (пуд.)

Год	Кош-Агачская таможня	Зайсанская таможня	Урянхайский край	Кяхтинская таможня	Всего
1904	140610	16516	2409	12858	172393
1905	137603	17008	3778	17374	175763
1906	111161	30280	2110	24695	168246
1907	133718	23858	1830	38794	198200
1908	122304	17084	2745	53070	195203

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 24–25, 30–31, 36–37, 42–43, 48–49.

Таблица 11

Привоз пушнины из Монголии через Кош-Агачскую таможню.

Год	Вывезено пушнины		В том числе сурка		Доля пушнины от всего вывоза (%)
	Пуд.	Тыс. руб.	Пуд.	Тыс. руб.	
1892	6466	64,1	6325	46,1	39,2
1893	7162	76,6	7027	67,7	40,5
1894	8676	95,6	8486	83,5	35,2
1895	12886	181	12796	173,2	43,6
1896	14884	192,2	14727	185,5	34,2
1897	10913	118,9	10754	112	18,6
1898	11738	140,1	11595	133,8	24,3
1899	13613	205,7	13363	191,4	34,9
1900	6267	148,6	6076	133,7	26,9
1901	17280	410,8	17027	401,7	44,6
1902	13740	321,9	13604	314,4	27,6
1903	8187	231,6	8074	222	19,5
1904	9708	215,2	9572	209,9	15,8
1905	9719	344,2	9529	330,4	22,3
1906	5742	214	5680	209,4	17,8
1907	9183	400,9	9117	392,7	25,1

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 38; Маньковский В. Указ. соч. С. 107–110.

Таблица 12

Пригон скота из Монголии (голов)

Год	Кош-Агачская таможня	Зайсанская таможня	Урянсайский край
1897	714	33793	7103
1898	600	56340	2561
1899	150	50269	-
1900	669	46932	-
1901	431	-	28024
1902	-	49748	40457
1903	25672	51563	55861
1904	30945	59989	54531
1905	5648	36244	51614
1906	4615	40992	44312
1907	6036	62583	49605
1908	7939	54479	51293

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252, Л. 24 - 25, 30 - 31, 36 - 37, 42 об. 43;
Маньковский В. Указ. соч. С. 107 - 110; Дулов В.И. Указ. соч. С. 336; Черных
А.В. Указ. соч., С. 20.

Таблица 13

Вывоз из Монголии невыделанных кож (пуд.)

Год	Кош-Агачская таможня	Зайсанская таможня	Урянсайский край	Кяхтинская таможня
1904	3911	19484	2819	344
1905	1951	30064	-	228
1906	1957	10609	2885	1782
1907	2136	15013	9151	10894
1908	455	13554	10339	5268

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252, Л. 24-25, 30-31, 36-37, 42-43, 48-
49; Маньковский В. Указ. соч. С. 107-110; Дулов В.И. Указ. соч. С. 528;

Таблица 14

Транзит чайных грузов через Монголию в начале XX в. (пуд.)

Год	Кош-Агачская таможня	Зайсанская таможня	Кяхтинская таможня
1900	2293	401	1128967
1901	1838	80	349842
1902	1137	99	701563
1903	1066	107	684939
1904	2459	415	432940
1905	640	121	445203
1906	13	26	393379
1907	773	586	263332
1908	2685	2036	109946

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252, Л. 24–25, 30–31, 36–37, 42–43, 48–49.

Таблица 15

Привоз из Монголии шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей (пуд.)

Год	Кош-Агачская таможня	Зайсанская таможня	Кяхтинская таможня
1901	924	1236	2
1902	647	6774	9
1903	483	7380	10568
1904	406	6809	11544
1905	353	7965	23107
1906	452	7861	20781
1907	888	11122	22779
1908	746	8994	35742

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252, Л. 24–25, 30–31, 36–37, 42–43, 48–49.

Вывоз из Монголии в Россию по товарным группам, тыс. руб.

Год	Животные припасы	Сырье и полуобработанные материалы	Животные	Изделия фабричные и заводские	Всего
1900	14526,2	656,1	134,5	40,7	15357,5
1901	4233,1	955,9	2,9	14,4	5206,3
1902	6462,5	1290,9	154,1	57,4	7964,9
1903	6728	1788,8	290,1	1310,2	10117,1
1904	3613,6	1730,7	330,5	1088,8	6763,6
1905	4732,4	2209,1	139,7	1940,9	9022,1
1906	4819,4	2518,9	154,8	2116,7	9609,8
1907	3489,6	2938,5	226,2	2168,5	8822,8
1908	1372,8	3240,2	247,8	2521,3	7382,1

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 21, 27, 33, 39, 45. (Подсчет – А.С.)

Зиновьев В.П.

Торговый обмен Сибири и Центральной Азии в начале XX в.

В конце XVI в. юг Западной Сибири являлся окраиной тюркского мира, находившейся в пределах доступности бухарских торговых караванов. В обмен на сибирские меха предлагался товар китайского производства – ткани, посуда, украшения. Предметом караванной торговли всегда был товар дорогой, компактный и небольшой по весу. Караваны шли от ставки к ставке кочевых владык, пользуясь их охраной и покровительством, оплачивая эту услугу подарками – пошлинами той поры. Крайней точкой путешествий был Искер – зимняя ставка сибирских ханов.

С приходом русских в Сибирь, бухарские купцы получили право торговать беспошлинно¹, ибо связь с Русью была ненадежной, снабжение же гарнизонов и населения промышленными товарами было необходимо. Затем с бухарских купцов стали брать в пошлину десятую часть товара, а позднее – двадцатую часть и продавать ее в пользу казны. Приход каравана был событием. Так, с 1639 по 1674 гг., по сведениям О.Н. Вилкова, в Тобольск пришли 38 бухарских караванов. С 1674 г. по 1700 г. в Тару, где стала браться пошлина, пришли 9 караванов. Чаще же они стали приходить к Ямышевской крепости, где и продавали свой товар².

Среднеазиатские торговцы, получая от русского правительства льготы, оседали в Сибири, получив название юрточных бухарцев. К концу XVII в. их числилось в Тарском и Тюменском уездах 113 дворов, а в 1812 г. – в Томской губернии 131 душа мужского пола, в Тобольской губернии – 3249 душ³. Юрточные бухарцы торговали в Сибири, Средней Азии, Джунгарии, Китае, Алтышаре, Казани, Астрахани, Уфе. Русские и европейские ткани (сукна и холсты), сибирские меха они меняли на бухарские, яркендские, арабские, китайские шелка, льняные и хлопчатобумажные ткани, бараньи шкуры. Именно бухарцы стали проводниками, толмачами русских посольств в Китай и Среднюю Азию, оценщиками товаров на Ямышевском торге⁴.

О торговле того времени дает представление запись в таможенной книге Тары за 1674/75 г., опубликованной под редакцией Д.Я.Резуна: “Октября в 25 ден приехал на Тару ис калмыцких улусов от Пейзана тайши тобольские юртовские бухарцы Сейдяш Кулмаматов, Малайко Салиев, Юзупко Мирбакиев, Ишметко Алиев, Рыско Тимофеев, да тарские юртовские бухарцы Авлахманко Тохтин, Бешметко Кулаев, Боянко Тохтин, Аптюшко Маметелеев да приезжие бухарцы корованный голова Тосмамат Тосмаматов, Балаванко Бахтурасов, Балтыкучак Хайшимов, Чюмейко Неурусов, Кутлунк Долдобаянов, Бабашичко Шихов, Засотко Досаив, Зминко Бахмаматов, Мулло-мидимко Муллоаврамнов, Хочейко Пириячиев, Атайко Курбанов, Авейко Устаказымов, Авеско Тосмаматев, Канчилдейко Туляков, Дюрсунко Мамыширипов, Сюнчко Тозакиев, мулло Кулбуно Муллобалтыев... всего у них в привозе всякого их китайского товару поголовно сто восемьдесят три камки малые руки, девят тысяч пят сот сорок концов китаек, четыреста полукушачей бумажных, четырнадцать шуб заячих, черевик, один пуд травы чаю, шездесят мерлушек бараних...”⁵

Далее товар, судя по записям в таможенной книге, бухарцы везли в Томск, Тобольск и далее на Ирбит. Из Тобольска на Тару и Ямышевскую крепость они возвращались с русскими товарами (тканями и мехами). Русифицированные имена торговцев не скрывают их разные корни – монгольские, тюркские, иранские, что свидетельствует об их джунгарском, бухарском, кашгарском происхождении. Некоторые из них обрусели, другие остались мусульманами и влились в формирующийся этнос сибирских татар. Наиболее известными из сибирских купцов бухарского происхождения являются тарские предприниматели Айтыкины, приехавшие в Искер еще в XVI в. С возникновением Тары они осели в бухарской слободе города, стали купцами в конце XVIII в. Айтыкины приложили немало усилий для организации караванной торговли с Кокандом. В 1828 г. они проложили новый путь на Ташкент короче прежнего на 500 верст, что позволяло купцам обернуться за год. К концу XIX в. Айтыкины торговали в Таре, Павлодаре, Семипала-

тинске, Чугучаке и Кульдже. В 1894 г. в Таре действовали 4 торговых дела Айтыкиных – Насэтина Ниясовича, Паталлы Харалинаковича, Абдула Маметовича и Абдул Мамета Аvasовича. Наиболее известен из Айтыкиных Абдулла Фатаях (1819–1891 гг.) – первогильдеец, потомственный почетный гражданин, торговец и промышленник⁶.

В первой половине XVIII в. торговое значение Тары упало после строительства Омской крепости и переноса Сибирского тракта в ее сторону. Некоторое время торговля с Джунгарией еще шла через Тару, однако позднее это место заняли более южные города – Семипалатинск, Усть-Каменогорск и Ямышевская крепость.

Объем торговли через Ямышевскую и Семипалатинскую таможи вырос к 1728 г. до 12233 руб. по привозу и до 18413 руб. по вывозу. Русский товар, продаваемый тарскими и тобольскими купцами, состоял из металлических изделий, сукна, выделанных кож. Товар, шедший из Джунгарии и Степи, состоял из китайских тканей, скота, лошадей, мехов, сырых кож. Оборот Ямышевской ярмарки в 1770-х гг. достиг по привозу до 8 тыс. руб., по отпуску – до 5,5 тыс. руб. К концу XVIII в. роль Ямышевской ярмарки стала падать из-за конкуренции Омска, Петропавловска, Троицка, Оренбурга, Семипалатинска⁷.

К этому времени изменился и сам характер обмена, и торговые партнеры. Вместо исчезнувшей Джунгарии главным покупателем стала казахская степь. Изменению направления торговли способствовала и политика китайских властей, запретивших своим подданным торговлю с Россией. Посредниками в торговле с Китаем стали те же казахи, от имени которых русскими купцами велся обмен товарами в Чугучаке и Кульдже. Теперь купцов привлекали не дорогие китайские ткани, посуда и украшения, а более прозаичные продукты животноводства – шкуры, щетина, меха, сало, а также рыба и соль. Среднеазиатские купцы оставили прежний путь через Джунгарию и стали направлять караваны через казахскую степь на Семипалатинск и Петропавловск. Они везли продукцию среднеазиатских ремесленников – ткани, войлок, одеяла, орехи, сухие фрукты, специи. Теперь их именovali всех ташкентцами⁸.

Русская торговля в Кашгарии и Коканде оказалась в начале XIX в. невыгодной из-за больших расходов на содержание и охрану караванов и конкуренции местных кустарных изделий. Большее развитие получила торговля с Западным Китаем, где семипалатинские и петропавловские торговцы меняли юфть, плис, сукна на байховые и кирпичные чаи, дабу, которые затем продавали в степи, причем контрабандно. С открытием в 1851 г. русских консульств в Чугучаке и Кульдже торговые обороты увеличились в пять раз: в Чугучаке до 2,5 млн. руб. и до 300 тыс. руб. в Кульдже.

Однако эта торговля уже уступала степной. Так, в Семипалатинской области в 1860 г. в киргизскую степь было продано русских товаров на 516 тыс. руб., в Кульджу и Чугучак – на 110 тыс. руб., в Ташкент – на 80 тыс. руб. Данные эти явно занижены. Торговля со степью поощрялась. Пошлины на киргизский товар отменялись неоднократно, в том числе в 1831 г. – на кожи и сало, в 1835 г. – на ввозимый в степь хлеб. В 1845 г. последовало разрешение купцам на меновой торг в степи. В 1868 г. торговля в казахских степях стала производиться на общих для империи основаниях⁹.

Из новых городов, основанных в степи, заметное торговое значение приобрел Акмолинск, ставший ярмарочным пунктом между Ташкентом и Петропавловском и центром степной торговли. В конкурентной борьбе русские и татарские торговцы вытеснили ташкентцев, хотя еще в начале XX в. их еще было много в городах степных областей. Русские купцы были оптовиками, а “посредниками при этой торговле всегда были сибирские татары, так как русское купечество боялось внедряться в степь по незнанию языка и быта киргиз, а также из опасения быть ограбленными, что тогда было нередко”. Наряду с сибирскими татарами (вероятно из бухарцев), роль посредников в степной торговле выполняли казаки из станиц Иртышской и Горькой линий. Они получали неплохие барыши, так как казахские товары шли по низким ценам, а русские – по высоким. К концу же XIX в. из-за конкуренции торговцев цены выравнивались, появились торговые посредники и среди самих казахов. В обзоре губернии составители его писали об этом так: “Сильно подорвало меновую торговлю и то обстоятельство, что между самими киргизами развилось много так называемых ”алып-сатаров” (скупщики перепродавцы), которые, разъезжая по степи с мануфактурными и другими товарами, частью выменивают у своих собратьев сырье, а частью скупают и потом снова перепродают его русским купцам, получая при этом известный процент”¹⁰.

С усмирением степи, стали вновь расти обороты торговли с городами Средней Азии – Бухарой, Ташкентом, Кокандом. В 1869 г. петропавловские купцы отправили в Туркестан товару на 4,5 млн. руб. и приобрели азиатских товаров на 3,5 млн. руб.¹¹

Параллельно развивался обмен с Монголией через древние пути по долинам Чуи и Бухтармы. С скромная по масштабам в конце XVIII в., торговля через Чуйскую тропу выросла к середине XIX в. до 400 тыс. руб. в год, оставаясь “как дело домашнее”, то есть контрабандное.

В 1864 г. с разрешения томского губернатора Г.Г. Лерхе торг через Кош-Агач в Чуйской долине стал официально признанным. Сбыт русских фабричных товаров в Кобдо и Улясутае был обеспеченным. Здесь же находил спрос и сибирский товар – панты, спички, мыло, крупы, мука. Монголы

предлагали преимущественно шкуры сурков и скот. Пушнина шла в Ирбит, а затем – в Германию, где на сурчину был большой спрос. К началу XX в. главным товаром на Чуйском тракте стал скот. Оборот торговли достиг 3 млн. руб.¹² Монгольские и казахские степи стали играть в начале XX в. роль источника сырья для российской промышленности и рынка сбыта для ее фабрикатов. Известный российский предприниматель А.И. Лепарский отмечал в 1914 г., что Монголия с ее 20 млн. голов крупного рогатого скота, 25 млн. лошадей, 12 млн. верблюдов и 75 млн. овец и коз является мясным резервуаром для России, потому что ресурсы Сибири из-за молочной направленности скотоводства ограничены. Вывоз же мяса из Сибири уже занял половину столичного рынка¹³. В “сибирском” мясе была большая доля монгольского скота, еще более значительная – казахского. Количество скота в Степном генерал-губернаторстве было невелико по сравнению с Монголией. В начале XX в. по данным областных статкомитетов в Семипалатинской, Семиреченской и Акмолинской областях насчитывалось около 200 тыс. верблюдов, 2,6 млн. лошадей, 2,5 млн. голов крупного рогатого скота, 5 млн. овец и около 125 тыс. свиней¹⁴.

О структуре и объеме торгового обмена Сибири и Степного края в конце XIX–начале XX в. можно судить по сведениям официальной статистики, опубликованным в сибирских торгово-промышленных календарях, ежегодниках и обзорах областей. Эти сведения, собираемые полицией, как правило, занижены. Оценки состояния торговли в обзорах областей повторяются из года в год, однако крупные сдвиги в объеме и характере торгового обмена местная статистика так, или иначе фиксировала. По крайней мере, можно проследить основные тенденции в развитии торговли, установить ассортимент товаров, главных участников обмена.

В наиболее южной Семиреченской области, включавшей современные Киргизию и юго-восточную часть Казахстана, общий объем торговли рос такими темпами: 1894 г. – 2,4 млн. руб., 1900 г. – 8,8 млн. руб., 1912 г. – 18 млн. руб. Таким образом, объем товарооборота в области вырос в 7,5 раза. По сведениям же обзора области за 1909 г. в ней насчитывалось 7352 торговых заведения с оборотом в 45,7 млн. руб.

В обзоре области процесс торговли в наиболее развитом Верненском уезде описан так: “К половине ноября в отдаленные от города киргизские волости этого уезда приезжают из Петропавловска доверенные от тамошних купцов, торгующие по свидетельствам на развозной торг, и привозят с собою русские мануфактурные товары низших и в небольшом количестве средних сортов: ситцы, сукна, бязь, коленкор, плис, также черную и красную юфть, железные и чугунные изделия и пр. В то же время из Сыр-Дарьинской и Ферганской областей приезжают торговцы-сарты с азиатскими изделиями: дабой разных сортов, халатами, шальями, шелковыми материями

ми, парчой и т.д. Торговля ведется всю зиму в обмен на скот: лошадей, баранов и верблюдов и шкуры домашних и диких животных. Весною вымененный товар собирается, а к половине апреля до наступления жаров торговцы отправляются с ним обратно: татары – прямым путем западнее Балхаша в Петропавловск, а сарты – в туркестанские города.

По тем же дорогам направляются скот и сырье, вымененные в Пишпекском уезде. Товары для обмена доставляют крупные торговцы, которые закупают их на Ирбитской ярмарке и отправляют чрез Акмолинск прямой дорогой около Балхаша на Пишпек; более мелкие торговцы в Токмаке и Пишпекке скупают у них товары и отправляют со своими приказчиками в горные киргизские волости, где торговля ведется описанным образом. Так же проходит меновая торговля и в других уездах области”¹⁵.

Весной и летом основной торг в области совершался на ярмарках. В конце XIX в. было пять основных ярмарок, главными из которых были Каркаринская в Джаркентском уезде, которая шла в марте-апреле с оборотом в 400–500 тыс. руб. и Алмалинская в Копальском уезде в июле с оборотом в 550 тыс. руб. В начале XX в. ярмарок стало 11 с оборотом всего в 700 тыс. руб. Ярмарки вытеснялись торговыми заведениями для скупки сырья, открываемыми фирмами Европейской России в населенных пунктах и в степи. Статистика указала на 1909 г. 314 таких закупочных заведений с оборотом в 4113 тыс. руб. Последняя цифра намного ниже реальной¹⁶.

Сами казахи редко участвовали в организации торговли. По кочевьям развозной торговлей занимались татары и сарты, по селениям – русские, нанимавшие специальных приказчиков со знанием языка и обычаев покупателей¹⁷.

В Семипалатинской области торговая статистика была столь же ненадежна, как и в Семиреченской. Здесь учитывались только обороты ярмарочной торговли. Они росли. В 1894 г. их оценивали в 3 млн. руб., в 1900 г. – 2,9 млн. руб., в 1908 г. – 4,1 млн. руб., в 1912 г. – 5,3 млн. руб.¹⁸

Характер торговли в области оценивался как “обмен местного сырья на фабрично-заводские произведения Азиатской России”. Основным предметом вывоза были “очень значительные количества скота, так и разных продуктов киргизского скотоводческого хозяйства: волоса не в деле, невыделанных кож, шерсти всякого рода, овчины, масла, сала и т.п.” Важной статьей вывоза области были самосадочная озерная соль, рыба, подсолнечное семя, мед, бахчевые. В начале XX в. важнейшим предметом вывоза стал хлеб Бельгагачской степи. Основными пунктами торговли являлись Павлодар и Семипалатинск. Акционерное общество Семипалатинских паровых мельниц Плещеевых, Мусина, Красильникова, Москвина стало одним из крупнейших производителей муки и хлеботорговцев в Сибири. При капитале в 1800 тыс. руб., общество имело две мельницы в Семипалатинске,

одну – близ Омска, часть зерна оно перерабатывало на месте, а часть – вывозило до Тюмени на пароходах и далее по железной дороге в европейскую Россию и за границу¹⁹.

Как и в Семиреченской области, семипалатинская торговля существовала в трех видах – постоянная (лавочная и магазинная) в городах и русских селах, периодическая (на 29 объявленных ярмарках) и развозная (меновая).

Низшим звеном торговли была развозная. Авторы статистического обзора области писали об этом: "Меновая торговля находится в руках торговцев, разъезжающих по степи с небольшими запасами разных товаров, необходимых в киргизском быту, в обмен на эти товары торговцы берут как скот, так и продукты киргизского скотоводческого хозяйства: сало, шерсть, кожи и проч. Все это продается затем в городах, главным образом, перекупщикам, которые, в свою очередь, сбывают купленное на русских и даже зарубежных рынках. Меновая торговля очень выгодна, потому что в степи конкуренция совершенно отсутствует и торговцы назначают за свои товары высокую цену, которая еще более увеличивается вследствие низкой оценки идущих в обмен киргизских предметов. В такой торговле единицей обмена служит баран"²⁰. Различались баран первого года – "тохта" и баран годовалый – "сэк".

Наиболее важной формой обмена в области оставались ярмарки. Из 29 официально утвержденных ярмарок действовали ежегодно до 20 в городах и станицах. Наиболее крупной являлась летняя Ботовская близ урочища Куянды Каркаралинского уезда на Павлодарском тракте. На ней было продано товаров в 1900 г. на 1,6 млн. руб., в 1908 г. – на 2,1 млн. руб., в 1912 г. – на 3,7 млн. руб. Из других ярмарок можно выделить весенние Чарскую в урочище Карамола Семипалатинского уезда (480 тыс. руб. оборота и Никольскую в г. Зайсан (106 тыс. руб.), осенние Покровскую в станице Баян-Аул Павлодарского уезда (200 тыс. руб.), Иоанно-Златоустовскую в ст. Песчаной Павлодарского уезда (170 тыс. руб.), зимние Екатерининскую в пос. Семиярском Семипалатинского уезда (205 тыс. руб.), Никольскую в ст. Алтайской Усть-Каменогорского уезда (180 тыс. руб.). Прочие ярмарки имели оборот в несколько десятков тыс. руб.²¹

Анализ ассортимента товаров, проданных на ярмарках, показывает, что фабричные изделия покрывали их оборот едва треть, так в 1900 г. – 980 тыс. руб. из 2,9 млн. руб. Товары из Ташкента (азиатские) составляли 1,7 % оборота (48 тыс. руб.), хлеб – 2,4 % (84 тыс. руб.), металлоизделия – 1,8 % (52 тыс. руб.), остальные 17826 тыс. руб. – продукты скотоводства. Если учесть, что все другие товары шли в обмен на продукцию кочевников, то легко можно определить, что чистый доход степи составил на семипалатинских ярмарках в 1900 г. – 562 тыс. руб., в 1908 г. – 2413 тыс. руб. из 4 135 тыс. руб. ярмарочного оборота²².

Аналогичная ситуация наблюдалась и в наиболее развитой экономической Акмолинской области. Основными здесь были весенне-летние ярмарки, организуемые для сбыта скота и продуктов скотоводства.

Таблица 1.

Ярмарки Акмолинской области 1894–1914 гг.²³

Годы	Кол-во ярмарок	Оборот, млн. руб.
1894	40	10,5
1900	60	20
1909	105	90
1912	200	19
1914	74	25,5

Судя по приведенным в таблице данным официальной статистики, обороты ярмарочной торговли в области росли до 1908 г., затем стали снижаться. Точность этих сведений сомнительна, однако об основных тенденциях в торговом обороте они свидетельствовать могут. Явно, что пик ярмарочной формы торговли в области был достигнут в первое десятилетие XX в., а затем она стала вытесняться другими формами товарообмена. Так, в 1914 г. оборот ярмарок был, по нашим подсчетам, не более 25,5 млн. руб., а оборот торговых заведений – 49,7 млн. руб.

Сбыт скота составлял до 70 % оборота ярмарок, фабричные товары – 20 %, остальные 10 % приходились на изделия сибирских предприятий и кустарей и на среднеазиатские товары (халаты, одеяла, вату, бумажные и шелковые ткани, сухофрукты, рис, фисташки). Чистая прибыль степи тратилась затем на закупку товаров в сибирских городах. Крупнейшими ярмарками Акмолинской области были Константиновская в Акмолинске, Петровская в Атбасаре и Таинчикульская в 110 км. от Петропавловска. Их общий оборот равнялся 8 млн. руб. В начале XX в. к ним прибавились Воздвиженская ярмарка в г. Кокчетаве, Ильинская в с. Мариинском, Семеновская в ст. Новорыбинской Петропавловского уезда. Эти ярмарки венчали весенне-летнюю торговлю в Степи.

В начале XX в. самым большим торгом Степного края была Константиновская ярмарка, которая проходила обычно с 10 июня по 4 июля с объемом торгов до 4 млн. руб. Однако ее сроки могли сдвигаться в зависимости от состояния скота после зимовки и весеннего нагула. Составители обзора области так описывают эту ярмарку: “Движение скота с юга на север начинается с конца апреля и к последним числам мая площадь треугольника, образуемого рр. Нуры и Ишима и границу Каркаралинского уезда (около 40000 кв. в.) бывает покрыта стадами овец, табунами лошадей и каравана-

ми верблюдов с вьюками сырых животных продуктов поступающими из Семиреченской области и южных волостей Акмолинского уезда. С другой стороны, Акмолинская ярмарка имеет немалое значение и для городских торговцев: киргизы, продав свой скот и его продукты, на вырученные деньги закупают для себя в городе все необходимое почти на целый год, т.е. до следующей ярмарки. Сосредоточивая в себе много торговцев с большими капиталами и привлекая на летнюю ярмарку покупателей из российских губерний, г. Акмолинск служит пунктом сконцентрирования произведений южной степи и передачи их в руки крупных торговцев”.

Петровская ярмарка в Атбасаре шедшая в те же сроки, что и Константиновская, привлекала торговцев из Тобольской губернии, Бухары, с Урала. Ее обороты выросли с 432 тыс. руб. в 1880 г. до 2 млн. руб. в 1894 г. Основным ее товаром были бараны. Петровская и Константиновская ярмарки собирали скот с громадного пространства Семиреченской, Семипалатинской, части Сыр-Дарьинской и Акмолинской областей, где ярмарки проходили раньше. Здесь “формируются партии крупного и мелкого скота и транспорты скотоводческого сырья для отправления или непосредственно в пределы Оренбургского края, или же, через местных перекупщиков, на третью летнюю ярмарку – Таинчикульскую” – сообщается в обзоре области.

Позднее других ярмарок (1–15 июля) проходила Таинчикульская в районе пресных озер. Хотя ее значение резко упало, по сравнению с XIX в., ее обороты достигали до 1 млн. руб. В 1870-х гг. на ней продавалось до 1 млн. голов разного скота, в 1881 г. – 200 тыс. голов, в 1894 г. – 122 тыс. голов²⁴. Значительные партии скота стали идти мимо Таинчикульской ярмарки через Тургайскую область на Урал и Саратов.

Скот вытоптал луга, замутил озера, обрушил их берега. Место стало неудобным для проведения ярмарки, но здесь продолжали собираться торговцы из Петропавловска, Кургана, Шадринска, Туркестана, Бухары. На среднеазиатских купцов падало до десятой части оборота. Купленный скот частью шел на переработку на многочисленных заводах Петропавловска, Омска, Кургана, Тюмени, частью шел в Европейскую Россию по железной дороге.

В 1914 г. в область завозили скот из Китая, Семиреченской, Семипалатинской областей, Тобольской и Томской губерний. Всего поступило 50505 голов крупного рогатого скота, 87376 овец, 2629 лошадей, 174343 скотских кож и 779547 овечьих шкур. В области и за ее пределами было закуплено на 29 млн. руб. скота и продуктов скотоводства, в т.ч. 42898 лошадей, 274111 голов крупного рогатого скота, 245726 коз и овец. Вывезла область в 1914 г. скота на 24 млн. руб., в т.ч. 3998 лошадей, 94439 голов крупного рогатого скота и 95735 овец и коз. Скот шел в основном в Санкт-Петербург (57978 голов), овцы – в Оренбург (66766 голов). С 1914 г. много скота стало идти на

армейскую солонину. Больше всего скота продали в 1911 г. – 160786 голов крупного рогатого скота, 219899 овец и коз и 12163 лошади²⁵. Средняя цена лошади составила 55 руб., быка – 80 руб., овцы – 6 руб., козы – 4 руб., верблюда – 75 руб.

Помимо летних ярмарок, проходили также осенне-зимние, меньшие по масштабам, имеющие местное значение. На них происходил обмен казахов идущих на зимовку и казацких станиц. Наиболее известны ярмарки Знаменская в ст. Атбасарской, Покровская в ст. Кокчетавской, Казанская в ст. Зерендинской, Александровская в ст. Арык-Балыкской, Богородице-рождественская в пос. Новорыбинском, Никольская в ст. Пресновской, Крестовоздвиженская и Христорождественская в ст. Никольской, Иоанновская в ст. Черлаковской, Введенская в Омске. Их оборот составлял от 200 до 600 тыс. руб. каждой²⁶.

Таким образом, в пределах Российской империи Сибирь активно участвовала в товарообороте Великой степи. В пределы влияния торговых центров Западной Сибири входило Степное генерал-губернаторство. Эта же территория административно входила в Западно-Сибирскую горную область, Томский округ путей сообщения, Западно-Сибирское акцизное управление, Сибирский учебный округ, центром которых был Томск. Она была интегрирована в Сибирь административно и экономически. В составе Сибири она отражалась в статистике Российской империи.

Тургайская и Уральская области, земли бывшего Кокандского ханства, Хива, Бухара и территории туркменских племен были сориентированы на Европейскую Россию. Проведение железных дорог лишь укрепили эту ориентацию. Из 17,5 млн. пуд. товаров, отправленных в Россию из Сыр-Дарьинской области, в Сибирь ушло всего 47 тыс. пуд. (0,3 %). Это – мануфактура, шерсть, овчины, кошма и войлок, рис, фрукты, в основном же аральская рыба – 30 тыс. пуд. Из Сибири в Сыр-Дарьинскую область было отправлено в 1912 г. 4,5 тыс. пуд. товаров, в т.ч. мануфактура 1572 пуд., выделанные кожи – 1173 пуд., чай – 1576 пуд²⁷.

Обмен Сибири с Монголией и Синьцзяном был подчинен той же формуле, что и торговля с казахской степью: фабричные изделия – на продукты животноводства и скот. Заграничная торговля в начале XX в. продолжала вестись через Семипалатинскую и Семиреченскую области. Сохранившиеся данные свидетельствуют о постоянном росте торговли и неизменности ее ассортимента²⁸.

В Семипалатинской обл. пограничная торговля велась в сравнительно небольших размерах через переходные пункты Котон-Карагай, Алкабек и Зайсанскую таможенную. За границу шли лес, хлеб, рыба, табак, чай, сахар, металлические изделия, ткани, серебро, обратно – скот (50 % ввоза), войлок, ковры, волос, кожи, фрукты, шерсть.

Торговля Степного края с Монголией и Китаем в 1894–1912 гг., тыс. руб.

Годы	Семипалатинская обл.			Семиреченская обл.		
	Вывоз	Ввоз	Оборот	Вывоз	Ввоз	Оборот
1894	437,2	413,8	851,0	2289,0	2671,6	5160,5
1900	400,4	39,9	740,3	2396,3	4547,7	6944,0
1908	806,1	895,8	1702,0	4300,0	5280,0	9580,0
1912	673,8	758,0	1431,8	5780,2	7322,3	13102,5

В Семиреченской области масштабы пограничной торговли были на порядок выше. Основными пунктами ее были Кульджа и Чугучак. Ассортимент был тем же, что и в Семипалатинской области. Больше проходили только контрабандного байхового чая. Обмен шел через три таможи – Бахтинскую, Джаркентскую и Пржевальскую. Действовали два пути – колесная дорога Хоргос – Кульджа и выючная тропа Нарын – Кашгар.

Можно сделать вывод, что Казахская степь, Синьцзян и Западная Монголия составляли единый рынок сырья и сбыта фабрикатов для промышленности России. Роль сибирских капиталов в этой торговле заключалась в посредничестве. В городах Западной Сибири и Степном крае действовал несколько крупных фирм, скупавших и перерабатывавших продукцию скотоводства и зерно. В Бийске – это купцы-чуйцы. В Семипалатинске – купец 1 гильдии Артемий Иванович Деров, имевший предприятия торговые заведения в г. Верном, Семипалатинске, Павлодаре, Каркаралинске; ташкентский 1 гильдии купец Никита Иванович Пугасов, имевший винокуренный завод, торговавший разными товарами в Верном, Лепсинске, Пржевальске, Джаркенте; семипалатинские купцы Семен и Прокоп Федоровичи Плещеевы, торговый дом которых совместно с купцом 1 гильдии Алексеем Васильевичем Москвиным имел мельницы, пивоваренные винокуренный заводы, торговые заведения, пароходство. Они основали в 1908 г. Акционерное общество Семипалатинских мельниц, торговали в нем и скупали хлеб на Алтае, в Омске, Семипалатинске, Зайсане; тарские купцы Айтыкины, торговавшие в Таре, Павлодаре, Чугучаке и Кульдже. Большое влияние в Степном крае имела сибирско-уральская семья купцов Поповых, имевшая каменноугольные копи, рудники²⁹.

В начале XX в. в сибирских городах утвердилась торговля азиатскими товарами, под которыми имелись в виду сушеные и свежие фрукты, орехи, шелковые ткани, ковры, одеяла, войлок. Первоначально торговцы освоились в Петропавловске, Омске, Павлодаре, Семипалатинске, Усть-Каменогорске. Затем, с постройкой железной дороги, им стали доступны рынки Тобольска, Тюмени, Томска, Бийска, Барнаула, Ишима, Каинска, Краснойярска, Кургана, Новониколаевска, Иркутска, Черемхова, Читы, Верхнеудинска.

ка. В 1914 г. из 111 магазинов в названных городах, торговавших фруктами и азиатскими товарами, 85 принадлежали торговцам с тюркскими фамилиями³⁰.

Из сказанного можно сделать вывод, что с XVI в. по начало XX в. торговом обмене Сибири и Средней Азии произошли существенные изменения. Из периферии тюркского мира Западная Сибирь превратилась в передний край российского влияния в Азии. Она стала мостом в обмене фабричной промышленности Европейской России и кочевников казахских, монгольских и западно-китайских степей. Наряду с этим, Сибирь вела обмен собственной продукции на товар степей. Сибирские города стали центрами по переработке и закупке продуктов степного животноводства. Именно это обстоятельство стало решающим при национально-территориальном размежевании в 20–30-е гг., когда русские города отнесли к Казахской республике. Они составляли с казахскими кочевьями единый хозяйственный организм. От них зависела жизнеспособность нового государственного образования.

Примечания:

1. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Книга первая. С. 2.
2. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. С. 171–173.
3. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1994. Т. 1. Кн. 1. С. 164–165.
4. Там же.
5. Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 1997. Вып. 1. Сургут и Тара. С. 79–80.
6. Краткая энциклопедия... Т.1. Кн.1. С. 21; Жиров А.А. Купечество в экономических связях Тары с Северным Казахстаном в XVIII – начале XX вв. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.). Омск, 1998. С. 54; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. Томск, 1897. С. 624–640.
7. Краткая энциклопедия... Т. 1. Кн. 3. С. 88–89.
8. Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азиею и Китайскими владениями // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск, 1881. Кн. III. С. 3–5.
9. Обзор Семипалатинской области за 1907 год. Семипалатинск, 1909. С. 60; Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII–начале XX века. Алма-Ата, 1981. С. 238.
10. Обзор Акмолинской области за 1894 год. Омск, 1896. С. 54.
11. Балкашин Н. Указ. соч. С. 10–154.
12. Старцев А.В. Торговля предпринимателей Алтая с монголами и Китаем во второй половине XIX–начале XX вв. // Предпринимательство на Алтае. XVIII–1920-е годы. Барнаул, 1993. С. 93–100; Он же. Торговые ворота в Монголию // Алтайский сборник. Барнаул, 1995. Вып. XVI. С. 52.
13. Лепарский А.И. Монголия как резерв продуктов скотоводства // Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 гг. Петроград, 1914. С. 144–161.
14. Обзор Семипалатинской области за 1907 год; Обзор Семиреченской области за 1909 год. Верный, 1910. С. 40–41; Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915. С. 21.

15. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. С. 132–133;
16. Обзор Семиреченской области за 1909 год. С. 53.
17. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. С. 132–133; ... на 1904 год. Томск, 1904. С. 265.
18. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. С. 151; ... на 1904 год. С. 257; ... на 1911 год. СПб., 1911. С. 149; Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 годы. С. 167–168.
19. Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1911. С. 36–37.
20. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 год. С. 152.
21. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 годы. С. 167–168.
22. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1904 год. С. 258; ... на 1911 год. С. 150–151.
23. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. С. 191; ... на 1904 год. С. 248; ... на 1911 год. С. 257; Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 годы. С. 10–11; Обзор Акмолинской области за 1914 год. С. 38.
24. Обзор Акмолинской области за 1894 год. Омск, 1896. С. 54.
25. Обзор Акмолинской области за 1914 год. С. 38–41.
26. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. С. 192.
27. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 год. С. 163.
28. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. С. 191; ... на 1904 год. С. 248; ... на 1911 год. С. 257.
29. Попов Ю. Сибирский горнопромышленник в Киргизской степи // Сибирская старина. 1993. № 5. С. 32–33; Шпалтаков В.П. Сибирская купеческая фирма Поповых в первой половине XIX в. // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С. 17–32.
30. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 годы. С. 6–643. Подсчет наш.

Бармин В.А.

Некоторые вопросы политики Советской России в отношении провинции Синьцзян Китайской республики в 1919–1922 гг.

В истории взаимоотношений России и Китая особое место принадлежит китайской провинции Синьцзян. Расположенная на северо-западе Китая, эта провинция выделяется среди прочих своими размерами (она занимает приблизительно одну шестую часть территории всей страны) и богатейшими залежами полезных ископаемых. Однако исключительную роль этой провинции в жизни Китая определяет этнический состав ее населения.

Синьцзян был завоеван и присоединен к империи в период правления династии Цин в XVIII в. и получил статус провинции во второй половине XIX в. Новая провинция стала одной из наиболее пестрых в этническом плане, так как в ней проживали "... более десяти неханьских национальностей: уйгуры, казахи, татары, узбеки, таджики, монголы, сибо, маньчжуры, солоны, дунгане, русские"¹. Сложность отношений метрополии с новой

провинцией была заложена таким образом изначально, по крайней мере, по трем причинам.

Во-первых, крайней (т. е. военной) формой колонизации этого района. При чем процесс колонизации продолжался более тысячи лет. Еще "... в I веке до нашей эры одно ... из нашествий китайских богдыханов закончилось порабощением Синьцзяна. Лишь в III веке нашей эры народам Синьцзяна удалось освободиться от китайского владычества. Завоевание, однако, продолжалось также в VIII и XIII веках нашей эры"². Оно полностью закончилось только в 1759 г. Само название провинции с китайского переводится как "новая граница" или "новая территория"³.

Во-вторых, коренные жители Синьцзяна "... в своей массе резко отличались от ханьцев по языку, культуре, религии, традиции и обычаям"⁴, что делало практически невозможным естественное вхождение этого района в сложившееся в Китайской империи монокультурное поле.

Наконец, в-третьих, географическое положение Синьцзяна, который был оторван от метрополии тысячами километров труднопроходимого пространства. От Урумчи до центрального Китая караван шел 9–11 мес. В то же время он граничил со среднеазиатскими государствами и Россией. Последние были заселены этнически близкими народами, что объективно создавало тяготение к ним Синьцзяна. Перечисленные обстоятельства послужили, на мой взгляд, причиной того, что на протяжении многих столетий народы Синьцзяна вели борьбу за свободу, одновременно развивая торговые связи со Средней Азией и Россией.

События, характеризующие отношения Советской России, а затем и СССР с Синьцзяном после октябрьской революции, во многом стали логическим продолжением и развитием исторически сложившихся обстоятельств.

Первая мировая война, а затем революция и гражданская война в значительной мере повлияли на сокращение экономических связей между Россией и Синьцзяном. В частности, произошли "резкое сокращение импорта промышленных товаров из России, особенно в 1917 году ... рост цен на металлические изделия и мануфактуру"⁵, а в ходе гражданской войны резко сократился экспорт из Синьцзяна в Россию сырья и продовольствия, что "... привело к падению цен на местный хлопок и шерсть, сокращение посевов технических культур"⁶. Естественно, что такое положение не устраивало ни власти Синьцзяна, ни правительство Советской России. Стремление к восстановлению традиционных экономических отношений привело к тому, что, несмотря на ожесточенное сопротивление продолжавших действовать в Синьцзяне консулов царского и Временного правительств, враждебность центрального правительства Китая и сложности гражданской войны в России, уже в 1918–1919 гг. делегации Семиреченского облисполкома и Туркестанской АССР подписали с властями Синьцзяна несколько соглашений

о торговле и сотрудничестве. Однако эти соглашения носили частный характер и не решали проблему в целом. В военно-политическом обзоре положения дел в Восточном Туркестане за период с 1919 по 1921 гг., направленном в Народный комиссариат по иностранным делам 18 февраля 1922 г. из Ташкента, отмечается, что в 1919 г. “сношения с Западным Китаем носили крайне отрывочный характер, велись большей частью через Семиреченский облревком, Джаркендский Исполком и командира отряда пограничного селения Охотничьего. ... но и эти сношения имели мало значения, так как, вследствие пребывания на территории Синьцзянской провинции бывших консулов временного правительства Любы в Кульдже и Успенского в Кашгаре, отношения китвластей к Совроссии было двусмысленно и недоброжелательно. Официально округ был объявлен на военном положении, граница закрыта, но желание местного купечества вести с нами торговые сношения было очень велико, да и вызывалось обоюдно экономической необходимостью. Поэтому в мае 1919 года последовало назначение в Кашгар нашего коммерческого агента”⁷. Между тем отсутствие торговли хотя бы в прежних размерах все более пагубно сказывалось на экономическом положении обеих сторон. Ярким примером стремления к восстановлению торговых отношений со стороны купцов Синьцзяна служит телеграмма председателя исполкома Китайсоюза Тын Винфуна, направленная 5 мая 1920 г. из Омска заместителю комиссара по иностранным делам Советской республики Карахану, где он сообщал: “Узнав о моем пребывании в Сибири из Илийского края приехали представители крупнейших китайских фирм для переговоров относительно товарного обмена с Советской Россией, предложившие свой товар в кожах кониных 500000 шт., овчиных 2000000 шт., козлиных пуховых 1000000 шт., хлопка 1000000 ауд., жабаги 2000000 пуд., стрежки 1000000 пуд., урюку 1000000 пуд., грецкого ореха 100000 пуд., изюму 800000 пуд., табаку зеленого листового молотого и порошкового 100000 пуд., чаю байхового 1000000 пуд., мануфактуры “Дабы” 500000 кусков в обмен на нитки, калмыцкий чай, мануфактуру, железные, чугунные изделия. Предлагаемый товар может быть продан только за серебро. Представители ждут ответа. Кроме перечисленного предлагается ещё 2000000 голов скота, во вторую партию может быть доставлено гораздо больше”⁸. Уже сами объемы возможных поставок товаров говорят о том, что проблема сбыта для синьцзянских купцов стояла весьма остро.

Заинтересованность советской стороны в восстановлении торговых связей с Синьцзяном была обозначена подписанием 27 мая 1920 г. в Кульдже так называемого “Илийского протокола”, который “явился, по существу первым из серии советско-китайских соглашений, предшествовавших заключению договора между СССР и Китаем от 31 мая 1924 года”⁹. Однако “Илийский протокол” решал проблему экономических связей лишь частич

но, ибо его статьи оговаривали взаимоотношения Советской России только с одним из девяти синьцзянских округов, причем не самым экономически развитым – Илийским. Советские дипломаты хорошо это сознавали и, учитывая злободневность протокола, отмечали: “Илийский протокол (громко называемый договором) представляет собой довольно куцее соглашение, обнимающее собой географически Илийский район с одной стороны и Семиреченскую область Туркестана с другой”¹⁰. Кроме того, “Илийский протокол, будучи частным соглашением, не включал в себя обязательств” сторон по целому ряду важнейших вопросов, а его статьи сплошь и рядом нарушались.

Ответственный сотрудник по поручениям представительства НКВД в Западном Китае Эпштейн в докладной записке в комиссариат сообщал: “О защите граждан и выполнении сторонами консульских функций в соглашении (хочется поставить кавычки к этому слову) ничего не сказано. Несмотря на уверения в нерушимости этого соглашения, мы его нарушили. Прибывшие в Ташкент для участия в Комиссии об убытках китайские представители. Во главе с богатым и влиятельным купцом Алмазбековым очутились за решеткой особого отдела по обвинению их в спекуляции ... Со своей стороны китайцы тоже не ахти как соблюдали себя: особенно по вопросу о беженцах. Беженцы закабалены в долгах, у них забирают жен и детей и т.д., наши указания и протесты ни к чему не привели. В настоящее время Илийский договор вполне заслуживает того, чтобы быть помещенным в музей древностей”¹¹.

Представитель отдела внешних сношений Туркестанской республики в Кульдже – Баршак, высказывая свое мнение относительно “Илийского протокола”, писал: “... необходимо указать, что, так называемый, илийский договор представляет в сущности протокол заседания с одной стороны представителей илийских гражданских властей, а с другой – наших представителей Внешнего и Внешнеторгового и не может быть поэтому назван договором в полном смысле этого слова. Пересмотр этого договора вполне назрел...”¹². Вместе с тем тот же Эпштейн, подчеркивая насущную необходимость развития связей Советской России с Синьцзяном, пишет в своей докладной записке: “Попутно с этим нам необходимо искать сближение с Западным Китаем в целом по целому ряду экономических и политических причин. Причины эти следующие: Синьцзян экономически неразрывно связан с Россией. Торговля с ней – источник благосостояния провинции. Торговые пути идут только на Россию или через нее (транзитные пути)... Синьцзянская провинция является с одной стороны колоссальным источником сырья, с другой стороны, естественным рынком для сбыта русских фабрикатов. Это последнее положение доказывается тем, что за время войны и революции никто (англичане и японцы) этим рынком не завладел, за исключением кашгарского района, где прочно засели англичане”¹³.

Острая нужда в синьцзянском сырье, которую испытывала российская промышленность, требовала от советского внешнеполитического ведомства энергичных действий. Для скорейшего налаживания экономических связей российские дипломаты шли на весьма неординарные шаги. Предпринимались самые разные способы проникновения на территорию Синьцзяна для того, чтобы вступить в контакты с правительством провинции. В докладной записке в НКВД "О кашгарской экспедиции представительства Народного Комиссариата Внешней Торговли" (1921 г.), например, сообщалось, что на экспедицию возложена задача "... попытаться проникнуть в Кашгар и обсудить с местным даотаем предварительно все вопросы, связанные с восстановлением нормальных торговых сношений, с тем, чтобы впоследствии назначить в "условленном месте встречу" уполномоченных даотая с нашими вновь назначенными представителями для выработки временного местного соглашения, касающегося торговли, с целью ясного установления условий наших дальнейших отношений. Для того, чтобы возбудить интерес китайцев к приезду экспедиции, последней поручено реализовать партию товаров на территории самой Кашгарии"¹⁴. Однако подобные мероприятия, если и приводили к положительному результату, тем не менее, не решали проблему в целом, так как по-прежнему носили частный характер, ограничиваясь подобно "Илийскому протоколу" установлением связей на уровне округа. Реальная возможность установить прямые контакты с провинциальным правительством и развить их во всесторонние связи возникла у советского руководства только в 1921 г.

Весной 1920 г. после разгрома основных сил Колчака на территорию провинции Синьцзян начали переходить крупные отряды разбитой белогвардейской армии под командованием атамана Оренбургского казачьего войска Дутова, командира корпуса Бакича, командующего семиреченской армией Анненкова и других. Приток отрядов продолжался практически до конца 1920 г. и общее количество военнослужащих и членов их семей, по неполным данным, составило к зиме 1921–1922 г. более 50 тыс. чел. При чем 25–30 тыс. из них осели в пограничных округах.

В первые недели своего пребывания в Китае эта огромная деморализованная масса военных и гражданских лиц в какой-то мере подчинялась распоряжениям китайских властей. Однако даже в первые дни это подчинение было относительным. Наиболее организованная часть белогвардейцев находилась в корпусе генерала Бакича. Корпус сумел сохранить управление и тыловые службы. Подразделения корпуса расположились лагерем недалеко от центра Тарбагатайского уезда города Чугучак на берегах реки Эмил. Подчиняясь приказу китайских властей, корпус сдал часть имевшегося вооружения, предварительно приведя его в негодность. Однако большая часть оружия по приказу генерала Бакича была закопана. Охранялся лагерь кон-

войным дивизионом, скомплектованным из самих белогвардейцев, причем этому дивизиону было оставлено 200 винтовок, 100 шашек и пулемет. Кроме того, в лагере были до 3000 лошадей, 10 автомобилей без горючего и полевая радиостанция¹⁵. Крупные отряды удалось сохранить атаманам Дутову и Анненкову. Довольно быстро оправившись от потрясений, связанных с поражением от Красной Армии, столь же быстро осознав бессилие китайских властей, руководители интернированных частей начали предпринимать энергичные меры к восстановлению порядка в потрепанных частях и готовить их к новым сражениям. С помощью средств, поступивших из различных источников, в том числе от бывших российских консулов и японцев, белогвардейским генералам удалось сравнительно быстро вернуть своим войскам достаточную для действий боеспособность и неплохо их вооружить.

После короткого периода выяснения отношений среди генералов лидером стал Бакич, который весной 1921 г. объединил под своим командованием около 50 тыс. русских солдат и офицеров. Он даже провозгласил себя "представителем верховной власти в России"¹⁶. Отряды Бакича стали нападать на территорию Советской России, уничтожать гарнизоны небольших селений, вырезать семьи партийных и советских работников. В планах Бакича было, превратив территорию провинции в свой плацдарм, попытаться в то же время объединить все антисоветские силы для нового этапа борьбы за власть. В ходе подготовки к осуществлению своих планов Бакич не только совершенно перестал считаться с местной администрацией, но начал разоружать китайские войска, захватывая населенные пункты и крепости. Ввиду малочисленности и слабой боеспособности местных войск, оказать сопротивление белогвардейцам они не могли. Участник тех событий Камский вспоминал: "Солдаты китайской армии мало чем отличались от солдат полиции. Большинство частей, которые приходилось наблюдать эмигрантам, не представляли решительно никакой военной силы"¹⁷.

Дав разрешение на размещение белогвардейских отрядов на территории провинции, ее администрация очень скоро осознала, что поступила опрометчиво. Выход из положения руководители провинции видели в помощи Красной армии. Но подобный шаг был связан с множеством проблем. Нужно было разрешить ввод советских войск на территорию Синьцзяна. Для советского руководства, напротив, сотрудничество с китайской администрацией по уничтожению белогвардейцев позволяло решить сразу две задачи: уничтожить опасный очаг контрреволюции и наладить связи с провинциальным правительством. По этой причине советские дипломаты предпринимали все возможные меры для инициации китайского обращения к советским властям за помощью. Уполномоченный отдела внешних сношений политуправления Туркфронта Баршак сообщал в своей доклад-

ной записке на имя Г.В. Чичерина: "Получив затем телеграмму т. Гопиера о том, чтобы в вопросе белых я действовал самостоятельно, я, в конце концов, заставил китвласти поставить вопрос о ликвидации генерала Бакича на очереди и следствием этого было обращение китайских властей к нам за помощью"¹⁸. 16 мая 1921 г. в приграничном местечке Бакты было подписано соглашение, в соответствии с которым части Красной Армии, вступив на территорию провинции, сначала у г. Чугучак, а затем у г. Дурбульджин разбили войска Бакича. Однако, в силу целого ряда ошибок советского командования, Бакичу удалось уйти от полного разгрома и увести пять тыс. чел. на территорию Шарашумэсского округа Синьцзяна.

Для советского руководства ввод войск на территорию Синьцзяна оказался также сопряжен с известными проблемами, главной из которых, как это ни странно, было опасение революционной вспышки под влиянием Красной Армии в Синьцзяне. Всякое активное революционное движение повело бы к дезорганизации жизни в провинции, что не входило в планы советской стороны. Советская Россия в этом конкретном случае нуждалась не в экспорте революции, а в нормальных экономических связях. Принимая решение о повторном походе против Бакича, советское руководство должно было учитывать и этот фактор. Чичерин писал по этому поводу представителю НКВД в Ташкенте: "В связи с планом похода внутрь Западного Китая для нанесения окончательного удара Бакичу, нас сильно волнует вопрос о возможности восстания против Китая в этой области в связи с присутствием наших войск. Это совершенно недопустимо ввиду наших отношений с Китаем. Для нас вообще крайне нежелательно создание там беспokoйных мусульманских республик... Поэтому при решении вопроса о походе внутрь Западного Китая надо прежде всего рассмотреть можем ли мы обеспечить, что продвижение наших войск не будет причиной восстания населения против Китая"¹⁹. Заместитель уполномоченного НКВД в Ташкенте, успокаивая Чичерина, сообщал ему, что "...положение в Синьцзяне ни в какой мере не революционно. Слишком аморфна общественность и еще безнадежно слабы антикитайские элементы. Только в результате длительной подготовки всех революционных сил, их концентрации и сплоченности возможно восстание, и только поддержанное силами Красной Армии оно не обречено на поражение"²⁰. Между тем, после того как весенняя операция по разгрому Бакича не привела к полному успеху, а подразделения Красной Армии были в соответствии с договором от 16 мая 1921 г. выведены из Китая, положение провинциального правительства ухудшилось. Оно осталось один на один с вооруженными белогвардейцами. Теперь китайцы сами настойчиво просили помощи. Однако командование Красной Армии не нашло свободных сил и отказало в немедленной акции²¹. Сложившаяся ситуация способствовала налаживанию прочных советско-китайских контактов.

Зозник предлог для образования постоянного советского представительства при провинциальном правительстве в Урумчи. Ставя в известность о положении дел Чичерина, Цукерман писал ему, что в ответе на предложение китайской стороны продолжить операцию против Бакича будет требовать ... тщательного обсуждения совместного с нашим представителем в Урумчи, где представится возможность учесть все условия обеспечивающие успешность новой операции. Такая форма дает возможность уклониться от компрометирующего нас прямого отказа немедленной помощи и, используя заинтересованность китайцев в этой помощи, усилить нажим по вопросу о нашем представительстве в Урумчи...” В конце своих рассуждений Цукерман подчеркнул: “Для сохранения активности в западно-китайской политике вопрос о помощи в ближайшем будущем необходимо разрешить положительно. Русская политика синьцзянской администрации слишком зависит от результатов операций против Бакича”²².

Решение о продолжении операции против группировки Бакича было принято советским руководством в августе 1921 г. Но подписал новое соглашение о вводе войск Красной Армии не представитель НКВД Казанский, который специально для того выехал в Урумчи, а особополномоченный Реввоенсовета войск Сибири по заключению соглашения Погодин в Чугучак 26 сентября 1921 г. Эта несогласованность лишила дипломатов повода для поездки в Урумчи. Пока Казанский добирался до Верного, Красная Армия уже ликвидировала отряд Бакича вместе с предлогом миссии Казанского²³.

Все же совместные действия создали атмосферу доверия и коренным образом изменили прежние отношения. Выехавший из Верного в Кульджу, Казанский получил 15 декабря формальное приглашение синьцзянского правительства прибыть в Урумчи. Дудзюн (губернатор) Синьцзяна пригласил представителя РСФСР прибыть “для закрепления добрососедских отношений”²⁴. В сообщении подотдела Среднего Востока представительства НКВД в Ташкенте отмечалось, что “китайцы устроили пышный прием. В связи с этим в торговых кругах Запкитая сильный подъем, китрыок страдает безтоварием, в торговле застой. Англичане кроме легкой гаантерей в небольшом количестве ничего не могут дать, предметы широкоо применения – железо, керосин, стекло ввозившиеся из России отсутствуют, скопившееся за несколько лет сырье не имеет сбыта. Только озобновление сношений с Россией выведет из тяжелого кризиса киттор-овлю”²⁵. Однако, несмотря на очевидную заинтересованность Китая в усановлении самых широких торговых связей с Россией и оптимистические рогнозы советских дипломатов, процесс выработки соглашения устраи-ающего обе стороны весьма затянулся и проходил очень непросто. Казан-кий предложил руководству провинции советский проект соглашения из

26 пунктов. Среди прочих этот проект содержал требование включить в сферу торговли с Россией все районы Западного Китая, обеспечить торговые права российских организаций и права “ее политических агентов”. Китайцы, в свою очередь, выдвинули 6 пунктов, настаивая на внесении их в соглашение. В этих пунктах они требовали “свободного пропуска китайских купцов на русский рынок и уплаты им долгов, нанесенных во время русской революции”²⁶. Стороны в результате переговоров пришли к согласию по большинству пунктов, однако, в последний момент переговоры были прерваны и советская делегация выехала на Родину. Причиной перерыва явилось то, что “17 апреля под влияние слухов о происходящих в России конфискациях и беспорядках (слухи распространились в связи с земельной реформой в Семиречье) китайские власти вновь пересмотрели вопрос о соглашении, причем на этот раз предложили новый проект, по которому в сферу торговых сношений с Россией включались уже не все пункты Западного Китая, а только Илийский и Тарбагатайский округа, а взамен этих округов требовали предоставления им городов: Алма-Ата и Семипалатинска”²⁷. Неудачные переговоры отодвинули заключение соглашения, но снять с повестки дня саму проблему было уже невозможно.

Ситуация значительно изменилась, начиная с октября 1922 г., когда внутриполитическая борьба заставила китайцев форсировать переговорный процесс с советской стороной. 31 октября 1922 г. представитель НКВД в г. Чугучаке Гельдер сообщил в комиссариат: “Китайцы выражают явное нетерпение и настаивают на немедленном восстановлении переговоров и открыто заявляют о своем согласии удовлетворить ... наши претензии. Даоин (руководитель округа – ред.) просит передать нам о своем категорическом желании приступить к переговорам. Торопливость китайцев объясняется кризисом переживаемом Синьцзяном в связи с назначением в Пекине нового Дутзюна и возможностью отложения Синьцзяна от центра... неминуемо военное столкновение с новым Дутзюном. Последний ...ведет с собой сто двадцать чиновников на смену синьцзянских властей. Стремление договориться с нами объясняется желанием китайцев подготовить себе путь отступления в случае военных операций... Момент доведения переговоров до благополучного конца считается подходящим”²⁸. Острейший политический кризис в Синьцзяне сопровождался продолжавшимся экономическим кризисом, так как ввиду отсутствия полнообъемного торгового соглашения товары, произведенные в провинции, по-прежнему не попадали на советский рынок.

Перечисленные обстоятельства позволили советским представителям вести себя в ходе возобновившихся переговоров более жестко, чем прежде, и в ряде случаев практически диктовать свои условия. Об этом можно судить по телеграмме, отправленной заместителю комиссара по иностран-

ным делам Карахану представителем НКВД Михайловым, в которой он, в частности, отмечает: "На Ваше письмо от 2 марта возражаю по пункту первому. Договор должен заключаться не РСФСР, а уполнаркоминдел, иначе много чести Запкитаю. Договор заключает не Туреспублика ибо к Запкитаю примыкает также Киргизия и Сибирь. Шестому (пункту – ред.) излишне включать наши уступки, их надо держать в резерве, требовать за них снижения китайцами 15 % обложения до прежнего 2,5 %. Держать в резерве также снижение тарифов по седьмому..."²⁹. Тем не менее, подписание самого общего соглашения, которое получило название "Торговое соглашение между территориями примыкающими к Синьцзяну и Синьцзяном", затянулось до 1924 г. Это объясняется тем, что, во-первых, несколько спала острота политического кризиса в Синьцзяне, а во-вторых, как отмечал представитель НКВД на переговорах Озорнин, "... ввиду чрезвычайной медлительности китайцев, их бесконечными придирками, разговорами по мелочам". Но уже в ходе переговоров российской стороне удалось подписанием отдельных протоколов реализовать большинство статей этого соглашения. Так, 25 октября 1923 г. Озорнин сообщил в Комиссариат иностранных дел: "24 октября подписана статья, дающая нам право иметь свое представительство в Кашгаре, так же еще 8 статей второстепенного характера"³⁰.

31 мая 1924 г. между Китайской Республикой и Советским Союзом было подписано "Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской республикой". Это соглашение, урегулировав правовые отношения между двумя государствами, легализовали и значительную часть статей, заложенных в договор с Синьцзяном. В частности, статью о консульских отношениях. Это позволило правительствам Синьцзяна и СССР в октябре 1924 г. подписать соглашение о немедленном "... учреждении консульств СССР в городах Урумчи, Кашгаре, Кульдже, Чугучаке и на Алтае, и консульств Китая в Ташкенте, Алма-Ате, Семипалатинске, Зайсане и Андижане"³¹. Последнее соглашение в свою очередь позволило уже к концу 1924 г. вернуть Советскому Союзу консульское и прочее имущество, принадлежавшее ранее России, что значительно облегчило в дальнейшем деятельность советских дипломатов в Синьцзяне.

Примечания:

1. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 32.
2. Гуревич Б.П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 47.
3. Там же.
4. Богословский В.А., Москалев А.А. Указ. соч. С. 32.
5. Гуревич Б.П. Взаимоотношения Советских республик с провинцией Синьцзян в 1918–1921 годах // Советские китаеведения. 1958. № 2. С. 98–99.

6. Там же. С. 99.
7. АВП РФ. Ф. 0/100-в. Оп. 4. Папка 102. Д. 5. Л. 8
8. Там же. Ф. 100-в. Оп. 4-а. Папка 1. Д. 1. Л. 10.
9. Гуревич Б.П. Взаимоотношения советских... С. 99.
10. АВП РФ. Ф. 0/100-в. Оп. 4. Папка 102. Д. 2.Л. 27.
11. Там же.
12. Там же. Оп.3. Папка 101. Д.1. Л.2.
13. Там же. Оп. 4. Папка 102. Д. 2. Л. 28 –29.
14. Там же. Д. 4. Л. 10.
15. Молоков И.Е. Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг. Омск, 1991. С. 78.
16. Гуревич Б.П. Там, за Тарбагатаем (из истории ранних советско-китайских отношений) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 5. С. 73.
17. Камский. Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923. С. 26.
18. АВП РФ. Ф. 0/100-в. Оп.3-а. Папка 101. Д. 1. Л. 31.
19. Там же. Л. 5.
20. Там же. Л. 9.
21. Там же. Л. 3.
22. Там же.
23. Там же. Оп. 4. Папка 102. Д. 2. Л. 34.
24. Там же. Оп. 3-а. Папка 101. Д. 1. Л. 8.
25. Там же. Оп. 4. Папка 102. Д. 5. Л. 1.
26. Там же. Д. 2. Л. 35.
27. Там же.
28. Там же. Ф. 0/100-в. Оп.2-а. Папка 1. Д. 1. Л. 27.
29. Там же. Оп. 3. Папка 1. Д. 2. Л. 15.
30. Там же.
31. Там же. Оп. 4. Папка 1. Д. 4. Л. 59.

Лицарева Е.Ю.

К вопросу о выработке курса США в отношении Китая (конец 40-х—середина 60-х гг. XX в.)

Период “холодной войны” в Европе сопровождался открытыми военными конфликтами в Азии, где соперники предпринимали пробу сил. Это и особый период в китайской политике США. После победы в 1949 г. народной революции в Китае правительство США официально провозгласило лозунг “отбрасывания” и “сдерживания” коммунизма.

В это время в сенате и палате представителей преобладало реакционно-настроенное крыло. По всем ключевым вопросам правительственная политика получала единогласную поддержку обеих палат конгресса. Фактически с середины 40-х до конца 60-х гг. наблюдалось ослабление влияния конгресса на политическую жизнь страны, а особенно на внешнюю политику¹.

В атмосфере “всеобщей истерии угрозы коммунизма”, организованной американскими реакционными кругами правительство США охватила “мания безопасности”. Это было связано с раздуваемым сенатором Дж. Маккарти коммунистическим вопросом и его борьбой с “коммунистами в правительстве”. Будучи председателем сенатского комитета по правительственным операциям, и, став одновременно председателем специально созданного подкомитета по расследованиям, он начал с государственного департамента и вскоре охватил своей деятельностью почти все политические, общественные, академические организации США. Созданная сенатором “политика страха” в эти годы прямо влияла на выработку внешней политики США.

В результате деятельности Маккарти Государственный департамент США лишился научных экспертов, имевших опыт работы в Китае и знавших особенности истории и ситуации в стране. Показательна в этом плане судьба одного из членов “миссии Дикси”, а затем сотрудника Центра по китайским исследованиям Калифорнийского университета в г. Беркли Дж. Сэрвиса (он находился в Яньани в 1944–1945 гг. и являлся экспертом по делам Китая в государственном департаменте)².

20 февраля 1950 г. была принята сенатская резолюция № 231. В этой резолюции рассматривался вопрос о выявлении в государственном департаменте сотрудников, “нелояльно относящихся к Соединенным Штатам”. Слушания по этому делу проходили перед специально назначенным подкомитетом, состоявшим из 5 человек – членов сенатского комитета по иностранным делам. В ходе слушаний рассматривалось дело Амерейша, дело О. Латтимора и дело Дж. Сэрвиса. Дж. Сэрвис обвинялся в связях с коммунистами и “их коммунистическим изданием” а также в утечке информации, проходившей под грифом секретности и содержащейся в его личных копиях отчетов эксперта Государственного департамента по делам Китая и гражданского политического советника миссии генерала Дж. Стилуэла и А. Ведемейера. В ходе слушаний перед сенатским комитетом по иностранным делам в июле 1950 г., а также на совместных заседаниях сенатских комитетов по иностранным делам и вопросам вооруженных сил, посвященных дальневосточной политике США, в мае-июне 1951 г. под давлением сенатора Дж. Маккарти были уволены из Государственного департамента Дж. Сэрвис и ряд других экспертов как лица “представляющие угрозу американской безопасности”³.

Вслед за обвинениями служащих государственного департамента и возложения на них ответственности за «утрату Китая», последовала критика деятельности крупнейших азиатских и китаеведческих центров Соединенных Штатов. Особенно это коснулось научно-исследовательских институтов и комитетов при университетах западного побережья, которые в силу своей

географической близости к Китаю и странам Азиатско-Тихоокеанского региона занимались вопросами выработки внешнеполитического курса в отношении КНР, определения стратегических направлений американской политики в АТР.

В эти годы ряд университетов Западного побережья, в том числе Калифорнийский университет в г. Беркли, были тесно связаны с международной неправительственной организацией научно-информационного характера – Институтом тихоокеанских отношений (ИТО). Членами ИТО являлись научные центры 12 стран. С ИТО сотрудничал Американский Совет или Американский институт тихоокеанских отношений, представляющий собой добровольное общество, объединявшее лиц, заинтересованных в изучении Азиатско-Тихоокеанского региона. Американский институт имел местные филиалы в Сан-Франциско, Гонолулу и т.д. и издавал ежемесячник «Фар истэрн сервэй»¹⁴.

В 1951–1952 гг. подкомитет сенатского комитета по юридическим вопросам занимался изучением «соответствия Института тихоокеанских отношений акту о внутренней безопасности и другим законам о внутренней безопасности», что привело к закрытию ИТО и стало одним из наиболее ощутимых последствий преследований, организованных американской реакцией.

В ходе слушаний по ИТО использовались отчеты Д. Сэрвиса из Китая, переписка представителей различных отделений Института тихоокеанских отношений в том числе и западного побережья, выявлялись люди, наиболее активно сотрудничавшие с институтом. При этом, определялось отношение этих людей к коммунистической партии или устанавливалось прямое членство в ней. Резкой критике подвергалась организационная структура и финансирование ряда отделений ИТО и связанных с ним университетов (Йельского, Колумбийского, Калифорнийского). Имелось в виду следующее: исследователям через ИТО в соответствии с интересами того или иного частного фонда выделялась определенная сумма. Институт тихоокеанских отношений занимался обеспечением данного человека работой в одном из своих отделений, осуществляя руководство его деятельностью в соответствии с потребностями фонда финансирующего исследования этого ученого. Так, в ходе показаний специалиста по Японии в Калифорнийском университете в г. Беркли Т. Биссона, направленного сюда из Нью-Йорка и получившего определенную сумму от Фонда Рокфеллера, выяснилось, что Фонд Карнеги финансировал в Калифорнийском университете целую группу исследователей: его самого, Р. Скалапино, и еще двух ученых этого университета, работавших в области изучения проблем Дальнего Востока.

Система финансирования: через ИТО научных исследований в области внешней политики подверглась негативной оценке со стороны подкомитета

по юридическим вопросам. В ней усматривалась прямая зависимость характера даваемых оценок от интересов и потребностей тех или иных фондов, финансирующих исследования.

В ходе слушаний разбиралась и квалифицировалась как «коммунистическая» деятельность различных демократических организаций, выступающих за признание КНР и установление с нею дипломатических отношений. Наиболее показательны в этом плане выступления перед подкомитетом специалиста отделения политических наук Калифорнийского университета в г. Беркли Ю. Фридмана. Ему ставилось в вину написание статей и сотрудничество с «Комитетом борьбы за демократическую политику на Дальнем Востоке»⁵.

«Твердая линия» правительства США в отношении КНР в начале 50-х гг. проявилась в слушаниях в сенатских комитетах и подкомитетах, занимающихся расследовательной деятельностью; на которых проводилась целенаправленная работа сената по формированию общественного мнения в отношении коммунистического Китая как части мировой социалистической системы и обосновывалась необходимость конфронтации с КНР.

В результате «маккартизм» привел к прекращению исследований американскими учеными современных политических процессов в китайском обществе. Юридический и историко-описательные подходы были вытеснены социологическим, что повлекло за собой теоретический бум в американской академической науке во второй половине 50-х–начале 60-х гг. Последствия периода «маккартизма» привели к серьезным просчетам во внешней политике Соединенных Штатов в АТР во второй половине 50-х гг. и 60-е гг. «Свобода рук» президента, характерная для этого времени, с самого начала стала порождать среди законодателей скептицизм относительно способности главы исполнительной власти единолично проводить эффективную внешнюю политику⁶. Усложнение внешнеполитических проблем и связанного с этим процесса принятия решений привело правящие круги США к осознанию необходимости привлечения науки к практической деятельности в целях выработки наиболее эффективных методов и средств осуществления внешнеполитического курса. Вплотную с этим обстоятельством американские законодатели столкнулись в конце 50-х гг. И хотя характер и масштабы использования науки правительственным аппаратом во внешней политике в эти годы не были столь ощутимы, как в 70-е гг., задача превращения возможности использования науки в жесткую необходимость была поставлена перед американскими законодателями именно в конце 50-х гг.

В 1958–1960 гг. в соответствии с резолюцией сената № 336 комитет по иностранным делам превратился в специальный исследовательский подкомитет. По контрактам с данным комитетом различные научно-исследова-

тельские центры подготовили 15 докладов по важнейшим вопросам американской внешней политики. Затем ежегодный отчет по докладам был представлен для обсуждения сенату.

Одной из центральных проблем в исследованиях была проблема объективной оценки процессов, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Китае. Это было связано с началом китаеведческого бума в США в конце 50-х–начале 60-х гг. по мере выявления национализма в китайской внешней политике и принятым в сентябре 1958 г. законом «Об образовании для нужд национальной обороны», который выделил Китай в качестве одного из самостоятельных районов исследования⁷.

Доклад для подкомитета по Азиатско-Тихоокеанскому региону подготовил коллектив ученых-экспертов профессоров Калифорнийского университета. Раздел по Китаю и Северо-Восточной Азии был написан профессором политических наук Калифорнийского университета в г. Беркли Р. Скалпино. Тщательно проанализировав развитие китайского общества, эксперты пришли к выводу, что китайские коммунисты создали мощное государство, в котором большинство политически переломных решений, принятых в верхних эшелонах власти, эффективно внедряются в низовые структуры китайского общества. В отношении китайской политики США эксперты предлагали следующие варианты: 1. Сдерживание через изоляцию (ученые подчеркивали, что это – политика «сегодняшнего дня»). 2. Нормализация отношений, то есть – дипломатическое признание КНР и поддержка Китая при вступлении в ООН. 3. Изучение и переговоры. Этот вариант наиболее подробно излагался в докладе. Рассматривая общую ситуацию в АТР, эксперты делали вывод, что американским политическим лидерам и американскому народу необходимо усвоить – «наша способность каким-либо образом повлиять на объективные реалии в Азии, весьма ограничена... Хотя мы являемся одной из наиболее могущественных и влиятельных наций в мире, мы не можем в полной мере контролировать ход мировой истории. В частности, будущее Азии – в руках самих азиатов». Тем не менее, при формировании современного внешнеполитического мышления американского общества, ученые рекомендовали исходить из прагматизма, выдвигая на передний план целесообразность при рациональном учете объективных обстоятельств и выгод.

Разрабатывая основные принципы формирования внешнеполитического курса США в отношении Китая, ученые поставили ряд задач, которые должны решаться в ближайшем будущем: 1. Изучить готовность Китая «существовать» с США; 2. Выработать политику, в которой, отказавшись от крайних формулировок, Соединенные Штаты проявили бы гибкость и динамизм; 3. С помощью других великих держав свободного мира разрабо-

тать коллективное решение в отношении Китая и, если встанет необходимость, обеспечить наиболее основательный фундамент коллективных действий⁸.

Помимо этого эксперты разработали основные стадии установления отношений с Китаем. На первой стадий предполагалось: осуществлять обмен журналистами (в случае успеха этой программы можно перейти к обмену учителями и коммерческими представителями); отдельно специалистам по Китаю или группам экспертов провести неофициальные дискуссии с политическими и государственными лидерами КНР; в связи с выработкой основных принципов сотрудничества по проблемам китайского общества провести неофициальные дискуссии между США и их европейскими союзниками, а также «нейтральными странами – Индия, Бирма, Индонезия». Если результаты деятельности на первой стадии оправдают ожидания, то необходимо перейти к следующей стадии: отказаться от ограничений и разрешить... торговые операции с Китаем; с европейскими и «нейтральными» странами провести неофициальные дискуссии по вопросам включения КНР в ООН, признания Республики Тайвань, расширения Совета Безопасности, включив в него Индию, Японию как постоянных членов, рассмотрев эту возможность для Китая; провести переговоры с КНР о коммерческом сотрудничестве.

При рассмотрении и принятии тех или иных альтернатив, заключали эксперты, должны соблюдаться прежде всего американские национальные интересы. Особенно, если это касается выработки долгосрочных внешнеполитических программ⁹.

Разработка основных принципов формирования внешнеполитического курса США в отношении Китая в конце 50-х–начале 60-х гг. была связана с общими проблемами, которые поставила перед американской академической наукой наступившая научно-техническая революция. Кроме того, американские законодатели увидели в НТР средство для мобилизации дополнительных ресурсов в целях обеспечения успешного курса внешней политики. В ходе слушаний в сенатском комитете по иностранным делам в 1959–1960-х гг. неоднократно обсуждался вопрос о влиянии научно-технической революции на «социальную, экономическую, политическую структуру общества». Наибольший интерес представляют собой слушания в сенатском комитете по иностранным в начале 1960 г. В частности доклад Стэнфордского научно-исследовательского института при Стэнфордском университете о возможных последствиях развития науки «в гражданских областях и их потенциальном воздействии на внешнюю политику США»¹⁰.

Перед учеными США на рубеже 50–60-х гг. стояла задача возрождения фундаментальных наук, которые наиболее сильно пострадали от «периода

маккартизма» и американской реакции. Позитивные сдвиги в этом направлении начались в прикладных областях. В своем докладе эксперты Стэнфордского научно-исследовательского института поставили задачу развития фундаментальных исследований, в том числе и гуманитарных наук. Отмечая значительные пробелы в этой области, они подчеркивали, что без всестороннего изучения человеческого общества, его образа мышления, психологии, практической деятельности, будь-то сфера политики или межличностных отношений, невозможно дальнейшее функционирование ни американской академической науки, ни всего американского общества. При этом, считали эксперты, должен измениться сам статус ученого или преподавателя, положение которого «в настоящий момент» невозможно сравнить с тем местом, которое занимает в американском обществе юрист, медик и бизнесмен. Что касается вопросов внешней политики, эксперты подчеркивали, что без глубокого изучения государства или группы государств, в отношении которых вырабатывается стратегическая линия, невозможно построить сложную в техническом отношении систему рекомендаций для правительственных кругов и внешнеполитических ведомств. Особенно, если это касается военного аспекта. В этом плане встает жесткая необходимость в аналитической обработке того материала, который дает история, экономика, социология, философия, психология. При этом немаловажную роль играет не только единство действий всего научного потенциала, независимо от принадлежности к фундаментальным или прикладным областям знания, гуманитарным или естественным наукам, но и координированное взаимодействие академических и правительственных кругов страны¹¹.

Во второй половине 60-х гг. американские законодатели периодически возвращались к рассмотрению вопросов использования научного потенциала страны в интересах государства. Это касалось прежде всего наиболее сложных вопросов внешней политики. Одной из таких проблем оставалась американская внешняя политика в отношении КНР. И хотя ни о каком «партнерстве» или сложившемся политико-академическом комплексе в эти годы речь пока не шла, начиная со второй половины 60-х гг. и в американских академических кругах и в правительственных сферах наблюдаются острые дискуссии по поводу места Китая в мировом сообществе наций и определения его роли в мировом балансе сил¹². Это было связано с поворотом в китайской политике Соединенных Штатов, главной причиной которого явился антисоветский курс маоистов и отход Китая от социалистических стран. Немаловажную роль в этом сыграла и эскалация американской агрессии во Вьетнаме. В связи с этим перед правительственными кругами США встала необходимость теоретического обоснования поворота от «конфронтации» к «нормализации» отношений между двумя странами¹³.

После того, как президент Никсон с лета 1969 г. начал проводить курс на сближение с Китаем, обсуждения в сенате отношений с КНР достигли наибольшей остроты. Весьма аргументированными в этом плане были выступления ученых-экспертов из университетов Западного побережья США – Стэнфордского, Калифорнийского, и др. Взятый президентом Никсоном курс привел к согласию Соединенных Штатов на принятие КНР в ООН (август 1971 г.) и его визиту в Пекин в 1972 г.¹⁴

Заявления ученых-экспертов по проблемам Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона в ходе слушания в сенатском комитете по иностранным делам в начале 70-х гг., участие в них представителей государственного департамента США, различных внешнеполитических ведомств, представителей бизнеса свидетельствовали о том, что не только перед американскими китаеоведами, но и перед всей академической наукой США встали принципиально новые задачи и перспективы. От американских ученых требовалось теоретическое осмысление процессов, проходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, Китае – в частности, и подготовка на основе этого конкретных рекомендаций. От правительственных кругов – определение направлений научных исследований, выбор наиболее подходящих рекомендаций и осуществление их во внешнеполитической деятельности государства. Наиболее полно задача установления «нового партнерства» между наукой и практической деятельностью государства была поставлена в президентском послании конгрессу от 16 марта 1972 г.: «речь идет о таком партнерстве, которое объединяло бы усилия федерального правительства, частных предпринимателей, властей штатов, местных властей и университетов, исследовательских центров ради координирования своих усилий и сотрудничества на поприще служения национальным интересам страны»¹⁵.

Примечания:

1. Попова Е.И. Американский сенат и внешняя политика. М., 1978. С. 9,137; Leffler M.A Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration and the Gold War. Stanford: Stanford University Press, 1992. P. 85–87, 168–170, 248–250.
2. Савельев В. А. США: Сенат и политика. М., 1976. С. 96; Thomas J. The Institute of Pacific Relations. Asian Scholars and American Politics. Saeattle and London: Univ. of Wash. Press, 1974. P. 51; The Time, Aug. 2. 1971. P. 10–11.
3. U.S. Congress. Senate Committee on Foreugn Relations. State Department Employee loalty investigation, 81–st Congress, 2–nd Session.-Wash., 1950. P. 1–2, 16–18; Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee an Armed Service and the Committee on Foreign relations United States Senate, 82–nd Congress. 1–st Session to Conduct an Inquiry into the Military Situation in the Far East and the Facts Surrounding the Relief of General of the Amy Douglas MacArthur from his Assignments in that Area. U.S. Government Printing Office. Wash. 1951. Part 3. P.1873, 2335; Part 4. P. 2912, 2913, 2928, 2930; Public Opinion and Foreign Policy. P. 23.

4. Занегин Б.Н. Основные этапы развития китаеведения в Соединенных Штатах Америки //Современная историография стран зарубежного востока (Китай). М., 1963. С. 69.
5. Institute of Pacific Relations. Hearings before the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and other Internal Security Laws of the Committee of the Judiciary United States Senate, 82-nd Congress, 2-nd. Session on the Institute of Pacific Relations. U.S. Government Printing Office. Wash. 1931-1932. Part 2. P. 513, 632-633, 678; Part 4. P. 1007, 1023, 1078-1079 1218; Part 8. P. 2688, 2866-2867; Part 9. P. 3000-3002; Part 11. P. 4022-4023; Part 12. P. 4159-4161, 4291-4297; Part 14. P. 5337, 5415-5419, 5420; Thomas J. Op. cit. P. 100-102; Занегин Б.Н. Указ. соч. С. 69.
6. См. об этом: China and U.S Foreign Policy. Congressional Quarterly. Wash. 1973. P. 13-16; Савельев В. А. Указ. соч. С. 115-119.
7. Петровский В.Ф. Американская внешнеполитическая мысль, 1976. С. 8, 44, 62; США: Внешнеполитический механизм. С. 260-261; U.S. Congress. Senate Committee on Foreign Relations. U.S. Foreign Policy. Compilation of studies NOS 1-8. Prepared under the Direction of Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. Vol. II. Wash., 1960. P. IV-VI.
8. U.S. Congress. Senate Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. 86-th Congress. 1-st sess. United States Foreign Policy. Asia studies. Prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations United State Senate by Conlon Associates. L.T.D. (Pursuant to S. Res. 336, 85-th Congr. and S. Res. 31. 86-th Congress). № 5. November 1, 1959. Wash. 1959. P. VIII, 6, 12, 26, 151-153; Петровский В.Ф. Указ. соч. С. 62.
9. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. 86-th Congress 1-st Sess. United States Foreign Policy. Asia Studies...P. 153, 154.
10. Петровский В.Ф.Указ. соч. С. 21-22.
11. U.S. Foreign Policy. Hearings Before the Committee on Foreign Relations U.S. Senate, 86-th Congress, 2-nd Sess. on Possible Nonmilitary scientific Developments and their Potential Impact on foreign Policy Problems of the U.S. World-wide and Domestic economic Problems and their impact on the Foreign Policy on the U.S. and U.S. Foreign Policy Africa Studies prepared pursuant to 8. Res. 336. 85-th Congr. and S. Res. 31; 86-th Congr., January 28, February 11, March 16, 1960. Part 1. Wash. 1960. P. 2-7, 38-39.
12. Под воздействием сторонников официального признания коммунистического Китая и расширения торговых отношений с ним, а также допуска Китая в ООН, в Сенатском комитете по иностранным делам в марте 1966 г. были отложены слушания по вьетнамской политике и начаты слушания по Китаю. Особенно показательны в этом плане выступления профессора политических наук в Калифорнийском университете в г. Беркли Р. Скалапино. См. об этом: U.S. Policy with Respect to Mainland China. Hearing before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate. 89-th Congress. 2-nd. Session on U.S. Policy with respect to Mainland China. March 8, 10, 16, 18, 21, 28, 30. 1966. Wash., 1966. P. 561, 568, 575, 576, 585; Попова Е. И. Указ. соч. С. 137-138.
13. Нагорный А. США и КНР. Эволюция политико-дипломатического взаимодействия в 70-80 гг. М., 1986. С. 6; Место Китая в глобальной политике США. М., 1986. С. 22-23. Кроме того, со второй половины 60-х гг. изучение и формирование американской политики в отношении КНР стало одной из основных: проблем в избирательной борьбе США. В связи с этим, «мозговые центры» основных политических партий создали свои собственные группы экспертов по Китаю для участия в выработке внешнеполитической части своей избирательной платформы. К данной работе были подключены крупнейшие китаеведческие центры и институты Калифорнии, научные сотрудники которых в качестве экспертов по китайским проблемам, сотрудничали с государственным департаментом США и другими органами государственного аппарата и были тесно связаны с политическими и пропагандистскими ведомствами правительства (Р. Скалапино, Д. Дулин, С. Поссони, У. Юаньли). См. об этом: The Hoover Institution on War, Revolution and Peace in 1975. One Hundred years after the Birth of Herbert Hoover.-Stanford University, Stanford. Calif., 1975. P. 21;

Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Report 1966–1969. Stanford University, Stanford, Calif., October. P. 11–12; Report 1969–1972. Stanford University, Stanford, Calif., 1972. P. 8–9, 20.

14. См. об этом: Слушания в американском конгрессе (сенатский комитет по иностранным делам). Отдельное издание. Сентябрь 1970; июнь-июль 1971; февраль 1971; Попова Е. И. Указ. соч. С. 138.
15. Петровский В. Ф. Указ. соч. С. 9.

Мирошников С.Н.

Администрация Д. Эйзенхауэра и восстание 1959 г. в Тибете

Тибет был завоеван китайцами в начале XVIII в. во время правления династии Цин. Однако в период внутренних потрясений второй половины XIX и начала XX в., власть Пекина над Тибетом значительно ослабла, а после 1912 г. Тибет стал фактически независимым. Гражданская война и японская интервенция в 30-е годы XX в. не способствовали упрочению власти центрального правительства Китая над Тибетом. Фактически с начала XX в. Тибетом управлял духовный лидер буддистов, – религии, которую исповедует подавляющее большинство населения, служители которой составляют 25% населения Тибета, – Далай Лама.

После окончания гражданской войны и провозглашения 1 октября 1949 г. КНР, лидеры народного Китая предприняли значительные усилия для консолидации всех территорий, которые раньше принадлежали Китаю под своей властью. В октябре 1950 г. Народно – Освободительная Армия Китая вступила в Тибет и, слолив сопротивление тибетских вооруженных формирований, восстановило власть Пекина над Тибетом. Выражением этого факта стало подписание Далай Ламой соглашения о признании Тибета частью Китайской Народной Республики в 1951г. Установление власти коммунистической партии Китая в Тибете привело к возникновению целого ряда серьезных противоречий, которые неминуемо должны были привести к взрыву. Во-первых, факт насильственного присоединения Тибета к Китаю привел к установлению здесь, фактически, власти военного командования Народно-Освободительной Армии. В ситуации, когда большая часть армии принадлежала к ханьской нации, – режим военной диктатуры неминуемо приводил к столкновению на национальной почве. А реализация на практике мер нового пекинского правительства, направленных на упрочение своей власти, воспринималась как политика, направленная на разрушение основ культуры и жизненных ценностей тибетцев. Во-вторых, географическая оторванность Тибета от Китая создавала условия для более самостоятель-

ных действий командования Народно-Освободительной Армии и китайской администрации от центра в этом районе. В условиях отсутствия достаточного количества еды, медикаментов и др. товаров, которые из-за дальности расстояния можно было доставлять, как, кстати, и подкрепления для Народно-Освободительной Армии, лишь по единственной дороге в Гималаях или по воздуху, более независимое положение от центральной власти командования армии и администрации приводило к дискриминации коренного населения¹.

К тому же проблема спорных территорий между Китаем и Индией в Тибете делала этот район стратегически важным для Китая. Индийское правительство всегда неофициально признавало суверенный статус Тибета. В мае 1956 г. во время визита в Индию Далай Ламы в связи с 2500-летием буддизма он даже официально призвал индийское правительство поддерживать народ Тибета в его сопротивлении китайским коммунистам². Хотя индийское правительство официально не отреагировало на этот призыв, общественное мнение буддийской Индии было настроено явно не в пользу действий китайских коммунистов.

10 марта 1959 г. в г. Лхаса, административном центре Тибета, началось восстание против власти центрального китайского правительства. Однако перевес сил и вооружения были на стороне Народно-Освободительной Армии. Это привело к тому, что уже 24 марта восставшие были вынуждены оставить Лхасу и уйти в горы, где отсутствие питания и боеприпасов поставило восставших в очень тяжелое положение.

На известие о восстании в Тибете последовала быстрая реакция на Тайване. 26 марта президент Республики Китай на Тайване Чан Кайши выступил со специальным обращением к жителям Тибета, в котором выражалась поддержка их борьбы против китайских коммунистов и высказывалась мысль о возможном предоставлении гоминьдановским правительством статуса широкой автономии Тибету после возвращения власти тайваньского правительства над материком. 27 марта Законодательный Юань принял резолюцию требующую от правительства поставить вопрос о положении в Тибете на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН. В тоже время позиция Чан Кайши в вопросе о положении в Тибете была довольно двусмысленной. Дело в том, что сам Чан Кайши в бытность свою президентом Республики Китай на материке активно препятствовал предоставлению автономии Тибету. Поэтому обращение лидера Гоминьдана могло рассматриваться в странах Азии и в Тибете в контексте неоконченной гражданской войны как попытка Чан Кайши привлечь к борьбе против центрального правительства Китая все возможные силы, даже путем отказа от тех принципов и позиций, которых придерживалось правительство ранее.

О ситуации, сложившейся в Тибете, высшему руководству США впервые было доложено на заседании Совета Национальной Безопасности с участием президента 26 марта 1959 г. Только после того, как Далай Лама вылетел из Тибета в Индию, президенту США Дуайту Эйзенхауэру 1 апреля 1959 г. был предложен меморандум о возможных действиях Соединенных Штатов в отношении этого восстания. Такая неспешность объясняется тем, что Тибет не входил в сферу тех регионов, которые были важны для США. В тоже время восстание в Тибете означало возникновение очага напряженности в КНР и соответственно открывало возможности для американской администрации использовать трудности КНР в своих целях. США не могли оказывать прямую помощь восставшим, так как это показывало бы политическую заинтересованность американской администрации в происходящем, ассоциировалось в большинстве азиатских стран как очередной эпизод «холодной войны» и, соответственно, не дало бы никаких политических выгод Соединенным Штатам, а лишь настроило бы против восставших азиатских лидеров.

В такой ситуации правительство США предприняло усилия для того чтобы, побудить некоторые дружественные США государства (Ирландия, Малайзия), поднять вопрос о положении в Тибете перед Генеральной Ассамблеей ООН. То же самое было предложено сделать и Далай Ламе, который должен был, по мнению американской администрации, обратиться в ООН по поводу нарушения прав человека в Тибете. Поднятия Далай Ламой вопроса о предоставлении независимости Тибету в ООН американская администрация стремилась не допустить, так как такой призыв был бы не понят в мире, поскольку Тибет никогда не был в новейшее время независимым государством. Отделение Тибета, создание независимого государства многими правительствами особенно в многонациональной Азии, рассматривалось бы как прецедент поощрения сепаратизма.

Этому призыву активно противодействовала Индия, так как опасалась и, надо сказать, небезосновательно, обострения отношений с Китаем. Неру предупреждал Далай Ламу, что Индия предоставит религиозное убежище самому лидеру буддистов и тем из восставших, которые будут пересекать китайско-индийскую границу. Но в случае провозглашения независимости Тибета, индийское правительство вынуждено будет прекратить оказание помощи тибетским беженцам.

Позиция Индии, по мнению администрации Эйзенхауэра, была, в данном случае, необычайно важна. Так как поддержка Индии, а вместе с ней и других неприсоединившихся государств Азии, не придаст действиям Далай Ламы оттенка конфронтационности в духе «холодной войны» и будет выглядеть как защита нейтральным государством, каким является Индия, общечеловеческих ценностей³. Американское правительство предприняло

значительные усилия для материальной поддержки восставших путем снабжения их питанием, медикаментами и т.д. через неправительственные международные организации. Для этого правительство США способствовало тому, что между Индией и международными организациями были достигнуты договоренности о предоставлении помощи индийскому правительству по приему тибетских беженцев.

Однако, такая позиция США встретила определенные трудности и привела к корректировке американской политики. Во-первых, подавление восстания в Тибете и призыв Далай Ламы, обращенный к лидерам азиатских стран, поддержать движение тибетского народа в его борьбе за независимость, не нашел широкой поддержки в азиатских странах и в мире. Страны же расположенные на границе с Тибетом, – Индия, Бутан, Непал, – однозначно высказались против образования какого-либо независимого государства на территории Тибета. Поэтому администрация Эйзенхауэра вынуждена была приложить максимум усилий для того, чтобы убедить Далай Ламу не выступать с требованием независимости перед Генеральной Ассамблеей ООН, поскольку провал подобного выступления означал бы «большую победу коммунистического Китая и резкое увеличение его престижа в мире». В тоже время американское правительство пришло к пониманию того, что существование альтернативного коммунистам правительства Тибета в изгнании выгодно США. Поэтому, чтобы не потерять своего влияния, американцы высказались за предоставление широкого самоопределения народу Тибета и стали оказывать ему щедрую материальную и моральную поддержку. Помощь США направлялась не прямо, а через международные неправительственные организации.

Необходимо также отметить, что американской администрации довольно быстро удалось заставить представителей Тайваня снизить активность в вопросе о Тибете. Была достигнута договоренность о том, что, если стремление Далай Ламы объявить о создании независимого правительства будет тепло встречено в азиатских странах и в мире, то правительство Республики Китай на Тайване сделает заявление, в котором оно выразит свое положительное отношение к стремлению тибетского народа самостоятельно решать свою судьбу и выступит за предоставление ему права на самоопределение.

Все эти меры в совокупности привели к тому, что вопрос о положении в Тибете стал довольно серьезной проблемой для Китая. Именно тибетский вопрос, включая вопрос о спорных территориях в Тибете между Индией и Китаем, привел к разрыву до этого дружественных отношений и вооруженному конфликту между этими странами в 1962 г. Такое развитие событий было выгодно американской администрации, которая оказалась в первой половине пятидесятых годов перед лицом такой ситуации, когда две наибо-

нее крупные и авторитетные страны Азии – Индия и Китай по большинству вопросов международных отношений расходились с американским подходом.

Примечания:

1. См.: Владимирев О. Советско - китайские отношения в сороковых – восьмидесятих годах. М.: “Международные отношения”, 1984. 382 с.; Fairbank J.K. The United States and China. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England, Fourth Edition, Enlarged, 1983. 632 p.
2. Foreign Relation of the United States, 1958–1960. Vol. XIX. China. – Wash.: United States Government Printing Office, 1996. P. 752.
3. Ibid. P. 771–773.

Романова Е. Ю.

Миграционный обмен Сибири и Казахстана 1991–1997 гг.

Распад СССР привел к образованию новых независимых государств на территории некогда единого пространства и явился крупнейшим событием конца XX века. Одним из следствий этого распада стало резкое усиление процесса миграции русского населения из стран СНГ и Балтии назад в Россию. Масштабы, интенсивность и последствия данного процесса таковы, что он стал одним из дестабилизирующих факторов в России и странах СНГ и международных отношениях между ними и вследствие чего заслуживает тщательного изучения. Целью данной статьи является рассмотрение миграционных процессов между Россией и Казахстаном, выявление причин и потенциальных последствий данного процесса для обеих сторон.

Для достижения поставленной цели первоначально необходимо обратиться к истории вопроса, так как условия для сложившейся ситуации были сформированы задолго до распада СССР. По данным последней всесоюзной переписи населения, к 90-м годам численность русских, проживающих на территории советских республик, составила 25,3 млн. человек. Причинами этого было многовекское формирование и расширение границ сначала Российской империи, а затем другого многонационального государства – Советского Союза. В течение долгого времени существования Российского государства проводилась и поддерживалась политика переселения русских на сопредельные территории для достижения своих экономических и политических целей. Распад Советского Союза, как и любой многонациональной империи, был неминуем и, если посмотреть на мировой исторический

опыт, то обратная миграция переселенного коренного населения метрополии при приобретении колониями статуса независимых государств является закономерным процессом.

В результате проводимой центрально-азиатскими государствами политики и сложившейся в них обстановки в социально-экономической сфере, в период после распада СССР эти государства стали основными донорами русских мигрантов для России. Начиная с 1989 года, за шесть лет, по официальным данным, из Центральной Азии эмигрировало 1453,7 тысяч человек. Для сравнения: Украину, Белоруссию и Молдавию за тот же период покинули 205 тыс. русских¹. Казахстану в этом процессе принадлежит особая роль. Интенсивность оттока русских оттуда невысока, но масштабы миграции ставят Казахстан на первое место среди государств-доноров для России.

Миграционные потоки носят четкую географическую направленность. Наибольшее число мигрантов на протяжении нескольких лет продолжают принимать Западно-Сибирский, Уральский, Центральный регионы и Поволжье. Лидирующее положение здесь занимают Западно-Сибирский регион, два субъекта федерации которого были внесены Федеральной Миграционной Службой в число 14-ти районов, выделенных в качестве первоочередных по приему мигрантов. Это Новосибирская область и Алтайский край. По оценке ФМС всего в Россию смогут выехать (исходя из условий приема) не более 4020 тыс. человек, 20% из которых примет Западная Сибирь². Следовательно, миграционные связи Западно-Сибирского региона и Казахстана являются важной частью миграционных процессов на территории постсоветского пространства и заслуживают специального рассмотрения. В настоящей статье предоставлен первый опыт такого анализа.

Несомненно, что переселение русского населения из Казахстана в регионы России привело и еще приведет к множеству изменений в социально-экономической, демографической и политической ситуациях обоих государств. Чтобы понять последствия переселения русских, необходимо рассмотреть такие характеристики миграционных потоков, как численность, географическую направленность, возрастную, социальный и национальный состав, а также тенденции в изменении численности мигрантов как из Казахстана в Россию так и в обратном направлении. Немаловажно рассмотреть этнополитическую ситуацию в Казахстане и выявить причины столь большого числа русских, желающих выехать на постоянное место жительства в Россию.

Казахстан исторически соединил интересы двух миров – исламо-тюркского и христианско-славянского и является одним из самых многонациональных государств из всех республик бывшего Советского Союза. В нем проживают представители более чем 100 национальностей. Процент коренно-

го населения (казахов), начиная с конца 19 в. постоянно менялся, а в период с 30-х по 80-е гг. нашего столетия процент русского населения даже превышал процент казахов, что видно из табл. 1.

Таблица 1

Соотношение казахского и русского населения в Казахстане 1830–1992 гг., % *

Годы	1830	1850	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1992
Казахи	96,4	91,1	79,8	58,5	36,6	29,8	32,6	36	39,6	43,2
Русские	-	-	-	20,4	40	42,7	42,4	40,8	37,8	37,5

* Khazanov A.M. "After the USSR..." С. 256.

Еще одной особенностью Казахстана является то, что, будучи в составе Советского Союза, он являлся местом ссылки целых народов, таких как немцы, чеченцы, корейцы, крымские татары и т.д. Сейчас эти народы составляют российскую диаспору в Казахстане наряду с этническим русским населением.

Самым заметным этнографическим явлением за три последних десятилетия между переписями населения СССР 1959–1959 гг. было сокращение доли славянского населения в стране на 6,8% и неуклонное возрастание доли тюркоязычного населения. С обретением государственной независимости руководство Казахстана заложило в принятую Декларацию о суверенитете идею закрепления привилегированного положения титульной нации – казахов. Введение норм о необходимости свободного владения казахским языком, возведение его в статус государственного испортило климат межнациональных отношений в Казахстане. Утверждение казахской государственности явилось сложным процессом и даже у казахской части населения вызвало неоднозначную оценку.

Согласно проведенному в конце 1994 г. масштабному социологическому опросу, более чем для половины (52,5%) русских и для 16,3% опрошенных казахов изменения произошли в худшую сторону. К числу перемен в худшую сторону и казахи и русские на первое место поставили фактор падения жизненного уровня, на второе – рост преступности. Возрастающая напряженность в отношениях различных групп населения Казахстана, экономический кризис и нестабильность поставили, прежде всего, перед некоренным населением вопрос о выборе гражданства и миграции в Россию. Естественно, что суверенизация, понимаемая как возрождение титульных народов, по-разному воспринимаются представителями титульного и нетитульных народов. Нынешнее экономическое положение Казахстана неустойчиво: характерен спад производства, рост цен, инфляция и т.д. Важно

подчеркнуть, что происходящие в экономике процессы примерно одинаково негативно оценивают и русское население (63,4%) и казахское (62,8%). Интересны также результаты опроса об ориентации русских и предпочтениях пути развития Казахстана в будущем: каждый второй русский назвал своей родиной СССР, а не Казахстан. Три группы русских отдали предпочтение таким моделям развития Казахстана: в составе СССР – 24,8%, в составе СНГ – 21,5%, в составе четырех бывших союзных республик – Казахстана, России, Украины и Белоруссии – 20,6%. Среди русских респондентов удельный вес тех, кто приветствует развитие Казахстана как самостоятельного государства, в 5,3 раза меньше, чем среди казахов³.

С провозглашением независимости осложнилось решение так называемого “русского вопроса”. Начался большой отток русских из Казахстана: только за 1993–94 гг. выехало около 500 тыс. человек, что явилось реакцией русского населения на реализацию идеи “этнического государства” казахов. Этносоциологические опросы показали, что миграция русских вряд ли прекратится или значительно уменьшится в ближайшие годы: треть русских, проживающих в городах, твердо намерена уехать из Казахстана. Этнополитическая реальность в Казахстане такова, что идет форсированная “казахизация” государственных институтов, т.е. переход в сферу управления казахов, вытеснение русских из важнейших сфер народного хозяйства и т.д. Фактически язык превращен в юридический механизм, с помощью которого перекрывается доступ русских в высшие эшелоны власти. Принимая во внимание слабое распространение казахского языка среди неказахского населения, можно сделать выводы о дискриминационных мерах. Таким образом, к главным причинам миграции русских из Казахстана можно отнести экономические трудности и безработицу, а также нежелание русских быть национальным меньшинством и занимать дискриминируемую позицию. Одним из главных факторов для миграции сами русские называют неуверенность в завтрашнем дне и будущем своих детей.

Как уже говорилось, миграционные потоки русского населения из Казахстана в Россию носят четкую географическую направленность. Около 70% всех мигрантов принимают 4 региона Западной Сибири: Новосибирская, Тюменская, Омская области и Алтайский край. Самые низкие показатели по числу прибывших в Сибирь наблюдаются в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах и Томской области. (см. табл. 3). Что касается выбывших из районов Западной Сибири в Казахстан, то их численность колеблется в пределах 50–60% от числа прибывших за тот же период. Характерно, что число мигрантов в районы Западной Сибири из Казахстана является стабильно растущим, а число мигрантов в Казахстан из тех же районов – стабильно снижающимся (за исключением Алтайского края). По прогнозам ФМС, из 20% общего потока мигрантов в Россию из

стран СНГ, что примет Западная Сибирь, больше 1/3 придется на Новосибирскую область, около 30% на Алтайский край, 17% на Омскую область и 16% на Тюменскую⁴. Таким образом, закрепляется тенденция сохранения Новосибирской обл. и Алтайского края главными реципиентами по приему мигрантов из Казахстана.

Говоря о национальном составе, нужно отметить, что русские составляют около 75% общего потока мигрантов. Переезжают в Россию также представители титульных национальностей Российской Федерации и русскоязычные украинцы, белорусы, немцы и т.д. Их доля в общем потоке мигрантов составляет около 15 %. Остальные 10% приходится на казахов и такие национальности как чеченцы, армяне и т.д. (см. табл. 4). Исходя из анализа данных, к вероятным тенденциям миграционного обмена можно отнести: абсолютное увеличение притока русских и сокращение их доли среди мигрантов; увеличение числа и доли в миграционном потоке представителей неславянских национальностей; усиление потока из России уроженцев Казахстана и Средней Азии. Интересно также рассмотреть миграцию между основными этносами России и Казахстана (русскими и казахами) на протяжении 1989–95 гг.

По табл. 2 видно, что перераспределение населения между республиками подвержено очень большим колебаниям в течение коротких промежутков времени. Однако главными тенденциями в рассмотренный период можно назвать увеличение числа русских, мигрирующих из Казахстана в Россию и уменьшение их числа при обратной миграции. Что касается коренной нации Казахстана, то миграция казахов стабильно уменьшается в обоих направлениях.

Также из таблицы можно сделать вывод, что миграция неравномерна и не является односторонней для России, вопреки сложившемуся мнению. Обратный поток в Казахстан также существенен.

Среди общих характеристик мигрантов из Казахстана в районы Западной Сибири можно отметить, что 47,6 % общего потока являются мужчинами, 53,3 % женщины. На 1994 г. 62 % из переехавших обосновались в городах, 38 % в сельской местности⁵. Распределение мигрантов по возрасту в сравнении с населением Западной Сибири показало, что в числе мигрантов больше людей моложе 16 лет и трудоспособного возраста, чем в районах заселения (см. табл. 5). Структура миграционного потока по уровню образования в сравнении с населением России также складывается в пользу первых: в числе переселенцев в возрасте с 16 лет 19,4 % имеют высшее образование (13,3 % для россиян), 31,3 % незаконченное высшее и среднее специальное (29,7 % по России) и не имеют образования всего 0,4 % (4,3 % по России)⁶.

Встречная миграция казахов и русских в 1989–1995 гг., чел.*

Прибывшие из Казахстана в Россию							
Нации	1989г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Казахи	16574	13605	10287	6762	9203	9709	8814
Русские	396062	491732	394114	612682	594801	726955	510841

Выбывшие в Казахстан из России							
Нации	1989г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Казахи	17041	16547	16921	18610	13574	8067	5922
Русские	334503	291861	276414	251893	175400	114577	122449

* – Демографический ежегодник РФ 1996. С. 400–407.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мигрантов из Казахстана в Западную Сибирь можно охарактеризовать как экономически активное, обладающее высоким профессиональным потенциалом население, главным образом русское и русскоязычное. Такие характеристики мигрантов дают Западной Сибири массу положительных эффектов. В первую очередь, это прирост трудоспособного населения, что дает толчок для создания новых рабочих мест. Конкуренция на рынке труда повышает уровень занятых квалифицированных рабочих. Вынужденная миграция на данный момент является необходимым источником для улучшения демографической ситуации в регионе, когда уровень рождаемости продолжает падать, а уровень смертности – расти. При вынужденной миграции “более молодого” населения, снижается нагрузка на экономически активное население, на фоне общего старения местного населения. Например, по прогнозам, составленным для Новосибирской области, в 1994 г. на тысячу трудоспособного населения приходилось 785 человек нетрудоспособного возраста (411 детей и 347 пенсионеров). Под воздействием миграции и естественных процессов к 2006 г. это соотношение должно измениться, и на тысячу трудоспособного

населения будет приходиться 577 человек нетрудоспособного возраста (206 детей и 317 пенсионеров)⁷. Авторы прогнозов делают выводы, что при той демографической ситуации, которая сложилась в настоящее время, вынужденная миграция – единственный источник положительного прироста населения и улучшения демографической структуры в Новосибирской области. Такая ситуация характерна для большинства районов Западной Сибири.

Но с другой стороны, существует ряд проблем, создаваемых миграцией русских в Западную Сибирь. Это, прежде всего, трудности, связанные с жильем, поиском работы, недостатком денежных средств, что усиливает социальную напряженность в месте пребывания мигрантов. К проблемам можно также отнести неравномерное распределение по регионам (так основной поток направляется в Новосибирскую область и Алтайский край, а в экономическом и социальном плане эти регионы относятся к наименее благополучным). Происходит также оттягивание мигрантами на себя значительных денежных средств из фондов социальной защиты населения, вследствие чего возникает острая необходимость в федеральной поддержке, которую государство не может позволить в сложившейся экономической ситуации.

Крайне неблагоприятными остаются последствия миграции русских для Казахстана. Идет потеря высококвалифицированных кадров и интеллигенции. Конкуренция на рынке труда незначительно ослабляется, но это ведет к тому, что уровень квалификации занятых рабочих понижается. К тому же снижение конкуренции за рабочие места, наряду с обвальным спадом производства, не несет населению Казахстана зримых преимуществ.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что миграция русского населения из Казахстана в Россию действительно стала закономерным процессом, который завершает существование многонациональной Российской империи. Исходя из анализа современной миграционной ситуации, поощрение обратной миграции входит в интересы России. Созданная для регулирования миграционных процессов и помощи вынужденным переселенцам Федеральная Миграционная Служба пока реально не выполняет возложенные на нее функции, главным образом по причине нехватки финансирования проектов.

Из материалов данной статьи вытекает также и то, что в перспективе Центрально-Азиатский регион останется основным донором русских и русскоязычных мигрантов для России. Процесс русской миграции будет сохраняться долгое время и будет являться дестабилизирующим фактором для внутренней ситуации в России и странах СНГ, а также в отношениях между этими государствами.

Миграционный обмен регионов России с Казахстаном 1993–1995 гг. (чел)*

Регионы	Количество прибывших из Казахстана		Количество выбывших в Казахстан	
	1993 г.	1995 г.	1993 г.	1995 г.
Россия	195672	241427	68703	503888
Западная Сибирь	52896	73613	2150	17484
Республика Алтай	676	1203	428	209
Алтайский край	18773	18053	5250	5758
Кемеровская обл.	5675	10640	2176	1955
Новосибирская обл.	7335	11334	3249	2477
Омская область	11003	17409	5212	3972
Томская область	2458	3681	1695	956
Тюменская область	6876	11311	3540	2157
Ханты-Мансийский автономный округ	3634	5410	1359	946
Ямало-Ненецкий автономный округ	1582	1934	930	311

* – Демографический ежегодник РФ. 1993. М., 1994. С. 384–399; Демографический ежегодник РФ. 1995. М., 1996. С. 496–503.

Таблица 4

Национальный состав мигрантов между Россией и Казахстаном (чел)*

Нации	Прибывшие в РФ из Казахстана		Выбывшие из РФ в Казахстан	
	1993 г.	1995 г.	1993 г.	1995 г.
Армяне	477	679	102	103
Башкиры	2156	250	709	485
Белорусы	2355	3585	765	565
Грузины	117	113	41	42
Евреи	134	193	68	40
Казахи	5795	7933	12510	5580
Марийцы	613	605	150	61
Молдаване	594	636	217	140
Мордва	879	989	205	131
Немцы	8512	9409	3076	2432
Русские	144837	177230	40436	33468
Татары	6992	8720	2505	1941
Узбеки	681	394	238	98
Украинцы	8463	20367	4235	3337
Чеченцы	115	219	284	93
Чуваши	251	1034	257	150
Другие	1922	4826	2114	1265

*Демографический ежегодник РФ. 1995. М., 1996. С. 400–405.

Распределение по возрасту мигрантов и населения Западной Сибири (%)*

Регионы	Переселенцы		Местное население	
	Моложе трудоспособного возраста	Трудоспособного возраста	Моложе трудоспособного возраста	Трудоспособного возраста
Россия	29,4	57,9	23,2	56,2
Западная Сибирь	31,5	59,6	25,5	57,0
Алтайский край	34,0	56,5	24,9	55,2
Кемеровская область	32,6	59,0	33,9	56,9
Новосибирская область	29,5	63,5	23,3	56,6
Омская область	36,7	52,0	26,0	54,7
Тюменская область	29,3	60,0	25,4	60,7
Томская область	25,4	62,2	25,3	58,5

* – Соболева С.В. Возможные изменения в демографической ситуации под влиянием потока вынужденных переселенцев // Регион, 1996. № 1. С. 119.

Примечания:

1. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья // Социс. 1996. № 11. С. 35.
2. Бородин Ф.М. Новое переселение народов – фактор в региональной социальной ситуации // Регион, 1996. № 1. С. 117.
3. Социально-политическая ситуация в Казахстане // [http:// ispi.minsk.by/page/st4/html](http://ispi.minsk.by/page/st4/html)
4. Бородин Ф.М. Переселение народов – фактор в региональной социальной ситуации // Регион, 1996. № 1. С. 117.
5. Соболева С.В. возможные изменения в демографической ситуации под влиянием потока вынужденных переселенцев // Регион: экономика и социология, 1996. № 1. С. 130.
6. Там же.
7. Чернин Н.В. Самоорганизация социальной жизни мигрантов в сибирском городе // Регион, 1996. № 1. С. 141.

Финансовый кризис 17 августа 1998 г. в России: резонанс в постсоветском пространстве.

Финансовый кризис, разразившийся в середине августа, положил конец денежной стабилизации. Хрупкое доверие, которое начали испытывать к России на международных финансовых рынках, было потеряно. Срочная международная помощь, предоставленная МВФ в июле, была и недостаточна, и запоздала для того, чтобы исправить ситуацию.

Решение о реструктуризации государственного долга, 90-дневном моратории, введении «плавающего» курса рубля, принятое 17 августа, дестабилизировало финансовый рынок России. Степень дестабилизации финансового рынка, банковской системы и негативных тенденций в реальном секторе можно охарактеризовать как состояние тяжелого кризиса. Утрачены или потеряли свое значение основные финансовые ориентиры – процентные ставки, доходность государственных ценных бумаг, валютный курс.

В настоящем кратком обзоре делается попытка выяснить, как российский кризис отразился на финансово-кредитной сфере других стран постсоветского пространства.

Тесная продолжающаяся интеграция России со странами СНГ повлекла за собой экспорт проявлений кризиса в страны ближнего зарубежья. Причем их размах в странах СНГ напрямую зависит от степени участия сопредельных стран в циркуляции товарных и финансовых потоков между странами. Другим фактором стал также вывод финансовых средств с рынков капиталов стран СНГ и Балтии международными спекулятивно настроенными инвесторами, экстраполировавшими тенденции бегства с российских рынков на страны бывшего СССР. Однако нельзя однозначно утверждать, что страны СНГ не прогнозировали для себя тяжелые последствия возможного кризиса в России.

Еще за месяц до начала финансового кризиса 17 августа в России, Национальный банк Белоруссии изложил коммерческим банкам республики свои рекомендации. Они заключались в целесообразности сокращения количества операций с российскими ценными бумагами, что и было выполнено. Впоследствии, это позволило утверждать председателю Национального банка Белоруссии Петру Прокоповичу, что кризис в России не заденет банковскую систему Белоруссии, однако невозможно было отрицать, что экономический спад в России оставит свой отпечаток на сокращении объе-

мов внешней торговли Белоруссии. По этой причине белорусские власти намерены всячески стимулировать экспорт товаров национальных производителей.

Первой жертвой российского финансового кризиса среди производителей Белоруссии оказался один из крупнейших в СНГ Минский автозавод (МАЗ), где из-за срыва поставок комплектующих из России был уже 20 августа остановлен главный конвейер предприятия¹.

Молдавия располагает достаточными валютными запасами, однако она уязвима со стороны экспорта в Россию, поскольку 60% национального экспорта идет именно туда². Несмотря на то, что экспортные операции с Россией и Украиной осуществляются в долларах США, многое будет зависеть от продолжительности российского кризиса. При его затягивании в Кишиневе не сумеют сохранить стабильность, ведь после России главными партнерами Молдавии являются страны со слабым экономическим здоровьем: Румыния, «завязанная» на Москву Белоруссия и Украина, также прочно связанная с экономикой России.

Украинская экономика, в отличие от молдавской, меньше ориентирована на российский рынок (на долю РФ приходится лишь 32% экспорта и 38% импорта страны), однако здесь полагают, что Киеву придется делать выбор между стабильностью курса гривны и торговлей с Россией. Курсовой коридор на 1998 год в пределах 1,8000–2,2500 UAH/USD был введен правительством Украины и НБУ в январе 1998 г. с одновременной отменой ранее установленного коридора на первое полугодие: 1,7500–1,9500 UAH/USD. С 14 августа курс гривны начал интенсивно снижаться под влиянием падения российского рынка, в частности, курса российского рубля; с 17 августа НБУ резко усилил девальвацию официального курса с целью сохранения баланса торговли с Россией. Курс доллара вырос с 2,25 до 2,44 гривны. Правительство Украины и НБУ решили попытаться ограничить импорт, одновременно увеличив степень административного регулирования валютного рынка. Осуществленная Национальным банком девальвация официального курса гривны является достаточной реакцией на падение российского рубля³. Состояние внутренних и внешних долгов Украины не угрожает стабильности гривны и девальвация рубля является основным негативным фактором, влияющим на курс гривны.

Несмотря на отчаянные попытки украинского правительства не допустить проникновения кризиса в Россию в страну, он задел многие крупные предприятия. И в первую очередь пострадавшими оказались шесть украинских нефтеперерабатывающих заводов, более чем наполовину зависящих от поставок российской нефти.

Из 8.4 млн. т нефти, поставленных на НПЗ Украины за восемь месяцев 1998 г., 4.9 млн. т, или 58 % от общего количества, пришли из России. Следует учесть, что после распада СССР поставки из России на Украину были

традиционно низкими. Из всех НПЗ страны только Одесский завод обеспечил в этом году 50-процентную загрузку своих мощностей, в то время как остальные могли похвастаться цифрой от 15 до 30 %⁴.

В 1997 году украинские НПЗ переработали 12 млн. т нефти, или пятую часть от своих реальных возможностей. Принимая во внимание продолжающийся финансовый кризис, нефти на Украину может поступать теперь даже меньше.

Избежать негативного влияния российского кризиса на финансовый рынок Грузии, по мнению банкиров страны, помогут два фактора: во-первых, относительная изолированность от мировых рынков, во-вторых, явная недоразвитость собственного. По мнению президента Национального Банка Грузии, «могут пострадать те грузинские банки, которые имеют рублевые корреспондентские счета в банках России, а также те грузинские резиденты, которые осуществили определенные инвестиции в российские государственные обязательства»⁵. Но о значительном их влиянии на финансовый рынок Грузии говорить не приходится, поскольку таких инвесторов здесь очень мало. Между тем в Тбилиси не исключают, что от мер российского правительства может пострадать население Абхазии, Южной Осетии и Ахалкалакского района (в последнем проживают армяне), где ходит российский рубль.

Наиболее сложно определить степень влияния Российского кризиса на Центральную Азию. Так президент Казахстана Н. Назарбаев, после 17 августа заявил, что пора всем привыкнуть к мысли, что Казахстан независимая страна и российский кризис ее не коснется. Действительно, доля рубля во внешнеторговых расчетах Казахстана в 1998 г. не превышала 17%, а денежно-финансовые системы двух стран давно разделены. Кроме того, как следует из текста совместного заявления кабинета министров и Национального банка, в Казахстане на обслуживание внешнего и внутреннего долга расходуется около 9% бюджета, в то время как в России и на Украине – порядка 35%, что свидетельствует о меньшей зависимости республики от кредиторов. Таким образом реальной угрозы резкой девальвации тенге не существует⁶.

Что касается других центрально-азиатских партнеров России по СНГ, то, возможно, ввиду низкого уровня жизни населения, не прибегающего к услугам банков, здесь вообще не стали делать проблемы из российского финансового кризиса, считая, что экономики их стран достаточно независимы от России. О реальной же ситуации судить трудно из-за отсутствия достоверных сведений.

Характерный отклик вызвал Российский кризис в странах Балтии. Так в Латвии, где объемы инвестиций латвийских банков (по преимуществу спекулятивных) в Россию достаточно значительные, наблюдался ажиотаж на

фондовом рынке. На Rigas Fondu birža выставались на продажу все бумаги (банковские акции в наибольшем количестве), при этом курс устанавливался максимально низкий – лишь бы продать. Президент Банка Латвии Э. Репше заявил следующее: «Произошло то, о чем мы постоянно предупреждали банки, – кризис в России. Банки нам возражали, что это их частный бизнес и они просчитали риски, и оказалось, что только 2 банка не успели вывести из России достаточно средств». По словам премьера Латвии Гунтара Крастса, кризис российской экономики незначительно, но на Латвию отзовется. Возволнованность и негативный опыт зарубежных инвесторов относительно России может сказаться на сокращении инвестиций в Латвию. «Латвия пока не ощущает этого, но не исключено, что почувствует в будущем»⁷.

Сейчас, когда после кризиса прошло уже полгода, можно сделать вывод о степени влияния российского финансового кризиса на страны постсоветского пространства. По данным Межгосударственного Статистического Комитета СНГ, в Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Украине рост цен составил не более 1 % в месяц, хотя в сентябре отмечен новый всплеск инфляции. Заметный скачок цен произошел в Беларуси (на 73,0 %), России (84,4%), Таджикистане (43,0 %). Во многих странах усилились трудности с формированием доходной части бюджета, возросла доля неплатежей, неоднократно переносились сроки выплаты долгов. В Казахстане ставка рефинансирования выросла с 20,5 % до 25 %, введены 200 % пошлины на ввоз ряда товаров из Киргизии и запрещен ввоз некоторых товаров из России. Киргизия получает вдвое больший кредит у МВФ⁸.

Таким образом, российский кризис сорвал начавшуюся стабилизацию экономики в России и Казахстане, усугубил экономическую ситуацию в Молдавии и на Украине, вызвал инфляцию в Беларуси и Таджикистане. Для остальных стран СНГ он не стал тяжелой проблемой, что свидетельствует о далеко зашедшей степени дезинтеграции некогда единого механизма советской экономики.

Примечания:

1. Коммерсант- Daily. 1998. 21 авг.

2. Новости. 1998. 21 авг.

3. Независимая газета. 1998. 21 авг.; Украинские новости. 1998. 21 авг.; АК&М от 21.08.1998 // www.akm.ru

4. Сегодня. 1998. 17 сент.

⁵ Независимая газета. 1998. 21 авг.

6. Там же.

7. Бизнес и Балтия. 1998. 31 авг.-9 сент.

⁸ Экономические новости России и содружества. 1998. Дек. № 23 (143); 1999. Февр. № 4 (148).

Содержание

От редактора	3
Тыжнов И.И. Падение Джунгарии	5
Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азиею и Китайскими владениями	21
Бойко В.П. Внешняя торговля западносибирских купцов в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX века	46
Старцев А.В. Обороты и ассортимент русско-монгольской торговли во второй половине XIX – начале XX в.	55
Зиновьев В.П. Торговый обмен Сибири и Центральной Азии в начале XX в.	108
Барвин В.А. Некоторые вопросы политики Советской России в отношении провинции Синьцзян Китайской республики в 1919–1922 гг.	120
Липарева Е.Ю. К вопросу о выработке курса США в отношении Китая (конец 40-х – середина 60-х гг. XX в.)	130
Мирошников С.Н. Администрация Д.Эйзенхауэра и восстание 1959 г. в Тибете	139
Романова Е.Ю. Миграционный обмен Сибири и Казахстана 1991–1997 гг. ...	143
Тышкевич Е.Ю. Финансовый кризис 17 августа 1998 г. в России: резонанс в постсоветском пространстве	152

1-869468

Томский государственный университет

Научная библиотека 00123623